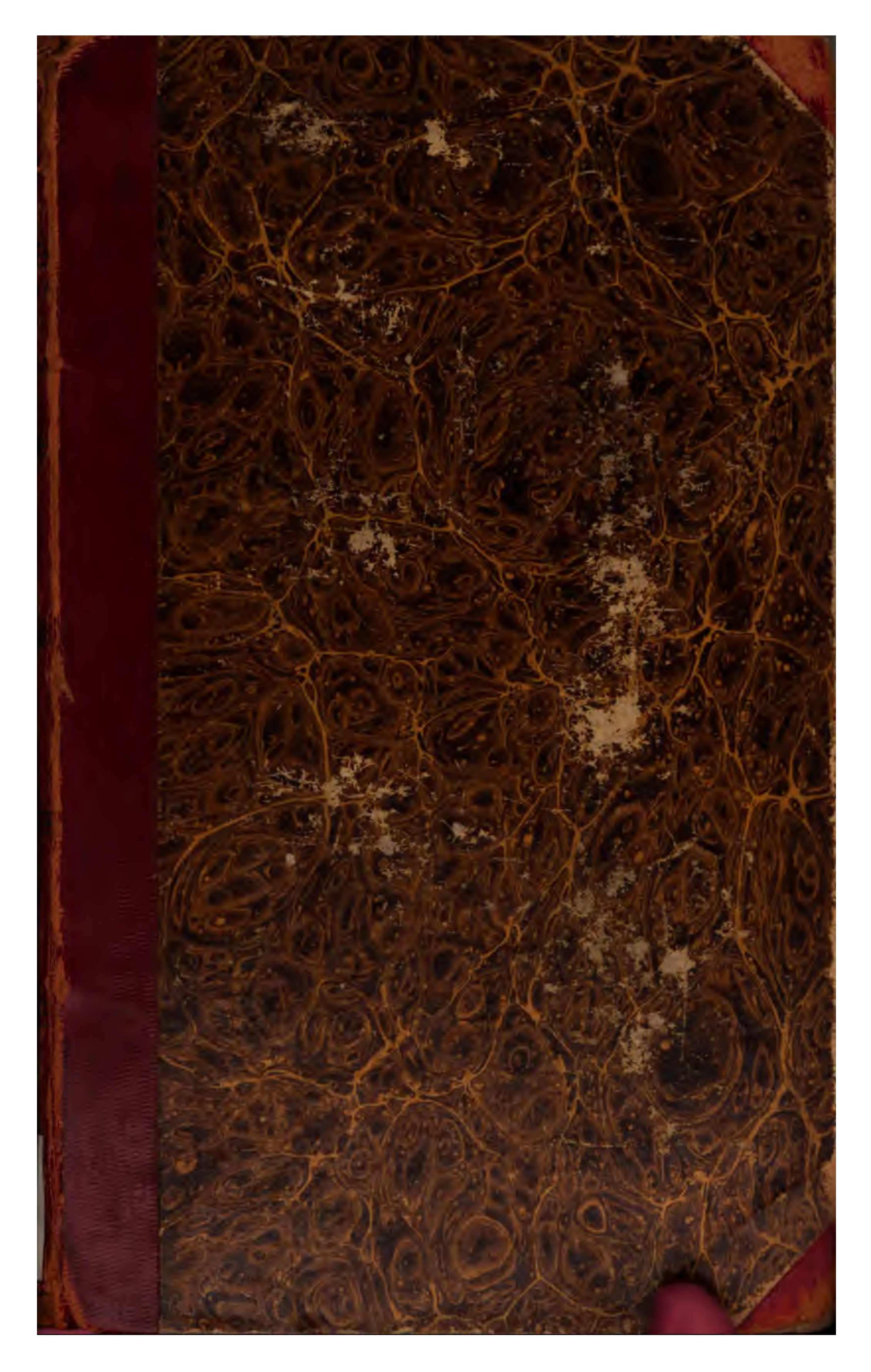

ОТКУДА ИДЕТЪ
РУСКАЯ ЗЕМЛЯ,

ПО СКАЗАНІЮ НЕСТОРОВОЙ ПОВѢСТИ
И ПО ДРУГИМЪ СТАРИННЫМЪ ПИСАНІЯМЪ
РУССКИМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Максимовича

Орд. Профессора Русской Словесности
въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра.

КІЕВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1837.

„ . . Откуду есть пошла Руская Земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть."

Несторъ.

„Не праведно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и языковъ состояли".

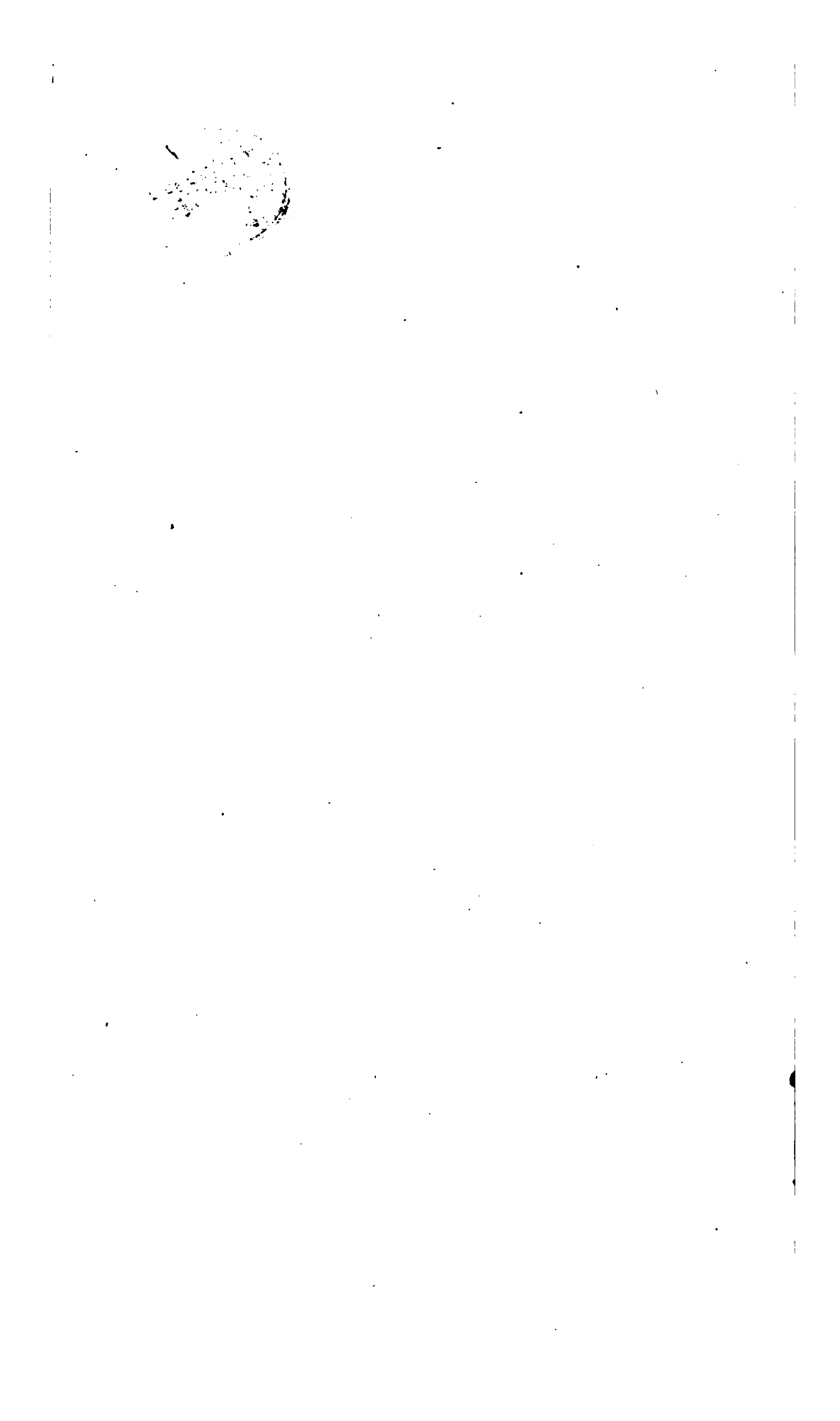
Ломоносовъ.

печатать позволяется,

по опредѣленію 1 Отдѣленія Философскаго Факультета. Кіевъ, Генваря 8 дня, 1837 года.

Ректоръ Университета *Владиміръ Цыхъ.*

ПАМЯТИ ЛОМОНОСОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду Читателей краткое изслѣдованіе *о Руссахъ и Варягахъ* въ нашемъ Отечествѣ, по сказанію объ нихъ Преподобнаго Нестора, которое я старался согласовать съ другими нашими, особенно древними писаніями, и изъяснилъ оное нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; ибо, по моему изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX в. не видно мысли чтобъ Руссы были Скандинавы.

Для опредѣленія Несторова мнѣнія, приняты мною въ основаніе два списка его Повѣсти временныхъ лѣтъ: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздалѣ Инокомъ Лаврентіемъ 1377 г., и *Ипатьевскій*, написанный также въ XIV в. (по мнѣнію Карамзина) и вѣроятно въ Южной Руси, — какъ два *древнѣйшіе*, а потому если и отступившіе отъ подлинника Несторова, то не много и не во многомъ. Первымъ изъ нихъ я пользовался по печатному изданію Тимковскаго (М. 1824), прерывающемуся 1019 годомъ, утвержденіемъ Ярослава въ Кіевѣ; вторымъ—по Шлецерову *Нестору* (въ Русскомъ переводѣ Языкова Спб. 1809—19.), оканчивающемуся 980 годомъ, началомъ Княженія Владиміровa въ Кіевѣ. Прочіе списки Русской Лѣтописи принадлежатъ позднѣйшему времени, и за исключеніемъ *Кенигсбергскаго* (XVI в. по Карамз.), представляютъ иногда значительныя отмѣны противъ двухъ первыхъ, сообразно мнѣніямъ, какія въ среднія

времена были; почему въ такомъ значеніи я и принималъ сіи отмѣны, часто между собою совершенно сходныя.

Для означенія же того, что называю я древнимъ, среднимъ, новымъ періодомъ нашей Словесности, нелишнимъ почитаю здѣсь представить принятое мною дѣленіе оной на *періоды* и *отдѣлы*.

I-й *Періодъ*, *Древній* — отъ 60-тыхъ годовъ IX вѣка до послѣдней четверти XIII-го.

Въ 60-тые годы IX вѣка, началась новая жизнь Русской Земли, съ пришествіемъ Руссовъ; началось Русское Православіе; составилась Словенская грамота, книжный Словенскій языкъ и преложеніе на оный Священныхъ и Церковныхъ Книгъ, на коихъ основалось и утвердилось Русское Просвѣщеніе въ Кіевѣ.

Господствомъ сихъ Книгъ, книжно-Словенскаго языка и вліяніемъ *Греко-Восточнаго Просвѣщенія* ознаменованъ сей древній періодъ.

Я раздѣляю древній періодъ на 3 отдѣла:
1-й отдѣлъ—до кончины Ярослава, 1054.
2-й отдѣлъ—до кончины Мономаха, 1125.
3-й *отдѣлъ*—до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита въ Сѣверовосточную Русь.

II-й *Періодъ*, *Средній*—отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Переселеніемъ Русскаго Митрополита изъ Кіева во Владиміръ-Залѣскій и первымъ тамъ Соборомъ 1274 г., положено начало обновленія умственной и общественной жизни Сѣверовосточной Руси и того вліянія на нее *Русскаго Духовенства,* какое особенно было въ сей періодъ,—означенный съ другой стороны вліяніемъ *Латино-Западнаго* Просвѣщенія на умственную жизнь Южной и Западной Руси, съ которыми вмѣстѣ оно перешло и въ Великую Россію. Кромѣ того сей періодъ ознаменованъ сильнымъ раскрытіемъ на Православіи утвержденной *Русской народности,* и ея безпримѣрно - богатымъ проявленіемъ въ *народной Поэзіи* Великорусской и Украинской.

Я раздѣляю Средній періодъ на 3 отдѣла:
1-й отдѣлъ—до исхода XV вѣка.
2-й отдѣлъ—до исхода XVI вѣка.
3-й отдѣлъ—до конца XVII вѣка.

III-й *Періодъ, Новый*—XVIII-й вѣкъ и первая четверть XIX-го.

Въ 1700-мъ году, съ утвержденіемъ полнаго Единовластія Петра Великаго, начались Его нововведенія въ Россіи и преобразованіе оной по образцу Европейскому, чѣмъ и положено начало *Гражданско-Русскаго Просвѣщенія* подъ вліяніемъ Ново-Европейскаго. (Въ 1700 г. между прочимъ прекратилось Русское Патріаршество, начался Новый годъ съ Генваря, новое лѣточисленіе съ Р. Х.).—Стремленіемъ къ *Европеизму,* переимчивымъ подражаніемъ ему и его усвоеніемъ озна-

менованъ сей новый періодъ, который я раздѣляю на 4 отдѣла:

1-й отдѣлъ-до вѣка Елисаветы, по 1740 годъ (до Ломоносова).

2-й отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й отдѣлъ—до 1812 года (до Жуковскаго).

4-й отдѣлъ—до кончины Александра I, 1825 г. (Карамзинъ-Историкъ предозначаетъ новѣйшее направленіе Русской Словесности).

IV-й *Періодъ*, *Новѣйшій или Современный.*

Въ нынѣшнее историческое Царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ,—означилось *просвѣщенное* обращеніе къ *своенародности* и *положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей—въ самой Поэзіи.

„Се Русія—уродившися въ Вѣрѣ Православной, за слушную рѣчь почиталемъ, абы вѣдалъ самъ и иншимъ Рускимъ сыномъ сказалъ: отколь Русь почалася, и якъ Панство Руское, за початку ставши, до сего часу идетъ.“

Заключаю мое Предисловіе сими словами Кіевскаго инока Ѳеодосія Софоновича, изъ его *Хроники зъ Лѣтописцовъ стародавнихъ*, 1672 г.

1. Декабря, 1836 г. *М. Максимовичъ.*

Кіевъ.

О РУССАХЪ И ВАРЯГАХЪ.

§ 1.

По Словенски *языкомъ* называется и собственно языкъ, и народъ. Такое двойственное значеніе сего слова, равно и его образованіе изъ слова язъ или азъ, я — имѣютъ основаніемъ своимъ ту вѣрную мысль, что въ языкѣ выражается личность народа, и обличаютъ глубокое чувство и сознаніе сей личности у племени Словенскаго.

Исторія Словесности и языка каждаго народа должна итти рядомъ съ Исторіей самаго народа, тѣмъ болѣе, что сія послѣдняя и основывается преимущественно на памятникахъ Словесности и языка.

При изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи стихій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ старожиловъ Россіи—*Восточныхъ Словенъ*? (1)

Но при этомъ неизбѣжно прикасаешься къ тому вопросу, который такъ важенъ

для нашей Исторіи, такъ занимателенъ и вмѣстѣ затруднителенъ для нашей исторической Критики; на которой она, при всемъ многоразличіи соображеній и мнѣній своихъ, даетъ отвѣты рѣшительные, но не дала еще рѣшенія окончательнаго. Я разумѣю вопросъ: отъ кого досталось народу и языку нашему имя Руси, объединившее собою Восточныхъ Словенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи? И если это имя не было общимъ для нихъ издревле (2), то какому народу принадлежало оно прежде — Словенскому, или не-Словенскому, и какому именно?

Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ въ своемъ Несторѣ (1802 г.) обновилъ возникшее за 100 лѣтъ мнѣніе Байера (3) или точнѣе сказать мнѣніе Тунмана о Варягахъ и Руссахъ, — ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси пересилило собою мнѣнія прежде бывшія у насъ на Руси, отъ Нестора до Ломоносова и Болтина; и этому ученію послѣдовала большая часть нашихъ лучшихъ, всѣмъ извѣстныхъ писателей по Русской Исторіи. — Еще прежде Шлецера, бывшій Адьюнктомъ Байера Миллеръ хотѣлъ-было въ Академической Рѣчи (О началѣ народа и названія Русскаго, 1749) провозгласить Скандинавское происхожденіе Руси. Но въ ту пору всеобъемлющій Ломоносовъ оста-

новилъ его; а потомъ уже и самъ Миллеръ былъ противъ онаго мнѣнія и приблизился къ мнѣнію Ломоносова, который, по выраженію Шлецера, и въ Исторіи былъ оракуломъ для Русскихъ,—который и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ тоже, что и съ языкомъ Русскимъ. Въ полновѣсной рѣчи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Латинь, и Германизмъ; въ историческомъ его мнѣніи о Руси совмѣстились прежнія начала, коими изъясняли ея происхожденіе. По его мнѣнію, Варяго-Руссы были Словенскій народъ, древле переселившійся на Варяжское Поморіе съ Волги, понынѣ Мордвою называемой *Ра*,—вышедшій оттуда вмѣстѣ съ Аланами, потому и названный Роксаланами и Аланъ-Орсами (4), а самъ по себѣ называвшійся Россами, Россанами (и даже Ранами, отъ р. Ра, какъ называетъ Гельмольдъ Словенъ Ругійскихъ); по переселеніи ихъ въ Россію, прежнее мѣстопребываніе ихъ въ Поморіи назвалось Поруссіей или Пруссіей, не по сосѣдству, а по наслѣдованію (см. его *Древнюю Россійскую Исторію*, 1766, и въ *Крат. Россійскомъ Лѣтописцѣ*, 1760).—

Въ 1768 г. Миллеромъ изданъ I-й томъ Исторіи Россійской Татищева (дотолѣ ходившей въ рукописяхъ), въ коей Руссы производятся отъ *Финновъ* (а Рюрикъ отъ Королей Лифляндскихъ). Сіе мнѣніе между писа-

телями нашими имѣло многихъ послѣдователей (5) и было господствующимъ до Исторіи Карамзина.

Но послѣ того, какъ Шлецерово мнѣніе принялъ Карамзинъ, впрочемъ поворотившій его нѣсколько на Ломоносовское (ибо Руссовъ Шведскихъ онъ провелъ къ намъ черезъ Пруссію), — у насъ стало господствовать покрываемое именемъ Нестора мнѣніе, будто Руссы были народъ Скандинавскаго или Готто-Нѣмецкаго племени. — Въ слѣдствіе того, новый Историкъ нашъ Полевой принялъ за основное предположеніе, что Скандинавами начинается Исторія Русскаго народа, и съ нихъ началъ свою Исторію (1829). Но Сенковскій полагаетъ, что покоренные Руссами-Скандинавами Словены и Финны *обрусѣли* прежде, чѣмъ покорители ихъ забывъ нарѣчіе свое сдѣлались *Человѣками* т. е. Словенами; что овладѣнные Руссами, съ принятіемъ ихъ имени, неминуемо долженствовали утратить свою народность и сдѣлаться Скандинавами въ образѣ мыслей, нравахъ и даже занятіяхъ. Русскій языкъ называетъ онъ химическимъ соединеніемъ Словенскаго и Скандинаво-Нѣмецкаго, съ примѣсью Финскаго, и говоритъ, будто даже Запорожскіе Казаки говорили Скандинавскимъ языкомъ, а начало Украинскихъ Думъ сопряжено съ Исландскою Словесно-

стью (Сагою); Запорожье называетъ онъ *Днѣпровскою Скандинавіею Руссовъ*. (6)

Можетъ быть такое впаденіе въ излишество и въ крайность ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси предвѣщаетъ, что сему ученію приходитъ уже конецъ: ибо такимъ явленіемъ обыкновенно кончались не только многія системы Философіи и другихъ наукъ, но и разныя стремленія и направленія въ другихъ отрасляхъ мысли и жизни частной и общественной. Впрочемъ это покажетъ время! А между тѣмъ, какъ распространялось и доходило до такой крайности это ученіе, продолжались и особенно въ послѣднее время являлись мнѣнія противорѣчащія Скандинавству Руссовъ, — и замѣчательно, что въ большей части ихъ обновлялись многія изъ прежнихъ мнѣній съ новою вѣроятностію и въ новыхъ видахъ.

Будемъ надѣяться что новый Историкъ-Критикъ все это разнообразіе мнѣній приведетъ къ одному знаменателю, и изъ хаоса писаній Византійскихъ, Арабскихъ, Западно-Европейскихъ, Скандинавскихъ и своихъ Отечественныхъ, отдѣлитъ свѣтъ истины отъ тьмы недоумѣнія и сомнѣнія. Но пока совершится это, пока раскроется положительно древнѣйшая Исторія Руссовъ, опре-

дѣлится точнѣе и подробнѣе перехожденіе ихъ и распространеніе въ нашемъ Отечествѣ, — мы удовольствуемся для нашей цѣли своими Русскими Писателями, особенно Несторомъ, и непосредственно изъ нихъ самихъ (соображая по возможности и съ иноземными писателями) изложимъ: какъ думали у насъ на Руси о Руссахъ и Варягахъ, сихъ первостепенныхъ дѣятеляхъ въ началѣ Земли Руской? Этимъ историческимъ изложеніемъ мы покажемъ понятія писателей, кои сами по себѣ составляютъ предметъ нашихъ занятій (Исторіи Русской Словесности); вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшимъ себѣ и предлежащій вопросъ о племени Руссовъ и Варяговъ, сколько нужно для нашей цѣли.

§ 2.

Изъ Лѣтописи Русской видно, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской Земли, (безъ чего нельзя было, кажется, и обойтись писавшему о событіи семъ спустя два вѣка); видно, что переименованіе Восточныхъ Словенъ общимъ именемъ Руси занимало и его самого, и его переписчиковъ и продолжателей въ средніи времена: такъ, что Лѣтопись Русская въ семъ отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *мнѣнія историческія*.

Приступая къ — собственно - *Русскому* Бытописанью Несторъ говоритъ: Русская Земля начала такъ прозываться при Греческомъ Царѣ Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ 852 году. „Въ лѣто 6360, Индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска Земля.“

Сказавъ это, онъ тотчасъ - же объясняется слѣдующими словами: „ О семь бо (то есть; о началѣ прозванія Земли Русской) увѣдахомъ, яко при семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко-же пишется въ Лѣтописаньи Гречьстѣмь: тѣмъ-же отселе почнемъ и числа положимъ.“ Здѣсь разумѣется нашествіе Руси на Царьгородъ, подъ предводительствомъ (владѣвшихъ Кіевомъ и землею Полянскою) Оскольда и Дира, на 14-мъ году царствованія Михаилова; слѣдственно *въ 866 году*, который у Нестора и относится къ началу Русской Земли (7), въ которомъ дѣйствительно приходили на Царьгородъ Руссы, по сказанію многихъ Византійцевъ (8).

И такъ изъ сего ясно, что Несторъ потому *отселѣ* началъ собственно - Русское Бытописанье, что имя Руси нашелъ онъ именно въ это время *историческимъ*: ибо Лѣтописанье Греческое было для г

ріей Всемірной; ясно также, что названіе *Русской Земли* онъ производитъ отъ *Руси, ходившей въ 866 году на Царьгородъ*, съ Оскольдомъ и Диромъ, изъ Кіева. Это основное, авторитетомъ Греческаго Лѣтописанья утвержденное положеніе у Нестора очевидно изъ его словъ неподлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ подкрѣпленіе сего надо припомнить, что эти Руссы были первыми Христіанами Русскими, принявшими тогда-же Крещеніе, чудеснымъ дѣйствіемъ Святой Богоматери Влахернской — въ Патріаршество Фотія, который обращеніемъ сихъ Руссовъ хвалился въ окружной грамотѣ своей 866 года (9). — По этимъ Руссамъ Земля наша причислена къ Грековосточной Церкви, и считалась ея 60-мъ Архіепископствомъ (10).

Оскольдъ-же и Диръ суть первые *Русскіе* Князья въ Кіевѣ (11), — въ которомъ водворившись 864 г. скоро сдѣлали они грознымъ на Черномъ морѣ имя *Руси*, и въ которомъ княжили они около 18 лѣтъ, до нашествія Олега (882). Ими былъ заключенъ и первый договоръ или *урядъ* Руси съ Греками (12); и вообще начались наши сношенія съ Царемгородомъ, какъ сношенія *Руси*, ибо Кіевъ имѣлъ оныя гораздо давнѣе.

По этимъ Руссамъ, весьма усилившимся (въ княженіе Оскольда и Дира) на Сѣверныхъ берегахъ Чернаго или Синяго Моря, можетъ-быть и море сіе прослыло *Русскимъ* (13),— подобно тому какъ море Балтійское (съ Нѣмецкимъ), по Варягамъ назвалось *Варяжскимъ:* то и другое имя у Нестора и у Арабскихъ писателей.

§ 3.

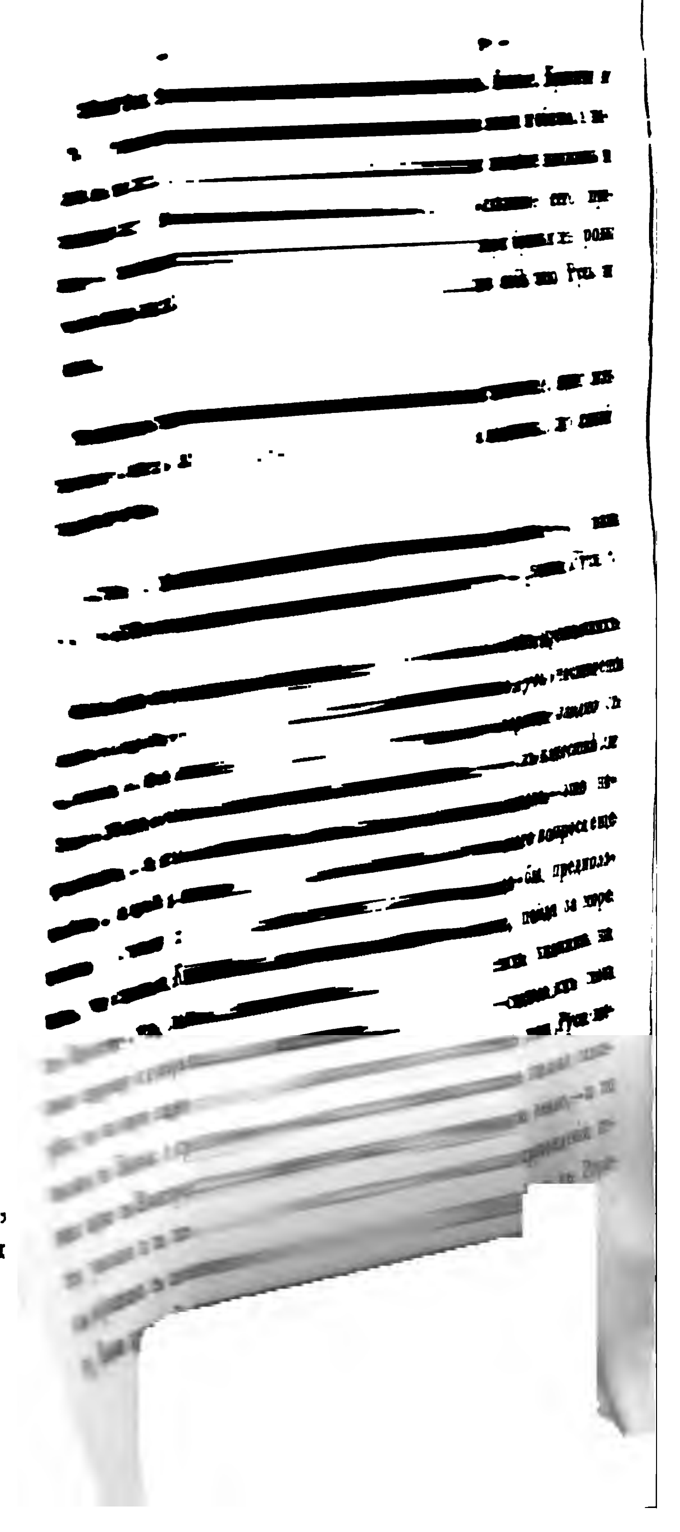
Но откуда и когда пришли въ Кіевъ эти Руссы, и какого они были племени?— Сіе можно разрѣшить читая далѣе Повѣсть Несторову—отъ призванія Рюрика до завладѣнія Олегомъ Кіева, и изъ его космографическаго Введенія.—

Новогородскіе Словены, Кривичи и Чудь, по изгнаніи отъ себя Варяговъ, коимъ они платили дань, и послѣ междоусобій, рѣшились *поискать* себѣ Князя, который-бы владѣлъ ими и судилъ по праву. Въ 862 г. они пошли за море *къ Варягамъ къ Руси:* ибо такъ звались тѣ Варяги, какъ другіе зовутся *Свеями,* другіе же *Урманами, Англянами,* другіе *Готами.* („Сице бо ся зваху тьи Варязи суть; яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си". *Лавр. сп.*)

мірной; ясно такж
Земли онъ произво,
въ 866 году на
ть и Диромъ, изъ
авторитетомъ Гр
твержденное поло
изъ его словъ нег
омнѣнію.

укрѣпленіе сего на
Руссы были перв
ими, принявшими
деснымъ дѣйствіем
Влахернской — въ
торый обращеніем
въ окружной гра
— По этимъ Русс
а къ Грековосто
ея 60-мъ Архіепис

дъ-же и Диръ с
ья въ Кіевѣ (11).
нись 864 г. скоро
Черномъ морѣ
княжили они ок
Олега (882). И
первый договоръ
ми (12); и вообщ
съ Царемгородомъ,
Кіевъ имѣлъ оныя

… отношеніямъ или по сосѣд-
… Руси (16). —

…бергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣ-
…оставлено „рѣша *Руси*“, — что
… Тимковскій, при изданіи Лав-
… списка. Если и такъ принять,
… дѣла мало измѣнится: пусть
…нязя сказали рѣчь свою только
…е отъ этой Руси свѣдалъ Рю-
…ваніи, и воспользовался онымъ. —

…хъ позднѣйшихъ спискахъ поста-
…„рѣша . . . . . Варягомъ“; Рюрикъ
… названы „Князьями Нѣмецкими,
…ся отъ Нѣмецъ“; вмѣсто „пояша
… *Русь*“ говорится „пояша съ
…*нку многу*“; а въ Полетиковомъ
…сто „идоша къ Варягомъ къ
…ставлено „идоша *къ Варягомъ изъ*.

…е нѣтъ Варяговъ - Руси, — и уже
…о сказаніе, а мнѣнія переписчи-
…ъ временъ, которые подъ Ва-
…ѣли Нѣмцевъ, а Руссовъ отли-
…ъ, и производили большею ча-
…са, упоминаемаго въ Библіи у
…ая первое можетъ-быть по
…у преданію, а во вто-

Изъ этого повѣствованія Нестора всего болѣе заключаютъ, будто онъ считалъ Руссовъ народомъ племени Скандинавскаго. Но изъ этихъ словъ его видно только то, что онъ *Варягами* называлъ не однихъ Шведовъ, Норвеговъ, Англянъ и Готовъ (народовъ Нѣмецкаго племени), но также и *Русь;* однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ изъ сего одного мѣста, что бы Руссы были и племени Скандинавскаго, а кромѣ сего ни откуда уже болѣе изъ Нестора того неслѣдуетъ!

Руссы на Сѣверѣ могли именоваться *Варягами,* причисляться къ нимъ, и не бывъ соплеменниками прочихъ Варяговъ; но по общему пребыванію ихъ на *Варяжскомъ* морѣ, — по одинакому съ ними на морѣ томъ образу жизни *Варяжскому*, и даже можетъ быть по участію своему въ ихъ подвигахъ на сушѣ.

Таковыми дѣйствительно и были многіе изъ Сѣверозападныхъ Словенъ Поморскихъ, между коими были сильнѣе всѣхъ, особенно славились на морѣ *Ружане*, называвшіеся *Ругіянами*, *Ранами* и *Руссами*.

Такъ Луитпрандъ (X в.), говоря объ Игоревомъ походѣ съ *Руссами* или *Россами*, называетъ ихъ еще и *Норманнами*, именно

„*a positione*" какъ народъ *Северный* „sub Aquilonis parte constituta".

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидимъ далѣе изъ Нестора; увидимъ также, что у Нестора Русь и Варяги строго различаются при описаніи Отечественныхъ событій; что къ Варягамъ причисляется у него только та Русь, которая пребываетъ у Варяжскаго моря, въ отличіе отъ перешедшей уже къ намъ Руси.

Подобно сему иноплеменные намъ Варяги у насъ, въ Русской Землѣ, принимали иногда имя Руси, но какъ мѣстное и временное, по службѣ своей.

Варяжскій и Новогородскій Князь Олегъ, по завладѣніи Кіевомъ, назвался *Русскимъ Княземъ* (14),—также, какъ послѣ Литовскій Князь Гедиминъ, сдѣлавъ тоже (1320), назвался и *Княземъ Русскимъ;* какъ Польскій Король Казиміръ, по овладѣніи Галиціей или Червоною Русью (1340), назвался и *Королемъ Русскимъ.*

§ 4.

Перейдемъ къ призванію Князей и пришествію съ ними Руси въ землю Новогородскую.

„Ркоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся (15): земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами!“ Въ-слѣдствіе сего призванія — „ изъбрашася три братья съ роды своими, пояша (взяли) по собѣ всю Русь, и придоша.“

Разсмотримъ сначала призваніе, одно изъ трудныхъ мѣстъ для объясненія, по самой краткости своей.

Въ спискѣ Лаврентьевскомъ — „ рѣша Русь“; въ Ипатьевскомъ — „ ркоша Русь“.

По буквальному смыслу обоихъ древнѣйшихъ списковъ выходитъ, будто *Русь* участвуетъ въ призваніи Князей и говоритъ заодно съ Словено-Чудскими послами — (въ качествѣ ли посредниковъ, или толковниковъ — это неизвѣстно, да и здѣсь для нашего вопроса еще неважно); а потому и надо-бы предположить, что искатели Князя, пойдя за море къ Варягамъ - Руси, звали ихъ княжить на свою сторону и говорили сначала имъ свою рѣчь; но на оную видно изъ той Руси вызвались не Князья, а просто только охотники идти въ Новогородскую землю, — и по ихъ указанію и въ ихъ сопровожденіи послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, Князю другихъ Варяговъ, ближайшихъ

(по связямъ и отношеніямъ или по сосѣдству) къ той Руси (16). —

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣша Русь", поставлено „рѣша *Руси*", — что предпочелъ и Тимковскій, при изданіи Лаврентьевскаго списка. Если и такъ принять, то сущность дѣла мало измѣнится: пусть искатели Князя сказали рѣчь свою только Руси; все-же отъ этой Руси свѣдалъ Рюрикъ о призваніи, и воспользовался онымъ. —

Въ прочихъ позднѣйшихъ спискахъ поставлено уже „рѣша ..... Варягомъ"; Рюрикъ съ братьями названы „Князьями Нѣмецкими, избравшимися отъ Нѣмецъ"; вмѣсто „пояша по собѣ *всю Русь*" говорится „пояша съ собою *дружину многу*"; а въ Полешиковомъ спискѣ вмѣсто „идоша къ Варягомъ къ Руси" поставлено „идоша *къ Варягомъ изъ Руси*."

Тутъ уже нѣтъ Варяговъ - Руси, — и уже не Несторово сказаніе, а мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, которые подъ Варягами разумѣли Нѣмцевъ, а Руссовъ отличали отъ нихъ, и производили большею частію отъ Росса, упоминаемаго въ Библіи у Іезекіиля, — думая первое можетъ-быть по старинному народному преданію, а во вто-

ромъ утверждаясь мнѣніемъ Макарія, отъ котораго особенно распространилось оное, и по вліянію котораго въ Степенной Книгѣ сказано: „послаша Русь къ Варягомъ ..... и пріидоша изъ за моря на Русь“. —

Обратимся къ Нестору. У него несказано отъ какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ; но у него Варяжская Русь показана вообще на Прибалтійскомъ Западѣ, за Поморянами или за Одеромъ, — и по соображенію сего показанія съ его словами, „идоша *за море* къ Руси,“ *я* думаю, что это скорѣе всего могли быть Ружане или Руссы острова Ругена, лежащаго недалеко отъ Южной Ютландіи. А какъ въ то время усиленія Норманскихъ находовъ, *волкомъ рыскалъ* (17) по Сѣверозападу сынъ Короля Ютландскаго Гальфдана *Рорикъ* или *Рёрикъ*, и сказанія объ немъ Западныхъ Лѣтописей замѣчательно совпадаютъ съ повѣствованіемъ Нестора о Князѣ Рюрикѣ; то и можно почти навѣрное положить, что сей Рорикъ и нашъ Князь Рюрикъ были одна и та-же особа (18). Безъ сомнѣнія онъ былъ очень готовъ княжить въ обширномъ Острагардѣ, который самъ напрашивался *подъ его руку*. — Подъ знамена сего „Нѣмскаго Князя“ (*Арх. Лѣт.*) набралось много Руси, какъ видно изъ словъ Нестора; и такимъ об-

разомъ Руссы пришли въ Новогородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, которой знатнѣйшую часть составляли по всей вѣроятности однородные ему Варяги—Даны.

§ 5.

Мѣстопребываніе *Руси* на Прибалтійскомъ Западѣ по Нестору можно опредѣлить изъ его космографическаго Введенія въ связи съ выше-приведеннымъ (§ 3) исчисленіемъ народовъ Варяжскихъ (*Свеи, Урмане, Англяне, Готы*).

Несторъ говоритъ (*Лавр. Сп.*): „Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агнянски и до Волошьски; Афетово бо и то колѣно: Варязи, *Свеи*, *Урмане*, *Русь*, *Агняне*.“

И такъ Варяги во-первыхъ сѣдятъ по Варяжскому морю къ Востоку отъ *Поморской Чуди* (Эстляндской). Кто эти Варяги—у Нестора несказано; поелику-же между Варягами, сѣдящими къ Западу, неупоминаются Готы, то не разумѣлъ-ли Несторъ сихъ заморскихъ обитателей Гот-

скаго берега? Но кромѣ того подъ Восточными Варягами, простирающимися до предѣла Симова, онъ весьма могъ разумѣть Вареговъ насельниковъ по нашему Сѣверу.—

Западные Варяги у него считаются по порядку къ Западу: по ту сторону моря—*Свеи, Урмане;* по сю сторону—*Русь, Англяне.*

Между Западными и Восточными Варягами присѣдятъ къ морю, начиная съ Востока: Чудь (Поморская), Пруссы и Ляхи. Ляхи у Нестора показаны на Вислѣ; къ Ляхамъ онъ причисляетъ *Лутичей, Мавовшанъ* и *Поморянъ* (говоря: „Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне").

И такъ Западные Варяги на Южномъ Поморіи по Нестору начинаются тамъ, гдѣ кончатся *Поморяне* (собственнымъ именемъ означенные и причисленные къ Ляхамъ) и простираются на Западъ до *Земли Волошской* (Франціи). А на этомъ пространствѣ отъ Одера къ Эльбѣ, въ этой terra horroris для Имперіи,—всплошь отъ Поморянъ жили также народы Словенскіе. Посему и видно, что къ Варягамъ относятся у Нестора эти Словенскіе народы. За Одеромъ жили *Руссы,* подъ разными видоизмѣненія-

ми своего имени (19),—*Вильки* (Меклембургцы), *Вагры* (Голштинцы); но изъ всѣхъ ихъ, а можетъ быть и для всѣхъ ихъ, у Нестора одно только имя—*Русь*; а за Русью —*Агняне* или *Англяне*, самые Западные Варяги. Но ближайшими къ намъ и къ Поморянамъ Руссами были Ружане, жители острова Ругена. Сіи Руссы у Словенскихъ народовъ пользовались особенною извѣстностью по торговлѣ, морской силѣ и оракулу своему, на поклоненіе коему ходили они; да и Несторъ говоритъ „идоша за море"; посему я и предполагаю, что всего скорѣе къ нимъ могли попасть Новогородскіе искатели Князя. — Естественно, что съ просьбою къ себѣ на княженіе они обратились къ Руссамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ; а не пошли къ прежнимъ, безъ сомнѣнія ближайшимъ Варягамъ, коихъ власть и право уже нѣхотя разъ испытали и коихъ они прогнали, какъ *враговъ* своихъ: эти Варяги и безъ нихъ знали, что Земля ихъ велика и обильна...—

Слова Нестора „пояша по собѣ всю Русь" значатъ не то, что-бы Руси тогда совсѣмъ уже не осталось на прежнемъ ея мѣстѣ. Рюрикъ взялъ съ собою „всю Русь" при немъ бывшую или къ нему приставшую: это понятно и безъ перемѣны

этихъ словъ на „дружину многу", сдѣланной позднѣйшими переписчиками. Руссовъ довольно оставалось еще на Западѣ за Одеромъ и въ XI вѣкѣ; потому-то Несторъ въ своей Космографіи и упоминаетъ *Русь* дважды: одинъ разъ — какъ общее имя нашихъ Восточныхъ, уже Русскихъ Словенъ и переселившихся къ нимъ Руссовъ; а въ другой разъ — какъ народъ еще Западный и Варяжскій. И Шлецеръ по-напрасну въ обоихъ этихъ мѣстахъ Несторово слово *Русь* почиталъ вставкою переписчика; а „дружину многу" позднѣйшихъ переписчиковъ предпочиталъ *всей Руси* Нестора.

А что дѣйствительно Русь оставалась еще послѣ 862 года на Западѣ за Одеромъ, гдѣ показываетъ ее Несторъ, и что эти Руссы были Словены, тому, къ прежде-извѣстнымъ у насъ свѣдѣніямъ, Морошкинъ (20) нашелъ новыя, ясныя доказательства въ Западныхъ писаніяхъ, коими до него не воспользовались Критики. Особенно важно извѣстіе объ участіи Русскаго Князя (Princeps Russiae) *Велеміра*, Русскаго Герцога (Dux Russiae) *Радеботта* и Ружскаго Князя *Венцеслава* (Pr. Rugiae) въ Магдебургскихъ Турнирахъ Генриха Птицелова 938 г. Ибо изъ сего видно (по условіямъ Турнира), что эти *Russia* и *Rugia* въ

первой половинѣ X вѣка были въ предѣлахъ Римской Имперіи; что эти Русскіе Князья были Вассалами Императора, были вѣры Западной, которая до Нестора ѐще называлась у насъ *Варляжскою* (см. § 9), а въ среднія времена *Неметьскою* (*Соф. Врем.*).

Самыя имена этихъ Русскихъ Князей: Велеміръ, Радеботто, Венцеславъ, суть Словенскія. Тамъ-же за Одеромъ (въ *Руденіи*, по Силезскимъ Грамотамъ) встрѣчаются фамиліи съ Русскимъ окончаніемъ-*овъ*, какое несвойственно Скандинавскимъ именамъ,— равно и деревни съ окончаніемъ-*ово* (на-пр. Завидово), рѣки съ окончаніемъ-*иха* (Сѣниха, Десниха, Юниха).—Но Варяжскія имена нашихъ первыхъ Князей: Рюрикъ, Труворъ, Олегъ, Игорь, Оскольдъ,—имена другихъ находниковъ Варяговъ, суть не Словенскія, а Скандинавскія. Такъ и между послами въ Олеговомъ Договорѣ различаете Карла, Руальда, отъ Вельмудра; въ Игоревомъ Договорѣ: Ивора, Акуна, Грима, отъ Прастѣна, Володислава, Воика.—

§ 6.

Посмотримъ теперь на появленіе Руси въ Кіевѣ.

По приходѣ своемъ съ Русью въ Новогородскую землю „старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Ладозѣ (21), а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій (въ) Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская Земля, Новугородьци: ти суть людье Новугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни.“

Изъ этихъ словъ Шлецеръ заключилъ, будто у насъ Русскою Землею назвался сначала и долго назывался одинъ Сѣверъ, и именно Новгородъ (22). Но сего опять не слѣдуетъ ни изъ самихъ этихъ словъ Нестора, ни изъ перваго положенія его о прозваніи Русской Земли (§ 2), ни изъ его дальнѣйшаго повѣствованія.

По-моему смыслъ этихъ словъ такой, что *отъ тѣхъ* пришельцевъ или находниковъ получили свое прозваніе и *Русская Земля*, и *Новогородцы*, коихъ предки — старожилы или насельники Новгородскіе — назывались прежде Словенами.

Русская Земля такъ прозвалась *отъ тѣхъ*, разумѣется отъ Руссовъ; ибо отъ Варяговъ она скорѣе прозвалась-бы Варяжскою. О семъ прозваніи Несторъ объяснился уже сначала, и здѣсь говоритъ какъ уже объ извѣстномъ, повторяетъ для связи сего ска-

занія о пришествіи Руси съ прежде-указаннымъ на нихъ извѣстіемъ, о коемъ подробнѣе разсказываетъ онъ послѣ, въ свое время, т. е. подъ 866 годомъ.

Но о прозваніи *Новогородцевъ*, упомянутомъ здѣсь впервые, Несторъ здѣсь-же и объясняется; и я такъ понимаю слова его: что *Новогородцами* назвались на своемъ новосельи водворившіеся въ Новѣгородѣ Князья съ родомъ (25) своимъ Варяжскимъ; а *отъ тѣхъ* уже находниковъ-Варяговъ прозвались *Новогородцами* и старожилы Словены (подобно тому, какъ Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою Землею — отъ своихъ находниковъ-Руссовъ). —

Рюрикъ черезъ два года, по смерти братьевъ, пріявши властъ одинъ, роздалъ города своего Новогородскаго Княженія мужамъ своимъ, Варягамъ. „И по тѣмъ городомъ (поясняетъ Несторъ) суть находници Варязи; а первіи насельници — въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьскѣ (и въ Изборскѣ) Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ“ княжившій въ Новѣгородѣ.

И были у него два мужа, Оскольдъ и Диръ, „не племени его, ни болрина“, коимъ

не далъ онъ „ни града ни села“ (какъ сказано въ Арханг. Лѣтоп.). И они испросились къ Царюгороду съ родомъ своимъ, и пойдя по Днѣпру остались въ Кіевѣ; и „многи Варяги совокуписта“ стали владѣть землею Полянскою. —

Съ уходомъ симъ мужей отъ Рюрика, въ Новогородскомъ Княженіи словно нестало Руси; ибо, по Лѣтописи Нестора, въ Новѣгородѣ и прочихъ городахъ Рюрикова владѣнія видимъ только *Варяжскій родъ,* только распространеніе и усиленіе *находниковъ Варяговъ;* а въ тоже почти время *Русь* является и дѣйствуетъ на Черномъ морѣ, подъ предводительствомъ своихъ Кіевскихъ Князей, подъ своимъ собственнымъ именемъ.

До перехода Олега въ Кіевъ, ни онъ самъ, ни Рюрикъ съ братьями, ни Игорь, не называются Русскими Князьями; да и въ войскѣ, съ коимъ Олегъ съ Сѣвера шелъ на Кіевъ, были Варяги, Словены, Кривичи и Чудь, а Руси не было; и въ Рюриковомъ Княженіи слѣдъ ея виденъ развѣ только въ имени рѣки *Порусьи* и гóрода *Старая Руса* или *Русь.*

Между тѣмъ Русь распространяется, усиливается въ Кіевѣ или Полянской землѣ (24), откуда она дѣйствуетъ и въ-последствіи.

Изъ сего уже, мнѣ кажется, всего простѣе заключить, что Русь перешла на Днѣпръ съ Оскольдомъ и Диромъ; а потомъ пристала къ нимъ и часть Варяговъ, для овладѣнія Полянскою землею, при чемъ вѣроятно не-обошлось безъ драки съ Козарами, коимъ данниками были Поляны (25).

Тамъ и прозвалась *Русская Земля, отъ тѣхъ* Руссовъ, пришедшихъ сначала на нашъ Сѣверъ съ тремя Варяжскими Князьями и ихъ родомъ. Принадлежа къ Варяжской дружинѣ Рюрика, Русь могла еще числиться подъ общимъ именемъ Варяговъ; но потомъ отдѣлилась подъ собственнымъ именемъ.

Такимъ же образомъ и Варяги, отпадавшіе отъ Рюрика, приставали къ дружинѣ Русской, къ Руси Оскольдовой на Югѣ; тамъ, въ Землѣ Русской, они дѣйствовали уже подъ общимъ, главнымъ именемъ *Руси*.

И этотъ выводъ, мнѣ кажется, согласенъ съ первымъ, главнымъ положеніемъ Нестора, и съ послѣдующимъ его сказаніемъ.—

Мы видѣли (§ 4), что въ позднѣйшихъ спискахъ Лѣтописи, въ выше-приведенномъ мѣстѣ, относительно слова *Русь* находятся разногласія: продолжатели измѣняли текстъ, каждый по своему разумѣнію о Руси — такъ, что при ихъ сличеніи находите обоюдность весьма выгодную *для* историческихъ системъ, видите только разныя мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, и не можете опредѣлить, прямо и непосредственно изъ нихъ, какъ думалъ и какъ хотѣлъ сказать самъ Несторъ, — чего и добивался Шлецеръ въ своемъ *Сводѣ*. Самъ Шлецеръ говорилъ, что это разногласіе въ тѣхъ именно словахъ, отъ коихъ зависитъ объясненіе откуда Русь получила свое названіе; но не смотря на то, Шлецеръ изъ этихъ-то словъ вывелъ, будто Руссы были Варяги-Скандинавы, и именно Шведы. А принявъ это будто по Нестору (въ самомъ-же дѣлѣ по Тунману), онъ нетолько нападавшихъ въ 866 году на Царьгородъ Руссовъ, вопреки Нестору, призналъ за особый сильный *Черноморскій* народъ Азіатскаго племени (26); но сказалъ даже, что недолжно и упоминать въ Русской Исторіи объ этихъ Руссахъ 866 года, отъ коихъ именно Несторъ и ведетъ начало *Русской Земли*. Отверженіе жестокое, особенно для нареченнаго *отца* нашей исторической критики, но не

сильное противу истины: ибо только то сказалъ самъ Шлецеръ, что Руссы и Варяги прочіе — были народы разноплеменные!

§ 7.

Послѣдуемъ далѣе за Несторомъ, съ пришествія Олега въ Кіевъ.

Мы уже замѣтили, что въ Рюриковомъ Княженіи на Сѣверѣ не-упоминается у Нестора ничего Русскаго, по отложеніи Оскольда и Дира; что Русь дѣйствуетъ на Югѣ, и отъ нея въ Кіевской области, въ землѣ Полянской начинается *Русская Земля.*

Тамъ въ теченіе 18 лѣтъ безъ-сомнѣнія утвердилось имя *Русское,* о которомъ молва достигла къ Корсунцамъ и Грекамъ безъ-сомнѣнія еще до похода въ 866 году, какъ объ имени народа, овладѣвшаго Полянскою землею и Кіевомъ. — Историческая рѣка *Рось* или *Русь* (27) и впадающая въ нее рѣчка *Россава* такъ назвались вѣроятно потому, что на нихъ Руссы имѣли одно изъ главныхъ либо первыхъ своихъ поселеній; таково-же быть-можетъ и происхожденіе села *Русанова,* находившагося н[illegible] ронѣ Днѣпра верстахъ въ 30

вдалекѣ отъ Бориспола. — См. Чертежъ Украины Бопхановъ).

Съ приходомъ Олега въ Кіевскую Землю происходитъ новое утвержденіе въ ней и распространеніе на другія области имени Русскаго. — Оскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ, не бывъ княжескаго рода, были безъ сомнѣнія ненавистны для нашихъ Варяжскихъ природныхъ Князей за свое отпаденіе отъ нихъ, возвышеніе, а можетъ-быть и Христіанство, — за отлученіе Руси отъ Рюрикова Княженія; притомъ въ Никоновской Лѣтописи упоминается, что въ 867 г. многіе Новогородскіе мужи убѣжали отъ Рюрика въ Кіевъ, что Оскольдъ и Диръ воевали Полочанъ, уже принадлежавшихъ Рюрикову Княженію (25). Воинственный Олегъ умерщвляетъ этихъ первыхъ Князей Русскихъ, овладѣваетъ Кіевомъ и принимаетъ на себя имя Русское, распространяетъ его на все: онъ уже *Русскій Князь*; Кіевъ отъ него нареченъ *Матерью Русскимъ городамъ* („Чернигову, Переяславлю, Полотску, Ростову, Любечу, и прочимъ городамъ"); онъ обладаетъ уже всею Землею Русскою (какъ сказано въ нѣсколькихъ спискахъ); бывшіе при немъ „Варяги, Словены и прочи прозвашася Русью"; подъ общимъ именемъ *Руси* въ 907 году идутъ на Царьгородъ и Варяги, и Словены,

и Поляны, и другіе; и Варяжскіе мужи Олеговы — Карлъ, Ингельдъ, Руальдъ и т. п. въ мирномъ Договорѣ съ Греками говорятъ уже: „Мы отъ рода Рускаго". —

Такое предпочтеніе и принятіе Русскаго имени Олегомъ по завладѣніи Кіевомъ, было безъ сомнѣнія потому, что здѣсь имя это было уже утвердившееся и извѣстное на Югѣ, особенно Грекамъ; что господствовавшихъ здѣсь Руссовъ, по убіеніи Князей ихъ, надо было привлечь къ себѣ и предпочтеніемъ ихъ имени, и можетъ-быть даже повелѣніемъ Грекамъ: шить парусы для Руси *паволочитые* (матерчатые), а для Словенъ (Новогородцевъ) — *кропинные* (полотняные).

И такъ Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла Земля Русская!* отсюда сыны ея растекались грозными станицами на Югъ, на свое Русское море, по которому ходили они на всѣ стороны. Съ Игоремъ (941 г.) они воевали уже страну Виѳанскую, и воевали по Понту до Иракліи и Пафлагонской земли, поплѣнили всю страну Никомидскую, и сожгли всю Суду (28). При Святославѣ уже завоевана была Козарія, уже Тмутаракань (Та Косоги (Черкесы) и Ясы (Осе

Болгарія — были *подъ Русью* (29). Изъ Кіева распространилась и Вѣра, и грамота и все Просвѣщеніе Русское. Осколъдъ и Диръ первые положили начало Руси; Вѣщій Олегъ былъ распространитель и возвеличитель ея имени, и водворитель Рюрикова Княжескаго племени на ея престолѣ; а Святославъ былъ первый Русскій Князь уже и по имени Русскому, уже отмѣнившійся въ образѣ жизни и войны; самый видъ его былъ болѣе Азіатскій, чѣмъ Скандинавскій.

§ 8.

Такимъ образомъ имя *Руоина* стало господствующимъ; его принимали всѣ вступавшіе подъ знамена Кіевскія и служившіе Князьямъ Русскимъ: потому и Варяги-Скандинавы могли въ общей массѣ называться *Русью,* не бывъ настоящими природными Руссами; какъ и теперь называется *Русскимъ* каждый подданный Русской Державы, каждый служащій Россіи.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) какъ имя *общее* народамъ, вступающимъ подъ знамена Русскія; 2) какъ географическое имя *Земли Русской собственно,* простирающееся и на всѣ области и города, кои принадлежали къ Кіевскому

Княженію, были *подъ Русью* (30); 3) наконецъ и какъ имя особаго народа въ Русской Землѣ (31), но въ этомъ случаѣ оно всегда отличено отъ имени *Варяга*, которымъ въ Несторовой Повѣсти о внутреннихъ событіяхъ Русской Земли означаются собственно Скандинавы. Русинъ у Нестора — на Югѣ, на Днѣпрѣ; Варягъ приходитъ съ Сѣвера, изъ-за моря. Въ подтвержденіе сего приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ Нестора.

Игорь совокупилъ вои многи: *Варяги*, *Русь*, Поляны, Словены, Кривичи, Тиверцы, Печенѣги: и про все это ополченіе Корсунцы и Болгары говорили: „се иде Русь!“ Въ семъ послѣднемъ случаѣ *Русь* — имя родовое, даже для Печенѣга; но подъ нимъ числится и особый народъ — *Русь*, но есть также и *Варяги*.

Ярославъ на Святополка шелъ изъ Новагорода съ *Варягами* и *Новогородцами*; Руси небыло. Но когда онъ сѣлъ въ Кіевѣ на отцевскомъ и дѣдовскомъ Престолѣ, тогда противу Болеслава и Святополка ходилъ уже „совокупивъ *Русь*, и *Варягы*, и *Словѣне*.“ Опять Русь идетъ съ Юга! — Въ 1043 году Ярославъ послалъ сына своего Владиміра на Грековъ, давъ ему „вои многи — *Вар*[illegible] *Русь*.“ По приходѣ къ Дунаю,

ла Владиміру: „станемъ здѣ на полѣ“; а Варяги говорили: „пойдемъ въ лодіяхъ подъ городъ“. *(Соф. Врем.)*

Варягъ, хотя и дѣйствуетъ подъ именемъ Руси и принимаетъ Христіанство, но остается Варягомъ, Заморяниномъ, не-Руссимъ! Таковъ онъ является особенно въ сказаніи о Владимірѣ. Услышавъ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море; Ярополкъ-же посадилъ своихъ Посадниковъ въ Новѣгородѣ, и былъ одинъ владѣтелемъ въ Руси. Пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ; собралъ вои многи — Варяговъ и Словенъ, Чудь и Кривичей, и пошелъ сначала въ Полотскъ на Рогволода, а потомъ въ Кіевъ; и когда, по умерщвленіи Ярополка двумя Варягами, Владиміръ сталъ Кіевскимъ Княземъ, то *Варяги*, помогши ему овладѣть Кіевомъ, домогались у него дани съ сего города; но онъ „избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры“, а прочихъ прослалъ въ Царьгородъ, отправивъ на-передъ посла, говоря такъ: „Царю, се идутъ къ тебѣ Варязи; не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створятъ ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого“. (32)

§ 9.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ Лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа. Въ древнемъ Бытописаньи Русскомъ, Варягъ сперва является и изгоняется какъ заморскій врагъ и разбойникъ; потомъ какъ призванный изъ заморья властитель и находникъ; наконецъ какъ *призабленный* и наемный воинъ, какъ меченосецъ заморскій (какимъ онъ былъ и въ Царьградѣ подъ именемъ Варанга). Отъ чего-бы ни произошло первоначально имя Варяга (33), но Варягами - собственно называется у Нестора всякій народъ Скандинавскаго племени: для всѣхъ ихъ безразлично, со-времени ихъ вражскаго нападенія изъ заморья въ 859 году, въ Несторовой Повѣсти одно имя *Варягъ*, какъ племенное, общее, постоянное, неотпадающее отъ нихъ ни въ Новѣгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни на Черномъ, ни на Варяжскомъ морѣ, ни въ язычествѣ, ни въ Христіанствѣ.

Западная, поморская Русь у Нестора причисляется къ Варягамъ, не по племени и языку, ибо племени и языка она [illegible] Славенскаго. Къ Варягамъ причис[illegible]

спора Западная Русь по общему съ ними мѣстопребыванію и образу жизни; по союзничеству и наконецъ одновѣрству съ настоящими Варягами, въ отличіе отъ Руси Восточной „*Христіанской* или *Правовѣрной*", уже сроднившейся съ Юговосточными Словенами.

Въ такомъ только смыслѣ можно считать Западную Русь *Норманами;* ибо и съ этимъ словомъ у Германцевъ и другихъ соединялось понятіе Сѣвернаго врага - воителя или разбойника, а не различіе племени. Въ такомъ смыслѣ Несторовы *Варяги* тоже, что *Норманы*.

Такъ въ среднемъ періодѣ у насъ именемъ *Татарина* назывались новые враги наши — наѣздники Азіатскіе, съ огнемъ и мечемъ нахлынувшіе изъ-за Урала въ XIII вѣкѣ; но между ними были совершенно розныя племена — и Монгольскія, и Турецкія, коихъ облики по сю пору еще можно различать, наприм. между Татарами Крымскими. Такимъ-же образомъ разноплеменные народы слывутъ у насъ подъ общими именами *Горца* и даже *Черкеса*, *Сибиряка*, *Крымца*.—

Руссы были одного племени и языка съ Днѣпровскими Словенами, притомъ они были

освободители ихъ отъ налога Козаровъ, ко: имъ первую дань пытались-было Поляны заплатить обоюдуострыми мечами: потому Руссы лучше принялись, скорѣе присвоились имъ, тѣснѣе сроднились и слились съ ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплеменники Словенамъ: Варяги только жили да работали у нихъ; и мы видѣли выше, какъ разумѣлъ ихъ Владиміръ, бывъ еще въ язычествѣ (§ 8). — „Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ: вставше Новгородци избиша Варягы"; а сказаніе о Вадимѣ (25) показываетъ какъ еще съ первыхъ временъ принялись Варяжскіе Князья у Словенъ Новогородскихъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ имя Руси все болѣе и болѣе усвоялось Восточнымъ Словенамъ, съ именемъ Варяга у Руссовъ умножалось понятіе о чужомъ, не-Русскомъ; и въ половинѣ XI вѣка словомъ *Варяжскій* означали у насъ уже противоположное Греко-Восточному и Словено-Русскому — *Западное*.

Такъ въ Отвѣтѣ Преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго Изяславу: *Варяжскою вѣрою* называется Западная или *Латинская* вѣра.

противоположность Русскому *Православію*. *Варягъ и Латинникъ* у него одно, — и онъ сильно увѣщеваетъ *Князя* (34) „блюсти себя отъ *Варяговъ*, не присвоятися имъ; и своихъ дщерей — говоритъ — недостойно Хрестьяномъ даяти за ня, ни поимати за себе у нихъ, ни братитися съ ними, ни кумитися." — И такъ еще до Нестора на Варяга смотрѣли Руссы именно какъ на *иновѣрца* Западнаго, — противополагали *Хрестьянину, Правовѣрному*, особенно въ обители Θеодосіевой, гдѣ и Нестору не-могло быть чуждымъ такое понятіе.

Въ томъ-же смыслѣ и въ Новѣгородѣ употреблялось слово *Варяжскій* въ половинѣ XII вѣка. Кирикъ вопрошаетъ Архіепископа Илію: „А оже се носили (жены) къ *Варяжскому* попу дѣти на молитву? — Шесть недѣль опитемье, рече, заме-же акы двовѣрци суть."

Но Несторъ сохранилъ историко-географическое значеніе Варяговъ; а Западныхъ или Германскихъ Тевтоновъ называетъ *Нѣмцами*, именемъ (по мнѣнію Болтина) происшедшимъ отъ Германскаго народа, издревле называвшагося *Неметами*. Такъ въ космографическомъ Введеніи исчисляются народы, идущіе по Западу, къ Югу отъ Варяговъ: „Галичане (т. е. Галлы), Волхва, Римляне,

Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіи" (35). И въ самой Повѣсти его—„приходиша (къ Владиміру, 987 г.) *Нѣмци* глаголюще: придохомъ посланіи отъ Папежа".

Такъ и Митрополитъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху говоритъ: „потомъ-же преяша стараго Рима *Нѣмци*, и обладаша землею тою. И по малѣ времени старіи и Правовѣрніи мужи, иже храняхуть и дръжаху законъ Христовъ и Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, отъидоша; по умертвіи онѣхъ мъладіи и неутверженіи прельсти Нѣмечьскѣй въслѣдоваша..."

Такъ и у Пѣвца Игоря: въ Кіевѣ—„ту *Нѣмци* и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю"; а въ Крыму—„*Готскія* красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю."

Такъ и въ Уставѣ о городскихъ мостѣхъ (постановленномъ въ концѣ XII в., вѣроятно Ярославомъ Владиміровичемъ II) различаются еще въ Новѣгородѣ—*Нѣмци* и *Гти* (т. е. Готы).

Но съ XIII вѣка имя *Нѣмца* распространяется у насъ уже и на Варяжскихъ или Скандинавскихъ Тевтоновъ. Такъ въ Договорѣ Смоленскаго Князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ (1228 г.) жители обоихъ на-

ваются обыкновенно Латинами, Латинскимъ языкомъ, но также *Нѣмчиномъ* и *Нѣмчицею*.

Въ среднемъ-же періодѣ этимъ именемъ стали пояснять старое имя (Варяга). Такъ въ Полетиковомъ спискѣ Лѣтописи сказано, что Рюрикъ избрался „отъ Варягъ отъ Нѣмецъ"; въ прочихъ спискахъ уже просто „отъ Нѣмецъ" или „изъ Нѣмецъ". Въ Софійскомъ Временникѣ надъ выше-упомянутымъ посольствомъ Нѣмцевъ отъ Папежа къ Владиміру поставлено: „О Нѣметьской вѣрѣ" (вмѣсто прежняго имени — Варяжской или Латинской); а надъ присланіемъ отъ Грековъ Философа: „О вѣрѣ Христіяньской."

Такимъ образомъ этимъ новымъ словомъ замѣнилось старое слово *Варягъ*, которое изъ прежняго выше-изложеннаго значенія его у насъ (какъ заморскаго разбойника и *ворога*, потомъ какъ наемнаго Скандинавскаго воина и меченосца) перешло въ значеніе иноплеменника и иновѣрца Европейскаго, и въ-послѣдствіи обратилось въ понятіе *воряги*, съ которымъ не-шутя изъясняли имя Варяга — даже Кониссkій, въ своей Исторіи Малой Россіи.

Но и слово *Нѣмецъ* скоро вышло изъ предѣловъ своего прежняго, племеннаго зна-

ченія — сначала Неметовъ, потомъ всѣхъ Германцевъ, а потомъ всего Тевтонскаго племени. *Нѣмецкимъ* стали называть въ народѣ уже неопредѣленно не только все Европейское, Западное, но и все *иноязычное*, неговорящее словами Словенскими или Русскимъ языкомъ, и потому какъ-бы *нѣмое*. Такъ до XVIII вѣка назывались у насъ *Нѣмцами* вообще всѣ почти Европейцы, приходившіе въ Россію. Въ Никоновской Лѣтописи: „А Югри есть народъ нѣмъ; они говорятъ, но языка ихъ никто неразумѣетъ". — Такъ въ пѣснопѣніи народномъ среднихъ временъ *объ Иванѣ Годиновичѣ* находите:

„Въ дальню Землю Загорскую,
За Царя Афромѣя Афромѣевича,
За Царя отдать — ей Царицею слыть,
Пановя всѣ поклонятся,
Пановя и Улановья (35),
А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ!" —

Примѣровъ такого распространенія и превращенія въ смыслѣ именъ народныхъ можно привести большое число. — Такъ Латыши называютъ *Кревами* не однихъ Бѣлоруссовъ, но и всѣхъ Рускихъ, потому что Кривичи, были къ нимъ ближайшіе. Такъ *Франками* по сю пору Черкесы называютъ вообще Европейцевъ; а у Рускихъ это слово совсѣмъ

потеряло значеніе народа. Такъ *Берендпй*, имя столь близкаго и извѣстнаго намъ въ древнее время народа, осталось теперь только въ имени сказочнаго царя Берендѣя. *Словены* назвались этимъ именемъ по глубокому въ себѣ чувству Божественнаго дара *слова*, отъ чего произошли имена и *славы*, и *человпка*. Но нѣкоторые Европейскіе народы это племенное имя наше обратили въ значеніе *склава*, какъ Спартанцы народное имя *Илотовъ*. Такъ славное имя Грека у Сербовъ перешло въ *грка*-торгаша; такъ у насъ народное имя Швейцара обратилось въ швейцара - придверника. —

Именемъ *Гайдамака* называли себя Запорожскіе Козаки, когда имъ была „Сѣчь мати, а Великій Лугъ батько"; но потомъ, когда ватаги ихъ, несоставлявшіе войска Запорожскаго, стали охотиться разбоемъ, — у Поляковъ, Малороссіянъ и другихъ слово *гайдамакъ* стало значить разбойника.

Такъ и слово *Ковакъ*, нѣкогда бывшее кажется племеннымъ именемъ Горскаго народа *Косоговъ*, а потомъ у Азіатскихъ Ордъ значившее вообще *напздника*, — у Турковъ и Татаръ получило бранный смыслъ, когда Козаками стали называться Запорожцы, кои

дали себя знать *Туреччинп* да *Татарщинп*. Напротивъ на Украинѣ слово *Козакъ* обратилось въ народное имя, коимъ называли себя Украинцы въ смыслѣ добровольнаго воина. Такимъ-же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ Западное Рыцарство или Кавалерство, въ противоположность коему Козачество Украинское представляло собою *Рыцарство Восточное, народное,* имѣвшее и свою Козацкую Поэзію, и свои Крестовые походы за Восточную Церковь (съ 1592 года), и нашедшее себѣ Владыку въ Православномъ *Царп Восточномъ* (36). — И Бандуристъ Украинскій свою Думу о Козацкомъ подвигѣ заключалъ припѣвкою:

Легла Козацкая, молодецкая голова,
Какъ отъ вѣтру на степи трава!
Слава — не умретъ и не ляжетъ,
Рыцарство *Козацкое всякому разскажетъ!* (37)

§ 10.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что *Землею Русскою* назвалась сначала Кіевская или Полянская земля, а не Новогородская; ибо до завладѣнія Олегомъ Кіева, въ Новогородской землѣ, по Лѣтописямъ, невидно

Руси. Между тѣмъ Русь была уже 18 лѣтъ въ Кіевѣ; потому и Земля Русская иногда называлась еще *Кіевомъ*, на-примѣръ: „и взяша (Батый) градъ Переяславль Рускій (38) иже въ Кіевѣ.“ (*Никон. Лѣтоп.*).

Новогородцами, какъ изъяснено въ § 6 по Несторовой Повѣсти, назвались сначала Варяжскіе находники на своемъ новосельи, а отъ нихъ уже и прежніе Новогородскіе насельники *Словены*, которые долго еще назывались этимъ народнымъ своимъ именемъ, въ отличіе отъ Новогородцевъ - находниковъ, отъ Варяговъ. Это видѣли мы уже изъ нѣсколькихъ мѣстъ Несторовой Повѣсти. Въ Русской Правдѣ также упоминаются какъ особыя имена *Русинъ* и *Словенинъ*, и особо отъ обоихъ отличается *Варягъ*. — Имя *Словенинъ*, къ Новогородцамъ относящееся, находимъ и въ Кириковыхъ Вопрошаніяхъ (Епископу Нифонту) отъ половины XII вѣка (39).

И такъ имя *Словенинъ*, какъ стародавнее для Новогородцевъ, удерживается за ними въ XI и XII вѣкѣ; но *Руссами* Словены Новогородскіе до XIII вѣка не назывались ни у нихъ самихъ, ни у другихъ Русскихъ писателей не-Новогородскихъ (40). — Новогородскій Лѣтописецъ (41), при описаніи событій съ половины XI-го и въ продолженіе

почти всего XII-го вѣка, *Русью* и *Рускою Землею* называетъ почти всегда только Кіевскую или Южно-Русскую область. —

Вотъ нѣсколько тому примѣровъ, которыхъ можно привести гораздо больше. „Епископъ и купцѣ и слы *Новгородскыя* не пущяху *изъ Руси*". — „Ходиша вся *Руска Земля* на *Галиць*". — „Послаша *Новгородьци* къ Святославу *въ Русь* по сынъ; и приведоша Володиміра *въ Новгородъ*. Въ томъ-же лѣтѣ на зиму иде Князь Святославъ Всеволодовицъ Олговъ внукъ *изъ Руси* на *Суждаль*, а сынъ его Володиміръ съ Новгородьци *изъ Новагорода*". —

Въ отличіе отъ сей собственно-*Русской Земли* или *Руси*, Новогородскій Лѣтописецъ въ XII вѣкѣ *Просторускою Землею* называетъ (какъ я полагаю) середнюю Русь т. е. Сѣверозападную и Сѣверовосточную. На-примѣръ: „Придоша подъ Новгородъ Суждальци съ Андреевицемъ. Романъ и Мстиславъ съ Смоляны и съ Торопьцяны, Муромци и Рязанци, и вся Земля *Просторусьская*". —

Такъ и Лѣтопись Кіевская *Русью, Рускою Землею* называетъ Южную Русь, отличая тѣмъ ее отъ *Новагорода*.

Послѣ сего, мнѣ кажется, несомнѣнно можно положить, что имя Русской Земли

сначала принадлежало собственно не Новугороду, а Кіеву (42).

Олегъ, сдѣлавшись Кіевскимъ, Русскимъ Княземъ уставилъ — „Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто *мира-дѣля*, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ". Ольга установляетъ по Лугѣ оброки и дани. Новгородъ остается опять безъ особаго у себя *Князя*, какъ данникъ и оброчникъ Руси; и Константинъ Багрянородный называетъ его *Ексо-Россіею* (внѣшнею Россіею). — Въ такомъ общемъ, географическомъ смыслѣ имя *Руси* могло простереться на Новогородскую землю не прежде, какъ по завладѣніи Кіева Олегомъ, когда и Новгородъ вмѣстѣ съ прочими городами сталъ *подъ Русью*.

Въ 970 году *людье Новгородьстіи* (видно опять не-поладивъ между собою безъ *Князя*) идутъ просить себѣ *Князя* у Руси, но уже Кіевской. Просьба ихъ была не-совсѣмъ покорнѣйшая: если не пойдете къ намъ (говорили они), то найдемъ себѣ *Князя*. — Только-бы кто пошелъ къ вамъ! — сказалъ имъ Святославъ. Но они, по указанію Добрыни на своего племянника, у Великаго Князя выпросили себѣ Владиміра, который и былъ *первымъ Русскимъ* Княземъ въ Новѣгородѣ.

Благовластный Ярославъ, за важную для него услугу Новогородцевъ, при овладѣніи отцевскимъ Кіевскимъ Престоломъ, даровалъ имъ *Русскую Правду* и отпускную *Грамоту*. При раздѣлѣ Ярославомъ на удѣлы Русскаго Государства, Новгородъ не вошелъ уже въ его составъ. Онъ самъ себѣ *промышлялъ* Князей у Руси, и потому часто оставался безъ Князя, ибо управлялся болѣе рѣшеніями вечевой сходки своей, которыми весьма условлена была власть Княжеская. Новгородъ богатѣлъ торговлею съ Ганзейскими городами, *плотничалъ* (какъ говорили Кіевляне) и расширялъ волости свои въ такъ-называвшихся *верхнихъ земляхъ* Россіи. Наконецъ онъ говорилъ уже: „кто противъ Бога и Великаго-Новагорода?"

Особящійся такимъ образомъ на Сѣверѣ, Новгородъ принадлежалъ къ Руси болѣе по духовной власти Митрополита Кіевскаго и всея Руси, принадлежалъ Кіеву болѣе по суду церковному, судясь въ мірскихъ дѣлахъ Судомъ Ярославлимъ или Русскою Правдою, а въ послѣдствіи и *своимъ судомъ*. Онъ былъ такъ-сказать крестнымъ сыномъ Руси, и уже въ среднія времена вполнѣ усыновился новой, второй матери обновленныхъ Русскихъ городовъ — *Москвѣ Бѣлокаменной*. Москва, присоединивъ къ своему Великокняже-

скому *Московскому* Пресшолу всю Суздальскую, а пошомъ и Новогородскую землю, образовала изъ шого *Великую Русь*, коея народъ и языкъ по преимущесшву зовушся *Русскими*, кошорая въ обласшяхъ своихъ именуешся собсшвенно - *Россіею*, и въ народѣ своемъ величаешся *Свяшою*:

„Какъ у насъ было на Свяшой Руси!
Какъ у насъ было въ Каменной Москвѣ!...“

„Москва....какъ много въ эшомъ словѣ
Для сердца Русскаго слилось,
Какъ много въ немъ ошозвалось!“

Да, много ошозвалось въ эшомъ словѣ! Въ эшомъ сердцѣ Россіи опяшь слилось, сроднилось почши все, чѣмъ владѣлъ Сшольный Кіевъ, что воспріяло ошъ него и кровь и духъ и имя Русское, и безъ чего кончалъ онъ богашырскій вѣкъ свой, вмѣсшѣ съ Царемгородомъ (43). *Того Стараго Владиміра* (говорилъ Пѣвецъ Игоря) *нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! Знамена его раздѣлились....* (44).

Уже при Ярославѣ ошсшалъ ошъ Кіева Сѣверозападный удѣлъ его съ своими *грозными* Полочанами; и Бѣлая Русь первая приняла ошъ Кіева имя Земли Русской (45). Косшьми *Русскихъ Сыновъ* засѣялись кровавые

берега Неменя, и онъ, *Руссомъ* (27) вливаясь въ Варяжское море, отдѣлилъ тамъ Землю Русскую отъ Прусской (47). Всеславъ Полоцкій „разшибе славу Ярославу"; но его душа была въ Кіевѣ: „тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша!" Но въ XII вѣкѣ внуки Всеславовы уже отпали отъ дѣдовской славы.

Послѣ Втораго Владиміра, послѣдняго Единовластника Древней Руси (1125 г.), Стольный Кіевъ сталъ упадать; пополамъ рвалось его богатырское сердце, и Великокняжеская сила его разошлась на двѣ стороны.

Съ Андреемъ Боголюбскимъ перешла она въ удѣлъ Сѣверовосточный, въ землю Суздальскую, куда еще отецъ его Долгорукій перенесъ имя Руси вмѣстѣ съ именами городовъ Южнорусскихъ; туда перешло оно и съ переходомъ во Владиміръ-Залѣскій изъ Кіева Митрополита *всея Руси*. Сѣверовосточная Русь наслѣдовала и бармы Мономаха, коими вѣнчается Русскій Царь на Единодержавіе.

Храбрый Романъ Галицкій Великокняжескую силу Кіева перевелъ въ Югозападный удѣлъ его, въ землю Галицкую или Червоную Русь, и названъ былъ Самодержцемъ всея Руси (48).

Итакъ Новогородская земля *обрусѣла* позднѣе чѣмъ Сѣверозападная или Бѣлая Русь, чѣмъ Сѣверовосточная или Суздальская Русь, чѣмъ Югозападная или Червоная Русь, кои въ XII вѣкѣ уже *были Русью,* — города коихъ были родными дѣтьми Кіеву, и по утратѣ коихъ первозванная *Земля Русская* прозвалася *Украиною* (49), а въ XIV вѣкѣ во Владимірѣ-Волынскомъ получила имя *Малой Руси* (50). Сія-то древняя Кіевская Русь была разсадникомъ *Русскаго духа* для храбрыхъ сыновъ своихъ — *Русичей,* духа любви къ Русской Землѣ и ея славѣ (51), которою звучали самыя имена Русскихъ Князей.

„Не посрамимъ Земли Рускія, но ляжемъ костьми: мертвыи бо срама не имамъ!" восклицалъ Воинственникъ Святославъ передъ побѣднымъ *Русскимъ боемъ* (52).

„За Землю Рускую!" взывалъ къ *Княженецкимъ* сынамъ Владиміровой Руси Пѣвецъ Игоря Новагорода-Сѣверскаго.

Но у *житыхъ людей* двухъ *Господъ* — Великаго-Новагорода и Пскова — тогда была еще „душа на Великой, а сердце на Волховѣ." (53)

Послѣсловіе.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

О РАЗНООБРАЗІИ И ЕДИНСТВѢ МНѢНІЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.

„Аще же и многаго искусства желаетъ кто: вѣсть древняя, и бытии хотящая разсмотряетъ; свѣстъ извитiя словесъ и разрѣшенiя; знаменiя и чудеса проразумѣваетъ, и сбытiя временъ и лѣтъ.“

Прем. VIII. 8.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Да не будетъ мнѣ въ осужденіе, что разнословія переписчиковъ и продолжателей Русской Лѣтописи я называю *историческими мнѣніями,* также, какъ и умозаключенія ученыхъ Критиковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрьямъ, преданіямъ и понятіямъ народнымъ, также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрьямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученымъ! — Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не антикварій кабинетный только, но и келейный писецъ; — что иногда въ преданіи народномъ затаено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ Ученаго; — и что въ иномъ пѣснопѣніи нашего простонародья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣтномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, такъ въ простомъ плодоносномъ цвѣткѣ, больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-махровомъ расписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! „Не только свѣта, что въ окнѣ" говоритъ Украинская пословица. —

Въ самомъ дѣлѣ, когда объ одномъ предметѣ нѣсколько ученыхъ мнѣній, противо-

рѣчащихъ другъ другу: не въ правѣ-ли всякъ сказать, что въ этихъ мнѣніяхъ весьма учено говорится и умно разсуждается объ околичностяхъ; касательно-же сущности дѣла, въ нихъ во всѣхъ, либо съ выключеніемъ одного, не больше истины, какъ и въ разнословіяхъ Лѣтописцевъ!

Нѣкоторые Историки - Критики (особенно Болтинъ) довольно погуляли надъ иноческимъ мнѣніемъ среднихъ временъ о происхожденіи Руси отъ Росса, упоминаемаго у Іезекіиля, хотя къ мнѣнію сему Эверсъ былъ благосклоннѣе. Но ка́къ-же они сами, эти нѣкоторые Критики, ка́къ вообще Ученые новаго времени рѣшили происхожденіе Руси?

Въ сонмѣ Ученыхъ говорятъ, что Руссы произошли и получили имя *отъ Роксоланъ, отъ Коваръ, отъ Готовъ, отъ Финновъ, отъ Шведовъ, отъ Скандинавовъ вообще, отъ Рустринговъ* или *Фрисландцевъ, отъ Словенъ*... Ясное дѣло, что всего этого быть неможетъ! И не значитъ-ли это, въ общемъ итогѣ мнѣній и голосовъ, что Руссы принадлежатъ къ племени Ноеву, разсѣянному по лицу земли? Арабскій-же писатель Мирхондъ именно говоритъ, что Руссы произошли отъ Іафетова сына Русса; а Стрыйковскій про-

изводитъ Словенорусскій народъ отъ шестаго сына Іафетова Мосоха и полагаетъ, что Словены назвались *Россянами* или *Россами* отъ *россѣянія* (52) по многимъ странамъ. Послѣднее мнѣніе было сильно у насъ распространено Кіевскимъ Синопсисомъ, было принято нѣкоторыми Учеными и прошедшаго столѣтія ... Но чего не принимали Ученые? ...

У Словенъ есть еще своенародное, ближайшее къ намъ преданіе о трехъ братьяхъ *Чехѣ*, *Лехѣ*, *Руссѣ* и сестрѣ ихъ *Вендѣ*, прямо указывающее на принадлежность Руссовъ къ Сѣверозападной отросли Словенскаго племени. Это преданіе Историками-Критиками признано за сказку, и потому отвергнуто... Но что не было ими отвергаемо? ...

Развѣ Татищевъ, вѣруя не только въ Несторову, но и въ такъ-называемую Іоакимову Лѣтопись и производя Руссовъ отъ *Финновъ*, не отвергалъ всѣ прежнія о томъ мнѣнія?

Развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный Паладинъ Русскихъ Лѣтописей, образецъ терпѣнія въ трудѣ и нетерпимости въ мнѣніи — не исключилъ разныя событія, лица

и даже народы изъ Несторовой Повѣсти, „какъ старыя и *вздорныя* сказки, какъ новыя *глупыя* вставки и *дурацкія* передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки", коихъ немогъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были *Шведы*? Развѣ не положилъ онъ клеймо отверженія на Скандинавскія Саги наравнѣ съ Іоакимовою Лѣтописью, которую признавалъ даже „столь важный человѣкъ" какъ Болтинъ? Не выходилъ-ли онъ изъ терпѣнія, не приходилъ въ удивленіе отъ того, что сей, по словамъ его, величайшій знатокъ Отечественной Исторіи, одинъ между Рускими и Ученый, и искусный Критикъ — могъ думать вмѣстѣ съ Татищевымъ, что Руссы были Финны, а *не Шведы!*... И не сказалъ-*ли* онъ (Господь съ нимъ!), что между всѣми Рускими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую Исторію, небыло ни одного ученаго Историка?... И все потому, что никто изъ нихъ не держался его *Шведской грамоты!*

А Погодинъ — новый Паломникъ Несторовой Повѣсти, защитникъ ея подлинности отъ сопротивныхъ отрицаній невѣрующей Критики и Шлецеровой, и современной — не опровергъ-ли онъ и Шлецерово и Эверсово и Нейманово мнѣніе о Руси, нарав-

нѣ съ мнѣніемъ о Россѣ, съ преданіемъ о Руссѣ и Пруссѣ (53), когда доказывалъ, что Русь есть особое *племя Норманское?*... Онъ говорилъ рѣшительно „что всякій желающій отвергать сіе мнѣніе, долженъ непремѣнно прежде опровергнуть Нестора, не-только что не можетъ употреблять его въ свою пользу“.

Но Каченовскій сомнѣвается въ достовѣрности древней Русской Лѣтописи и отвергаетъ подлинность не только ея, но и Русской Правды и прочихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности; а между тѣмъ не вѣритъ Скандинавскому происхожденію не только Руссовъ, но и самихъ Варяговъ. Передавшись на сторону Западныхъ писателей, онъ, вмѣсто такъ-называемыхъ Варяго-Руссовъ, предполагаетъ Словенъ Вагровъ (54), какъ позднѣйшихъ (XII вѣка) переселенцевъ или колонистовъ съ Балтійскаго поморія на берега Ильменя и Волхова, — гдѣ до той поры, по его мнѣнію, совсѣмъ небыло ни Словенъ, ни Новагорода!...

Наконецъ Морошкинъ, хотя думаетъ, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднѣйшими преимущественно Скандинавы; но Варяговъ принимаетъ по-Ломоносовски — не какъ одно племя или

націю, а какъ военное сбродное шоварищесшво морскихъ разбойниковъ. Онъ доказываешъ, что Руссы были *Словены Сѣверозападные;* но полагаешъ, что они „пришедши съ Варягами къ Новогородцамъ, не показываюшся болѣе ошдѣльною націею въ Исшоріи нашего Ошечесшва; но давъ имя Россіи, исчезли между Словенскими племенами Новагорода, Полошска, Смоленска и Росшова.“ —

Такимъ-шо образомъ смѣняюшся и препираюшся исшорическія мнѣнія: каждое новое, для своего самосохраненія, гонишъ сшарое, пошомъ само сшарѣешъ и упадаешъ, а сшарое нерѣдко опяшь юнѣешъ, возсшаешъ и обновляешъ вѣкъ свой.

Да и не всякая-ли новая сисшема ошвергаешъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и чшо-бы самой пожишь хошя нѣсколько, обводишъ *мертвою рукою* прежде живщія и процвѣшавшія сисшемы?... Такъ нашъ Сѣверный селянинъ - *огнищанинъ* (55) рубишъ и сжешъ вѣковое дерево, чшо-бы на его пепелищѣ засѣяшь однолѣшній злакъ свой, и пáжишь свою сшавишъ „выше лѣса сшоячаго!“ И чѣмъ ограниченнѣе и односшороннѣе, чѣмъ новѣе и живошрепящѣе сисшема, шѣмъ больше шворецъ ея, а и шого больше

ея послѣдователи увѣрены, что ею они рѣшили уже все, — и скорѣй они изрѣченіе мудреца „я знаю, что ничего не-знаю" назовутъ философскою побасенкою, словоизвитіемъ любомудрія, чѣмъ согласятся, что ихъ система по-крайней мѣрѣ недостаточна и одностороння, если не вовсе ложна. —

Не будемъ однако слишкомъ винить Науку, Систему ума человѣческаго. Тотъ-же жребій палъ и на Природу, Систему Ума Высшаго. „Время всѣмъ, и время всякой вещи подъ небесѣмъ: время раждатися и время умирати; время садити и время исторгати сажденое!" *(Экклез.)*

О всемъ твореніи, отъ малаго до великаго, печется благодатная Природа: но и въ ней такъ-же мѣняется, чередуется, преходитъ бытіе; и въ ней одна тварь живетъ на счетъ другой; мѣлкотравчатый мохъ и невидный поростъ одолѣваютъ, замуровываютъ собою лѣса; на прахѣ сѣнелиственнаго дерева возникаетъ давно-заглохшее отъ него зерно травнаго былія; иногда въ осень разцвѣтаютъ опять цвѣты весенніе,

„*А* какъ-бы на цвѣты не морозы,
И зимою-бъ цвѣты разцвѣтали!" . . .

Но мы на прежнее возвратимся. —

Что Руссовъ нашихъ не-напрасно считали у насъ издавна Словенами, и что понапрасну съ-недавна стали считать ихъ Скандинавами — это, послѣ новыхъ ученыхъ изслѣдованій, становится для меня истиною положительною, и я принимаю несомнѣнно Руссовъ за особый народъ, принадлежавшій къ Сѣверозападной отросли Словенъ. Такимъ образомъ Словенское преданіе о *трехъ братьяхъ* обращается для меня уже въ мнѣніе историческое; спадаетъ съ него сказочный покровъ, въ которомъ ходила и укрывалась истина о племени той Руси, отъ коей, по сказанію Нестора, получила имя Земля Русская (до той поры называемая Скиѳіей, Сармаціей, Гардарикомъ...). Безъ ученыхъ изслѣдованій не можетъ быть отличена истина; а если и была открыта, то опять завьется въ младенческую пелену сказки или впадетъ въ сонное забытье!...

И тѣмъ охотнѣе я слѣдую сему мнѣнію о племени Руссовъ, что оно было народнымъ преданіемъ Словенскимъ; тѣмъ открытѣе и утвердительнѣе говорю въ пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнѣніе, а только сознанное вновь и пробуждаемое нынѣ *общее мнѣніе* нашей Русской старины, отъ Нестора до Ломоносова, — которое болѣе полувѣка было заглушено новыми мнѣніями,

народившимися со времени Байера и Татищева, особенно въ нынѣшнемъ *вѣкѣ системъ*.—

Что-же эти прочія мнѣнія и ученія о происхожденіи Руси отъ другихъ народовъ?..

Ученія эти междоусобствуютъ, обличаются взаимными другъ на друга показаніями — и хорошо дѣлаютъ, поколику они гипотезы и частныя системы. Пусть-себѣ выводятъ другъ въ другѣ темныя пятна и уничтожаютъ взаимно свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли этимъ распрямъ и отрицаніямъ не будетъ конца? уже-ли съ этимъ взаимнымъ обличеніемъ и отверженіемъ должны и кончиться ученыя мнѣнія?...

Нельзя подумать, что-бы эти ученія были вовсе неосновательны, что-бы въ этихъ ученыхъ мнѣніяхъ не было сколько-нибудь истины положительной. Только бѣдная глупость бредитъ сущую безсмыслицу, да и та иногда обмолвится правдою, ибо зачатки истины глубоко лежатъ въ умѣ и падшаго человѣка! Потому лучше думать, что въ каждой гипотезѣ или мнѣніи ученомъ есть и своя дѣльная, основательная, своя истинная или вѣроятная сторона; что каждое изъ нихъ справедливо

ходяя отчасти; что большая часть ихъ послужила къ открытію истины и назидательна не въ отрицательномъ только или относительномъ смыслѣ, но и положительнымъ, существеннымъ образомъ. — А если такъ, то каждое изъ нихъ можетъ еще, своею невыдуманною, непроизвольною стороною, поступить въ общую сложность мнѣній, какъ запасъ *для* построенія древнѣйшей Исторіи Руссовъ и *для* объясненія ихъ отношеній къ другимъ народамъ; потому, каждое мнѣніе можетъ еще быть принято на *новую ученую бесѣду о Руси*, не какъ *изгой*, а какъ *гость* Русскій, съ правомъ голоса своего и съ правиломъ Русской пословицы: „по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ.“

Выслушайте каждое изъ нихъ особо и непредубѣжденно: вамъ представятъ событія, словопроизводства, имена, мѣстныя преданія, свидѣтельства писателей, и съ такою увѣренностію, что вамъ небезсмыслицею покажется близкое *сродство Руси* — у однихъ съ *Финнами*, у другихъ съ *Козарами*, у третьихъ съ *Болгарами*, у четвертыхъ съ *Скандинавами* и т. д., и вы повѣрите, хоть на-время, что у каждаго изъ сихъ народовъ точно была древле родная связь съ Русью, и что Руссы могли-бы произойти — отъ каждаго изъ нихъ . . . Но прои-

зойти отъ всѣхъ ихъ — неестественно! Ибо, по историческому закону образованія Природы и разсѣянія рода человѣческаго, происходятъ виды отъ рода, многое отъ единаго, младшее отъ старшаго, а не наоборотъ. Да и по закону логическому — если доказывается и принимается, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары *были Руссами*, и при каждомъ изъ нихъ повторяется = *Руси;* то и слѣдовало-бы, кажется, имя *Руси* принимать ихъ *общимъ* и *родовымъ* именемъ, и производить *не Руссовъ отъ нихъ*, но *ихъ отъ Руси!* Потому, кажется, и слѣдуетъ предположить, что они съ Русью имѣли древнюю родную связь, но въ-послѣдствіи разроднились съ нею, отмѣнились, переименовались и объособились племеннымъ образомъ. — Вотъ *общая мысль*, которая просвѣчиваетъ сквозь чащу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣній о происхожденіи Руси, когда проходишь это Полѣсье или (какъ зовутъ его Сѣверцы) эту *Русскую Палестину!* . . . .

И такъ, если мнѣнія и гипотезы Ученыхъ объ Руси несчитать вовсе ложными и неосновательными (а такими считать ихъ несправедливо); то, выходя изъ оной общей мысли, можно-бы, кажется, составить *предварительную, общую гипотезу*, въ которую

другія мнѣнія и гипотезы вошли-бы *отъчасти*, со своими доказательствами, соображеніями и свидѣтельствами о сродствѣ Руси съ прочими народами; въ которой онѣ прикинули-бы другъ къ другу не своею крайнею или особенною, но основною и общею стороною, и сошлись-бы въ *Руси*, какъ племени древнемъ и родоначальномъ для многихъ другихъ народовъ. —

Разумѣется, что и такая согласовка противоположностей была-бы еще также *гипотеза*, какъ и другія ученія объ Руси, — и только тѣмъ отъ нихъ отличная, что въ ней была-бы одна главная, средоточная, общая мысль, повторяющаяся и въ другихъ гипотезахъ, только въ обратномъ видѣ, — что въ кругу ея другія гипотезы обновились-бы, являясь съ своей истинной или вѣроятной стороны, и *приживаясь* другъ къ другу какъ взаимно необходимые члены одного тѣла. Но внѣ такаго круга онѣ остаются по-прежнему — частными, односторонними системами, взаимно противорѣчивыми и междоусобными, искусно отрицающими и зыбко утверждающими; а безъ главной, связующей мысли, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, онѣ какъ *доски безъ князя на златоверхомъ теремѣ* (44) Русской Исторіи! . . .

Дорожа учеными мнѣніями и ихъ доказательствами о сродствѣ и тожествѣ Руси съ разными народами, можно *на основаніи оныхъ* сдѣлать и попытку такой Общей предварительной гипотезы объ Руси, на-примѣръ хоть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ.

ОПЫТЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ О ПЕРВОБЫТНОЙ И ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСИ ДО ВРЕМЕНЪ РЮРИКА И ѲСКОЛЬДА.

I. *Руссы* или *Россы* (т. е. красные) составляютъ первый отдѣлъ особаго, кореннаго Древнеазійскаго Іафетова (56) племени *Нарци* (т. е. нарицатели, именователи). Объ нихъ упоминается въ Библіи подъ именемъ *Роса;* говорится и въ Коранѣ, какъ объ одномъ изъ славнѣйшихъ Азійскихъ народовъ, по-имени *Росъ* или *Расъ*. — Другой отдѣлъ сего племени составляетъ народъ *Словенскій* (т. е. говорящій), вмѣстѣ съ которымъ Руссы обитали въ Азіи въ сосѣдствѣ съ Индіей: тамъ была сначала Земля Руссовъ и Словенъ — *Русь* и *Славъ*, откуда потомъ они вышли, разлучились и перешли въ Европу. Словены переплыли въ Европу *Западнымъ* путемъ (вмѣстѣ съ другими племенами *Пелазгійскими* — Ѳракійскимъ, Эллинскимъ, Латинскимъ, Галатскимъ или Кельтскимъ, Нѣмецкимъ или Тевтонскимъ);

Руссы перешли изъ Азіи *Сѣверными* путемъ черезъ Кавказъ; тѣ и другіе за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. —

„Бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова *Нарци*, еже суть *Словѣне*. По мнозѣхъ же времянѣхъ, сѣли суть Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.“ Такъ говорилъ Кіевскій Русинъ *Несторъ* и представилъ вкратцѣ расплемененіе Словенъ на разные народы; но подробнаго о томъ сказанія мы Руссы послушаемъ отъ Чеха, когда Шафарикъ издастъ свое изслѣдованіе Старобытностей Словенскихъ (57). Что касается до первобытной Руси, то съ переходомъ большей ея части черезъ Кавказъ кончился *первобытный* періодъ ея жизни *Восточной*, безразличной. — Такой періодъ зовутъ обыкновенно *до-историческимъ* и баснословнымъ: и точно онъ наиболѣе *гадательный*, но тѣмъ не менѣе важный для понятія о народѣ и языкѣ его. Въ отношеніи къ нему можетъ имѣть мѣсто Русская пословица: „догадка лучше разума.“

II. Слѣдуетъ *второй*, уже *историческій* періодъ Руси, для Исторіи періодъ

древнѣйшій и еще весьма предположительный. Это періодъ *разсѣянія* Руси по Европѣ и ея расплемененія на разные народы.—По Гипотезѣ нашей—Русь первобытная, устремясь отъ Кавказа на Сѣверъ и на Западъ, разошлась по Европѣ въ двѣ главныя отросли.

1.—Первая отросль *Восточная*, расплеменяющаяся на разныя колѣна или побѣги, идетъ вдоль Урала до океана Сѣвернаго, и заселивъ Сѣверовостокъ Европы кончается въ Скандинавіи.

а.) Одно колѣно сей Восточно-Русской отросли осталось на Кавказѣ, между Каспіемъ или моремъ *Хвалынскимъ* и Понтомъ или моремъ *Русскимъ*,—между рѣкою *Рою* или *Росью* (Волгою) и *Русскою рѣкою* (Дономъ). Въ-послѣдствіи оно являлось и подъ именемъ *Руссовъ*, распространявшихся даже за Волгу до Урала,—и подъ именемъ *Коваръ*, которые, по сказанію нашей Четь-Минеи, бесѣдовали языкомъ Словенскимъ.

б.) Второе колѣно Восточно-Русской отросли образуется на Волгѣ въ Руссовъ-*Болгаровъ*. Одна часть ихъ, Западная или Дунайская, переходитъ на Дунай и *приживается* тамъ къ Южной отросли Словенъ. Остальная, Восточная или *Поволожская* часть Болгаръ, раздѣлившаяся на Казанцевъ и Хвалисовъ, въ-п[illegible]іи отатарилась.

*

в.) Третье колѣно Восточно-Русской отросли (58), скитаясь по простору Сѣверо-востока Русскаго, простерлось до Скандинавіи и Сѣвернаго океана или *Моря-Морога*, по Фински *Рутіанъ-мери*. Оно выродилось въ *Чудь бѣлоглазую* (какъ зовется она въ Русскихъ пѣсняхъ), раздѣлившуюся на Финновъ и Лопарей. Многіе изъ вѣтвей Поволожской Чуди опять возродились и уже обрусѣли, (а *русыя* косы Мордовокъ переходятъ на головы прекрасныхъ Россіянокъ); Чухонская Чудь обнѣмечилась; а Угорская Чудь отуречилась въ землѣ Угорской (Венгріи).

г.) Четвертое колѣно Восточно-Русской отросли составляютъ *Іоты* или *Готы*, которые вкоренились въ Скандинавіи и въ ней издревле обнѣмечились (можетъ-быть отъ Свеоновъ), подобно тому, какъ въ-послѣдствіи обнѣмечились Поморскіе Словены и оставшіеся вмѣстѣ съ ними Варяго-Руссы.

Всѣ эти положенія общей гипотезы можно подкрѣпить свидѣтельствомъ древнихъ писателей или-же именитостію новыхъ — частію усопшихъ, частію живыхъ. За однородство Руси съ Болгарами постоитъ Венелинъ; сродство Болгаръ съ Чудью подкрѣпляется именитостію нашего Академика-Оріенталиста; однородство Чуди съ Русью и Словенизмъ въ составѣ Венгерскаго народа будетъ защищать Бутковъ; а за *Рус-*

*сил*ы Скандинавовъ крѣпко стоитъ почти вся современная именитость нашихъ писателей по части Русской Исторіи, со времени ученаго Шлецера. Честь и слава имъ и ихъ ученымъ изслѣдованіямъ за сіи открытія!

2.—Но „око видитъ далеко, а мысль еще дальше" говоритъ пословица Русская, — и вѣщій Ломоносовъ распознал ъ еще одну отрасль Руси на Западѣ, на Поморіи Балтійскомъ. Эту *Русь* слѣдуетъ назвать *коренною*: ибо не только сама она черезъ много вѣковъ сохранила тамъ свою древнюю породу, свое красное имя и слово; но вновь передала ихъ своимъ прежнимъ поколѣніямъ, покрыла ими поколѣнія Восточно-Словѣнскія, и осѣнила многіе народы иноплеменные. И только эта коренная Русь могла разростись съ такою могучею, широкою силою! —

—(„*Краткое Сказаніе старика Наума о Старобытной Руси*".

„...Лѣтъ за сто до Р. Х., послѣ боевыхъ схватокъ съ Лукоморскимъ Царемъ Митридатомъ, большая часть старобытныхъ Руссовъ покинули свое Синее, Русское море, простились съ своею матушкою-Волгою или старою Росью, съ своею Русскою-рѣкою—тихимъ Дономъ Ивановичемъ, и не-

сказаннымъ Берестиномъ или Днѣпромъ Словутичемъ. И пошли они къ своимъ милымъ ближникамъ и стародавнимъ землякамъ Словенамъ — на Дунай - рѣку (по-старинному Іоказу). И прошли они черезъ горы Карпаты или Татры, а оттуда на Сѣверъ по рѣкѣ Одеру въ землю Поморскую. Тамъ поселились они у Сѣвернаго Русскаго моря-океана (Варяжское тожь), на славномъ Русскомъ островѣ (Рузѣ или Ругенѣ), по которому и звали ихъ Ружанами или Ругіянами. При томъ переходѣ и на своемъ новосельи, храбрый Руссъ побратался съ красною дѣвицею Вендою, съ бойкимъ Чехомъ и Лехомъ: и такимъ образомъ Русь съ покон-вѣку присвоилась къ побратимству Вендскому или Западно-Словенскому. — Главнымъ жительствомъ Руси былъ островъ ея съ своимъ заповѣднымъ лугомъ, куда ходили на поклоненіе Русскому богу народы Словенскіе. Ружаны были такъ славны, что отъ нихъ брали себѣ Князей заморскіе Готы, съ которыми щитоносцы наши своими обоюдоострыми мечами погромили Старый Римъ и Царство Гишпанское. — Отъ Одера, по которому звали Руссовъ Оботритами или Обродитами, они селились въ Поморяніи къ рѣкѣ Вислѣ во второмъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. По сказанію Лѣтописанья Прусскаго, они въ IV вѣкѣ жили уже на востокъ

отъ Вислы до рѣки Немиги или Неменя, коего правый рукавъ назвался по нимъ Руссомъ, сторона та Порусьемъ, а народъ ея Прусью.- Руссы селились и на Западъ отъ Одера къ рѣкѣ Ляби (по Нѣмецки Эльба), и внизъ по Одеру къ Карпатамъ и горамъ Полониными (50). За Одеромъ была и въ X вѣкѣ, даже до XIV-го, особая *Руссія,* сопредѣльно Поморяніи. Да то была уже не та Русь, что въ стародавніе годы: видно вся Русская сила оттуда съ Княземъ Рюрикомъ Гальфдановичемъ перешла въ нашу Землю! А до той поры сильна была Русь на Западѣ; могучи были Радогость, Видомiръ, Губъ, Одоакръ и другіе Витязи Русскіе; и еще за Карла Великаго Имперцы Заодерскую Землю звали *землею страха.* Гдѣ становились и воевали Руссы, тамъ оставляли по себѣ въ память свое имя рѣкамъ, городамъ и горамъ (Русидава, Руссіонъ, Россокастръ, Россемонтъ); а на Карпатахъ по сю пору видны *рѣзы* или письмена, какими Руссы записали себя и на Синаѣ.

Иноязычники писали и пишутъ имя Руси всякій по-своему: Русаци, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рутиклы, Рудены, Рутены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему сказать — *Руссы* или *Россы.*“) —

Эти коренные Поморскіе или Словенскіе *Руссы* и Руссы Заморскіе или Скандинавскіе, сойдясь опять на одномъ, Сѣверномъ *Русскомъ* (т. е. Балтійскомъ) морѣ, сходятся въ новое, морское братство *Сѣверное* или *Норманское*, которое у насъ встарину называлось *Варягами*. И здѣсь, въ IX вѣкѣ, кончается второй древнѣйшій періодъ жизни Руссовъ, періодъ ихъ разсѣянія и расплемененія; а съ нимъ вмѣстѣ и моя предварительная гипотеза о первобытной и старобытной или древнѣйшей Руси.—

Съ 862 года начинается *третій* періодъ Руси, періодъ ея сосредоточенія и просіянія въ Кіевѣ; а потомъ слѣдуетъ ея утверждение и усиленіе въ Москвѣ и распространеніе оттуда на седьмую часть земнаго міра. Съ той поры начинается положительная, достовѣрная Исторія Руси на обновленной ею Русской Землѣ, Исторія все болѣе и болѣе проясняющаяся и пополняющаяся.

Предложенную гипотезу о древнѣйшей Руси можно-бы распространить въ цѣлое ученіе или *систему историческую*, на первый разъ хотя по доказательствамъ и свѣдѣніямъ уже запасеннымъ и соображеннымъ въ разныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и частныхъ системахъ. Но — слаще вода изъ са-

маго ключа! Потому лучше углубиться въ тѣ-же историческіе источники, перевѣдать ихъ вновь и сообразить съ новой точки зрѣнія, при чемъ конечно откроются и новые родники. — Тогда могло-бы обнаружиться: что́ слѣдуетъ въ древнѣйшую Исторію Руси принять какъ достовѣрную положительность, — что можно допустить какъ вѣроятное предположеніе, — что надо исключить какъ невѣрный вымыслъ или мечту временную и преходящую.

Какой изъ этихъ трехъ жребіевъ на каждое падетъ мнѣніе и умозаключеніе — того напередъ, наугадъ сказать нельзя, особенно тому, за кѣмъ есть уже своя новая и частная, уже свершенная, но еще неоправданная временемъ и непризнанная система. То рѣшить могутъ только дальнѣйшія, всесторонно-объемлющія ученыя изслѣдованія историческихъ событій и свидѣтельствъ, при живомъ соображеніи ихъ между собою и съ главною общею мыслію. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю болѣе какъ чувство потребности и желаніе таковыхъ новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій „утвержденныхъ въ томъже разумѣніи и въ той-же мысли“, — безъ чего не можетъ быть открыта истина.

Какъ знать! . . . можетъ-быть и моему *мысленному древу* Руси не только сужде-

но удѣлѣть со всѣми его вѣтвями, но еще и умножиться новыми лѣторослями, отъ будущихъ изысканій и соображеній!...

Но быть можетъ и то, что лезвіе будущаго знанія срѣжетъ съ него все вѣтвіе и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, — и останется только собственная, коренная Русь. Какъ безвѣтвенная, всѣхъ растеній на земли длиннѣйшая пальма-ротанга — *молніевидно* проходитъ она съ Востока черезъ Кавказъ и Карпаты на Поморіе Сѣверозапада; тамъ, въ *лугу заповѣдномъ* (60) пала она передъ своимъ Свѣтовидомъ; и обратясь на Востокъ, разразилась Перуномъ и водрузилась Крестомъ на горахъ Кіевскихъ; и вновь воздвиглась Крестомъ Православія, и встрепенулась Державнымъ Орломъ на Бѣломъ камени Московскомъ!...

Въ такомъ разѣ моя гипотеза весьма-бы умалилась, сократилась-бы въ объемъ предположенія Ломоносовскаго, и только вровень сошлась-бы съ мнѣніемъ о Словенахъ-Руссахъ въ нашемъ Отечествѣ, которое принято мною за *положительное* и изложено въ изслѣдованіи моемъ. — Но для другихъ гипотезъ тогда пришелъ-бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство, и Болгарство Руси — погибли-бы *аки Обри!* Тогда и срод-

ство ея съ волшебными Финнами, и тожество ея съ полуночными Скандинавами, какъ Оссіяновскія тѣни съ небосклона нашей Исторіи отлетѣли-бы навѣки въ Скандинавскій мрачный рай исключительной храбрости и безконечной брани!... И будущій изслѣдователь Исторіи нашей, поминая какъ звали сіи ученія, тогда сказалъ-бы: „древняя мимоидоша...“ Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо сростаются съ нашею мыслію; но кто-бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимою мечтою, при одной мысли, что то будетъ благопріятно *Истинѣ*, для которой и работаютъ Ученые?...

Но — что будетъ, то покажетъ будущее время: „день бо явитъ!“ Теперь-же, глядя на тружениковъ Науки, какъ постоянно они, при всѣхъ неудачахъ, стремятся на высоту невѣдомой Истины, можно жалѣть только: зачѣмъ ведетъ къ ней путь такой далекій и тернистый, на коемъ неизбѣжно столько паденій и заблужденій!

Но всякій труженикъ Знанія уже утѣшенъ въ сердцѣ своемъ тою самонаградною Любовью, которая стремитъ его къ возвышенной цѣли. Пусть только отложитъ онъ завременное самонадѣяніе разума своего

передъ Истиною: ибо Ученый есть только созерцатель и вѣдатель сущей Истины, а не строитель ея по произвольной мѣрѣ своего частнаго разумѣнія. Пусть каждый изслѣдователь Русскаго Бытописанія помнитъ о той ясной, живой положительности, съ какою писана древняя Русская Лѣтопись, — о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ Преподобный Отецъ Бытописанія Русскаго. „Азъ грѣшный Несторъ, мній всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Ѳеодосія." Но умственный трудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть временныхъ лѣтъ* цѣлыя столѣтія разливала свѣтъ познанія о древней Руси, и навсегда останется многоцѣннымъ, несокрушимымъ памятникомъ нашего Бытописанья и Словесности, — какъ тѣлесные останки безсмертнаго инока почиваютъ нетлѣнными въ первой обители Русскихъ праведниковъ, въ Святой колыбели Бытописанія Русскаго! —

8 Ноября, 1836.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1.)—Народы *Словенскаго* или *Славянскаго* племени я раздѣляю на два отдѣла: на *Восточныхъ* или *Русскихъ* Словенъ и Словенъ *Западныхъ*.

I. Между ВОСТОЧНЫМИ или РУССКИМИ Словенами я различаю:

1.) *Руссовъ Сѣверныхъ*, къ коимъ принадлежатъ *Великоруссы* или собственно такъ-называемые нынѣ *Рускіе*, и *Бѣлоруссы*.

2.) *Руссовъ Южныхъ* или Украино-Галицкихъ.- Сообразно сему и прежніе Восточно-Словенскіе народы (упоминаемые Несторомъ и другими) можно раздѣлить (по примѣру К. Калайдовича, 1815) на 1.) *Сѣверновосточныхъ*: Словены Новогородскіе, Кривичи съ Полочанами, Дреговичи. Сюда-же причислить должно и двѣ вѣтви, отшедшія отъ Ляховъ—Радимичи и Вятичи; въ составъ Велико-Руссовъ вошли и Куряне (которые зовутъ себя *Руськими*, отличая тѣмъ себя отъ Малороссіянъ, а потому слово *Руській* напрасно усвоивается исключительно Бѣлоруссамъ). 2.) *Южновосточныхъ*: Поляны, Сѣверяны съ Суличами, Древляны, Тиверцы и можетъ-быть Бѣлые Хорваты.—

II. ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ раздѣляются на 1.) *Сѣверозападныхъ* или *Вендскихъ*, къ которымъ принадлежатъ: *Чехи* (съ Моравами) или *Богемцы*, *Словаки*, *Ляхи* (съ Мазовшанами или Мазурами, Силезами и съ прежними Лутичами Поморянскими и собственно Поморянами), *Сырбы* или *Венды* (Лузацкіе). Сюдаже я причисляю и бывшихъ тамъ *Руссовъ* и другихъ Варяговъ Словенскаго племени (Вильковъ или Заодерскихъ Лутичей, Вагровъ и проч., уже обнѣмечившихся подобно Поморянамъ).— 2.) *Южнозападныхъ* или *Задунайскихъ* (называемыхъ и просто *Южными*), къ которымъ прина-

длежать: *Сербы* съ прочими Иллирійцами, *Хорваты* или Кроаты, *Хорутаны* или Винды и *Болгары* (перешедшіе на Дунай съ Волги. Они первые изъ Словенскихъ народовъ сдѣлались грамотными, и ихъ языкъ образовался въ *книжнословенской,* какъ справедливо у насъ принялъ Востоковъ,—въ *Собр. Слов. Пам.* Кеппена 1827,— и какъ особенно изслѣдовалъ то Венелинъ, составившій и Грамматику языка Болгарскаго, къ сожалѣнію доселѣ неизданную). Книжно-Словенскій языкъ признаетъ Болгарскимъ и самъ Шафарикъ,—отъ котораго и Русскій языкъ отдѣленъ въ особый отдѣлъ отъ языковъ Словенъ Задунайскихъ, съ коими въ одинъ отдѣлъ онъ соединялъ ихъ прежде, попримѣру Добровскаго.— Неудовлетворительность дѣленія, предложеннаго Добровскимъ: на *Сѣверозападный* и *Юговосточный* отдѣлы уже давно замѣчена и у насъ, почему оно уже и оставлено нѣкоторыми и нашими писателями.

(2.) Мнѣніе, что имя Руси принадлежало жителямъ нашего Отечества искони, съ незапамятныхъ временъ, въ настоящее время принимаетъ Венелинъ (*Древн. и нын. Болг.* 1829), признающій Сарматовъ и Гунновъ за-одно съ Руссами, къ коимъ причисляетъ онъ и Болгаръ, называя ихъ Волжскими Руссами— и Гуннами. Волжскими Словенами также и Ломоносовъ признавалъ нетолько Варяговъ-Руссовъ съ Балтійскаго Поморія, но и Болгаръ.—Отъ Волги производили и названіе *Волынянъ.*—

(3.) Академикъ Байеръ, въ разсужденіи своемъ о *Варягахъ* (которое напечатано на Латинскомъ языкѣ 1735 года, а въ Русскомъ переводѣ явилось впервые кажется 1768 г. въ 1 ч. Исторіи Татищева) возстановилъ тотъ объемъ, какой имѣ-

ло слово *Варягъ* въ древней Русской Лѣтописи, утверждая, что въ ней назывались такъ всѣ вообще Скандинавы и *Даны*; онъ положилъ основаніе и тому мнѣнію, по коему Руссовъ стали почитать племенемъ Скандинавскимъ,—по Туниману и Шлецеру—*Шведами*.

Впрочемъ это мнѣніе долго еще не имѣло у насъ хода; ибо—съ одной стороны *Ломоносовъ*, имѣя такое-же какъ и Байеръ понятіе о *Варягахъ* относительно Скандинавовъ, сильно поддерживалъ противъ Миллера давнее и общее у насъ мнѣніе о *Словенизмъ* Варяго-Руссовъ, мнѣніе хотя у него и не очень учемымъ образомъ (по понятію Шлецера) обставленное, но въ сущности дѣла справедливое. Ломоносову въ этомъ соревновалъ даже противникъ его *Тредьяковскій*, который въ то-же время писалъ противъ Байера и другихъ *три разсужденія*, напечатанныя 1773 г. Тредьяковскій, доказывая *по-своему* Словенизмъ *Варяго-Руссовъ*, имя Варяга распространялъ не только на Скандивавовъ, но и на всѣ Западно-Европейскіе народы, сообразно не Несторову, но древнѣйшему значенію у насъ этого слова (см. § 9, стр. 42 нашего изслѣдованія).— Съ другой стороны—вскорѣ послѣ Исторіи Ломоносова издана была наконецъ (1768—84) Исторія *Татищева*, и его мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Финновъ, происхожденіемъ почти современное Байерову мнѣнію, сдѣлалось господствующимъ между Рускими, особливо въ два послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, послѣ того, какъ это мнѣніе поддержалъ Болтинъ (съ 1788).— Самъ издатель Татищева трудолюбивый Миллеръ былъ продолжателемъ и распространителемъ (съ 1750—72) сходнаго съ Ломоносовскимъ, давняго мнѣнія о пришествіи Руссовъ изъ Пруссіи (гдѣ жили *Роксоланы* по Геогр. Равенск.), которое поддержано было и со стороны Князя Щербатова (1770).

Такимъ образомъ до Болтина господствовала *старая Русская* или *Ломоносовская* историческая школа, ведущая къ намъ Русь черезъ Новгородъ *съ Сѣверозапада, съ Поморія Балтійскаго* и производящая ее отъ Роксоланъ.— Такое мнѣніе и не могло неимѣть хода, когда принято было и Миллеромъ, оставившимъ Байерово мнѣніе, послѣ горькой неудачи высказать оное въ своей академической рѣчи.—Въ-слѣдствіе непремѣннаго настоянія Ломоносова передъ Шуваловымъ, Миллерова рѣчь уже напечатанная была подвергнута ученому суду и разбору членовъ Академіи Наукъ (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими къ произношенію и выходу въ свѣтъ: ибо, пишетъ Тредьяковскій, „освидѣтельствованная всѣми членами Академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ.“ Такъ сильно не-по-нраву и не-по-мысли своего времени было мнѣніе о *Скандинавскомъ* происхожденіи Руси, которое послѣ того событія, считалось тогда не только несправедливымъ, но даже зазорнымъ,—подобно тому, какъ и Татищева Исторія долго, до выхода въ свѣтъ слыла подозрительною.—Несмотря однако на эти *дѣла и преданія минувшихъ лѣтъ*, наша *историческая Критика* начинается съ Байера и Татищева; оба они ведутъ къ намъ Русь прямо съ *Сѣвера*, изъ-за *Балтійскаго моря*—(одинъ изъ Скандинавіи, другой изъ Финляндіи); оба были основателями двухъ *новыхъ* у насъ системъ историческихъ; у каждаго былъ свой сильный провозвѣстникъ сходной критической умонаклонности: сначала у Татищева—*Болтинъ*, потомъ у Байера—*Шлецеръ*. Потому сперва образовалась школа (Татищево-Болтинская) *Сѣверно-Финскаго* происхожденія Руси; потомъ школа (Байеро—Шлецеровская) *Сѣверно - Скандинавскаго* происхожденія Руси.

(4.) Отъ Роксоланъ производили нашихъ Руссовъ еще въ XVI вѣкѣ разные Ученые иностранные. Въ прошломъ столѣтіи у насъ Татищевъ опровергалъ это; но Ломоносовъ и многіе другіе писатели признавали за вѣрное. Въ нынѣшнемъ десятилѣтіи Венелинъ, Бутковъ, Бодянскій опять обратились къ этому древнему роднику Руссовъ, хотя этихъ общихъ имъ *Роксоланъ* каждый принимаетъ различно—одинъ за Словенъ, другой за Финновъ, третій за народъ племени Турецкаго—что кому надо, смотря по системѣ.

(5.) Татищевское мнѣніе о происхожденіи Варяговъ-Руссовъ изъ Финляндіи возобновилъ въ нынѣшнемъ году *Бутковъ* (см. его статью *о Руси и Рюссаландѣ* въ Сынѣ От. 1836 N 1), весьма увеличивъ оное присоединеніемъ древнѣйшей Руси Ломоносовской, но съ распространеніемъ на нее Финскаго родоначалія.—По гипотезѣ Буткова—кромѣ Варяговъ-Руссовъ, названныхъ *Гото-Рюсами* и приведенныхъ изъ Финляндіи или *Рюссаланда* (что напоминаетъ мнѣніе Академика Струбе),—къ Руси причисляются еще прежніе Роксоланы, перешедшіе на Балтійское Поморіе издревле съ Волги, Дона и Дуная, въ которыхъ Бутковъ „узнаетъ поколѣніе *Финское*, коего точное имя было *Руска-лайнъ* отъ Финскихъ-же словъ *руска*—рыжій, русый, красный—общій обликъ Финскій—и *лайнъ*, родъ, племя“,—почему и у Татищева *Финны* назывались также *Чермными*. Ибнъ-Гаукаловыхъ Руссовъ Бутковъ надѣется открыть также въ Поволожской *Чуди*—въ Чувашахъ, Черемисахъ, Мордвѣ—„вѣроятныхъ однородцахъ Роксоланскихъ“—въ этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указываетъ онъ какъ на Русь забытую, пропущенную Критиками.—Въ такомъ обширномъ, новомъ видѣ является Татищевская система, пополняя содер-

6

жаніе и объемъ свой началомъ Старой Русской школы, которое она покрываетъ своимъ собственнымъ Чудскимъ началомъ; а истощая оное въ своемъ первомъ родникѣ, дополняетъ его Скандинавскою стихіею Байеровской школы.

(6.)—См. Библ. для Чтенія 1834, N 1 и др.— „Все ускользнуло—по словамъ Сенковскаго—отъ вниманія и проницательности нашихъ Историковъ; все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго Словенизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой критики.“ Много правды въ укоризнахъ Сенковскаго исторической критикѣ за ея отверженіе преданій народныхъ, за односторонность ея труповаго изслѣдованія буквы, а не духа въ Исторіи. Но его обвиненіе Карамзина въ *Словенизмѣ* слишкомъ скоро, равно какъ и его предпочтеніе Эймундовой Саги Лѣтописи Нестора.

Тѣ-же явленія Норманскаго свойства въ Русской Исторіи можно изъяснить прямѣе, истиннѣе и плодоноснѣе *Словенизмомъ* Варяговъ-Руссовъ, отъ коихъ нетолько не утратилась народность старобытныхъ насельниковъ нашего Отечества, но пробудилась и раскрылась съ новою силою и съ новымъ духомъ, такъ сказать, *удвоеннаго Словенизма*. И если уже надо сравнительное имя для Земли Русской, то вмѣсто „Новой Скандинавіи,“ лучше-бы назвать ее Новымъ *Поморіемъ* (именемъ, уже употребленнымъ въ Пѣсни Игорю для края, прилежащаго къ Черному морю): и тогда также можно-бы сказать вмѣстѣ съ Сенковскимъ, что „Исторія Россіи начинается на водахъ Балтійскаго моря.“

Что касается до его теоріи Языкознанія, по подобію химической теоріи сродства,-то она хороша въ отношеніи чисто-логическомъ, какъ теорія выведенная умственно и притомъ примѣ-

нительно къ законамъ Естествознанія; но въ приложеніи къ исторической дѣйствительности своего собственнаго предмета — она невѣрна: ибо Русскій языкъ принялъ отъ Скандинавскаго еще меньше, чѣмъ отъ Татарскаго; притомъ-же Скандинавскіе Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали языкъ народовъ, у коихъ поселялись.

Вообще это химическое соединеніе Скандинавскаго и Словенскаго языка въ Русскій, и это физіологическое претвореніе въ Русскомъ тѣлѣ Скандинавской крови въ Словенскую, суть предположенія даже лишнія для изъясненія историческихъ явленій Руси, — кромѣ того, что сами по себѣ они неправы противъ дѣйствительности. — Такимъ-же образомъ, принимая Варяговъ-Руссовъ за Словенъ Прибалтійскихъ, можно понять съ коихъ поръ и какимъ путемъ стали являться у насъ разныя понятія, обычаи, законы, имена и другіе предметы *общіе* намъ съ Балтійскими Словенами, — и для изъясненія сихъ явленій можно, кажется, совсѣмъ обойтись *безъ предположенія о вѣроятномъ переселеніи Балтійскихъ Словенъ на берега Волхова непрежде конца XI вѣка.* Тѣмъ болѣе лишнимъ мнѣ кажется такое предположеніе, что оно (противорѣча положительнымъ свидѣтельствамъ о древнихъ событіяхъ Новагорода и Кіева) требуетъ для основанія своего еще большаго предположенія, а именно — *отрицанія* самаго бытія Новагорода до XI вѣка, и вообще отрицанія Древней Исторіи нашего Отечества; а таковое отрицаніе необходимо предполагаетъ еще другое — отрицаніе достовѣрности и подлинной древности Русской Лѣтописи и всѣхъ древнихъ нашихъ памятниковъ; а для сего отрицанія необходимо предположеніе о позднѣйшемъ составленіи и систематическомъ, постоянномъ подлогѣ столькихъ памятниковъ!!!

На такомъ *отрицаніи положительнаго* заложено основаніе, и изъ *предположительныхъ утвержденій* начато построеніе новѣйшей, особенной исторической системы. По крайней мѣрѣ таковою мнѣ представляется система сія, *относительно ея основныхъ началъ*,—при всемъ уваженіи моемъ къ ученымъ трудамъ и достоинствамъ заслуженнаго ея основателя.—*Отрицательное* ученіе Каченовскаго о Древней Руси совсѣмъ противоположно системѣ Сенковскаго. Ибо Сенковскій преслѣдуетъ Шлецеровскій духъ отрицательнаго критицизма въ Исторіи и предается Сагамъ, кои Шлецеръ *выбрасывалъ* изъ Русской Исторіи, какъ „Исландскія бредни". Но послѣдовавъ догматизму или положительному ученію Шлецерову о Скандинавствѣ Руссовъ, онъ расточаетъ его до крайности: по Сенковскому— въ Древней Русской Исторіи *все Скандинавія*!—Напротивъ Каченовскій совершенно отрицаетъ ученіе о Скандинавствѣ и Руссовъ и вообще Варяговъ, принимая вмѣсто того для Новагорода—Балтійскихъ *Словенъ-Вагровъ* (подобно Герберштейну), для Кіева—*Черноморскую Азіатскую Русь* (предположенную Шлецеромъ и имъ-же самимъ отреченную отъ нашей Исторіи). Но отрицательный духъ Шлецеровскаго критицизма Каченовскій распростираетъ на все древне-Русское и усиливаетъ до чрезвычайности: по его системѣ—*ничего нѣтъ Скандинавскаго* въ нашей Древней Исторіи, да и сама она вся—почти сказка! (*см.* Прим. 14)

Вотъ двѣ новѣйшія *противоположности*, въ которыхъ Шлецеровская система распадается на свои составныя начала, доходя въ каждой до той крайней односторонности, при которой сіи разрозненныя начала дѣйствуютъ другъ на друга уже разрушительно, соединяясь съ *другими* началами прежнихъ источниковъ нашей Исторіи.

(7.) По Нестору начало Русской Земли въ 866 г., а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ многіе понимали.—Слѣдственно, уже и по времени первое вторженіе Норманов 852 г. in fines Slavorum не совпадаетъ съ началомъ прозванія Земли Русской, какъ полагаетъ Крузе, принимающій (подобно Нейману и другимъ) за начало прозванія Русской Земли по Нестору 852-й годъ, который у Нестора относится къ началу царствованія Михаила. См. о семъ Критическія замѣчанія Погодина на изданный имъ переводъ Нейманова сочиненія о *жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, 1826.

(8.) Отрицательная критика Шлецерова и современная отвергаетъ участіе Оскольда и Дира въ нашествіи Руси на Царьгородъ 866 года, на томъ основаніи, что Византійцы, при описаніи сего нападенія Руссовъ, умалчиваютъ объ этихъ Кіевскихъ Князьяхъ. Но это умолчаніе еще не доказательство. Кто-же нибудь да предводилъ Русью и кого-нибудь хоть другаго могли-бы именовать Византійцы. Но они говорятъ только *вообще* о Руссахъ, не называя никого лично, по имени—или по незнанію того, или-же по нежеланію. Такая безличность въ сказаніяхъ о непріятельскихъ нападеніяхъ совсѣмъ не рѣдкое явленіе въ Лѣтописяхъ. Такъ Гельмольдъ, описывая нѣсколько сходный съ симъ приступъ Ружанъ къ Любеку и ихъ отраженіе Генрихомъ, не называетъ по-имени ни одного Ружанина. Арабскіе Историки часто повѣствуютъ о побѣдахъ Руссовъ, безъ названія вождей ихъ. И въ нашихъ Лѣтописяхъ нерѣдко говорится о нападеніяхъ разныхъ непріятелей, безъ имени ихъ вождей. Можно-бы привести здѣсь, что Византіецъ IX вѣка *Георгій* (Гамартолъ или Грѣшный) упоминаетъ Оскольда и Дира, говоря о нашествіи Руси 866 года, въ своемъ *Временникѣ*, который из-

вѣстенъ былъ Нестору; но Георгіева Лѣтопись намъ извѣстна только въ Словенскомъ переводѣ, и потому неизвѣстно находятся-ли имена Оскольда и Дира въ подлинникѣ Греческомъ. Впрочемъ, сказаніе Несторово о сихъ двухъ первыхъ на Руси Христіанскихъ страдальцахъ и Князьяхъ хотя и коротко, но столь опредѣлительно и ясно въ своихъ подробностяхъ, что сомнѣваться въ правдѣ онаго еще болѣе несправедливо, чѣмъ имя *Дира* признавать нарицательнымъ словомъ (*воевода*), какъ доказывалъ Байеръ. Дѣянія Оскольда и Дира съ сосѣдними народами и ихъ сношенія съ Византійцами подлежатъ не отрицаніямъ, но еще новымъ соображеніямъ, послѣ которыхъ, мнѣ кажется, они представились-бы въ большей обширности.

(9.) „Россы (говоритъ Фотій) славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ Богослуженію Христіанскому (И. Г. Р Т. 1 стр. 119). Василій Македонянинъ, по свидѣтельству Византійцевъ, также послалъ къ нимъ *Михаила* Епископа, посвященнаго Патріархомъ Игнатіемъ (что было около 867 г.).

(10.) Когда именно Россія причислена къ Греко-Восточной Церкви?—Во время Льва Премудраго около 891 г. Россія считалась уже 60-ою *Церковью* или *Митрополіею*, подлежащею Патріарху Константинопольскому,—какъ видно изъ росписи, находящейся у Кодина, сохранившейся и у насъ въ Софійскомъ и другихъ Временникахъ подъ именемъ *устава Льва Премудраго о Митрополіяхъ, подлежащихъ Патріарху Константинопольскому*.

Но какъ и отъ Фотія, и отъ Игнатія были уже Епископы въ Руси, то вѣроятно она была причислена подъ власть Патріаршескую съ 866 года.—

(11.) Въ началѣ Ипатьевскаго списка (*Кіевской Лѣтописи*) помѣщена перечень Князей Кіевскихъ, гдѣ говорится: „первѣе начаста княжити въ Кіевѣ Диръ и Оскольдъ, одню княженіе; а по нею Олегъ"—и т. д.

(12.) О семъ договорѣ съ Руссами упоминается у Византійскихъ писателей, а именно въ Жизни Василія Македонянина; но вѣроятно сей договоръ былъ не письменный, а только *простословесный*. Эти первыя сношенія Руси съ Царьгородомъ, о коихъ извлеченія находятся и въ нашемъ позднѣйшемъ Лѣтописаніи, кои такъ важны для Бытописанія нашего вообще и въ особенности относительно введенія у насъ Христіанской Вѣры,—заслуживаютъ новаго и подробнѣйшаго изслѣдованія, какъ сказано выше (Прим. 8).

(13.) Черное море у Нестора называется *Понтомъ, моремъ Понетьскимъ* и *Рускимъ*; въ Пѣсни Игорю называется оно *Синимъ моремъ* (какъ у Турковъ Азовское или *Сурожское*); но въ Украинскихъ пѣсняхъ уже *Чернымъ моремъ*. Когда именно вошло у насъ это послѣднее имя?—Что касается до Запорожскихъ Козаковъ, то названіе Чернаго моря они безъ-сомнѣнія переняли у Татаръ; Горцы и Крымцы и теперь зовутъ его по-Татарски *Кара-Тэнгизъ*.

(14.) Документально въ *Договорѣ съ Греками* 912 года.—Сей древнѣйшій памятникъ Русскаго языка и законоположенія, сохраненный въ спискахъ Несторовой Лѣтописи, весьма важенъ въ

многоразличныхъ отношеніяхъ *для* нашей Исторіи. Шлецеру онъ могъ еще казаться сперва „загадкою, которую (по словамъ его) разрѣшить труднѣе Гомерова списка кораблей", а потомъ и поддѣлкою XIII *или* XIV вѣка; но послѣдовавшія ученыя изысканія, особливо Эверсовы (1826 г.), уже рѣшили это достаточно.—Что касается до новѣйшаго сомнѣнія (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрѣнія о его подложности и поддѣлкѣ по образцу Западному, то это болѣе слѣдствіе *отрицательнаго ученія о Древней Руси*, чѣмъ прямое возраженіе, изъ непосредственнаго новаго разсмотрѣнія сего памятника происшедшее (какъ у Шлецера). Подобно сему возникли новыя сомнѣнія о подлинности и другихъ древнихъ Русскихъ памятниковъ,—именно какъ слѣдствія и теоретическіе выводы изъ общихъ положеній этой отрицательной системы, потомъ уже подкрѣпляемыя разными доказательствами, направленными болѣе къ оправданію системы, чѣмъ къ открытію истины и разъясненію самихъ памятниковъ.—Убѣжденъ будучи съ своей стороны въ истинной древности и неподложности Договоровъ Руси съ Греками, Повѣсти Несторовой, Русской Правды, Пѣсни Игорю и проч., основываясь на нихъ, какъ на памятникахъ подлинныхъ,— я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и съ своей стороны объ этой *отрицательной системѣ*.—Относительной пользы и достоинства ея не отрицаю; признаю вполнѣ справедливость и тонкость многихъ частныхъ ея замѣчаній и подробностей; однако-же, въ ея *общемъ началѣ* и *направленіи*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушеніемъ мысли оспорить бытіе,—усиліемъ логической возможности и вѣроятія опровергнуть историческую дѣйствительность и достовѣрность.— Не-знаю, усвоится-ли системѣ сей достоинство *высшей критики*, во имя

коей отвергаетъ она наши древніе памятники: ибо, утверждаясь на понятіи независимомъ отъ предметовъ своихъ, она прикасается къ нимъ болѣе въ наружныхъ, отдѣльныхъ, случайныхъ подробностяхъ (см. для примѣра Прим. 35), чѣмъ проникаетъ въ ихъ сущность и общую цѣлость.—Но *скептицизмомъ* система сія прослыла не-даромъ: ибо „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья" есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность *мнительнаго* и вмѣстѣ *самопроизвольнаго критицизма* Шлецерова (см. Примѣч. 6.). Но Шлецеръ, хотя часто небережно и своенравно обходился съ Повѣстью Несторовой,—хотя непонятное для него, или несходное съ его мнѣніемъ обыкновенно слагалъ на вставщиковъ и переписчиковъ; однако видѣлъ все достоинство Несторовой Повѣсти и важность ея для Древней Исторіи не только Русской, но и вообще Сѣверной того времени, и старался истолковать, выразумѣть, объяснить ее.—Эверсъ, при всей противоположности Шлецеру въ положительномъ ученіи своемъ о Руси, нашелъ въ Несторовой Повѣсти богатый источникъ истины для Исторіи самаго Законодательства Русскаго. Не говорю о Карамзинѣ, Тимковскомъ, и большей части писателей современныхъ. Для всѣхъ были и есть несомнѣнны ея *достовѣрность* и *подлинность*, въ защиту коихъ еще недавно писалъ Погодинъ (Библ. для Чт. 1834-35).-Чѣмъ болѣе раскрывается наша Древняя Исторія, съ большимъ узнаніемъ писаній иноземныхъ, съ лучшимъ уразумѣніемъ нашихъ собственныхъ древнихъ памятниковъ, тѣмъ очевиднѣе становится и достовѣрность древней Русской Лѣтописи и ея достоинство, въ сравненіи съ другими иноземными Лѣтописями, передъ которыми Шлецеръ отдавалъ ей первенство и предпочтеніе, въ такихъ усиленныхъ выраженіяхъ Но это самое достоинство ея и обратило противъ

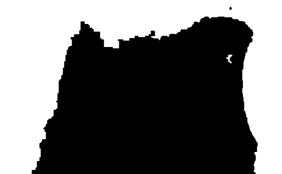
нея отрицательную систему, а вмѣстѣ съ нею и противу всей Древности Русской.

—Невозможно, говорятъ, что-бы Несторъ—Кіевскій монахъ, въ XI вѣкѣ—могъ написать Лѣтопись довольно стройную и несовсѣмъ чуждую соображенія! Невѣроятно, чтобы онъ—въ Кіевскомъ монастырѣ, въ то время—имѣлъ такія свѣденія, изъ коихъ многія неизвѣстны намъ изъ другихъ иноземныхъ писателей! Неизвѣстно, откуда именно Несторъ взялъ многія изъ этихъ свѣденій, а притомъ иноземцы о многомъ повѣствуютъ иначе! Нѣтъ списка отъ XI или XII вѣка, на которомъ-бы именно выставлено было, что это начало Русской Лѣтописи, повторяющееся въ сотняхъ списковъ, написано *Несторомъ*!—Но вмѣсто того, что-бы заняться еще большимъ объясненіемъ сихъ (уже значительно изъясненныхъ) обстоятельствъ, а въ случаѣ остающихся еще недоразумѣній предоставить ихъ на рѣшеніе будущимъ изслѣдованіямъ,—отрицательная система отвергла самое явленіе: Лѣтописи Нестора она отказала въ древности и подлинности, и назвала ее позднѣйшимъ и недостовѣрнымъ сборникомъ XIV-го, а можетъ-быть и конца XIII вѣка,—будто въ это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новогородскому!—

И на такомъ-то основаніи почти вся Древняя историческая жизнь Руси, съ ея первыми лицами, событіями и большею частію памятниковъ ея Словесности, заподозрѣна въ позднѣйшемъ вымыслѣ и даже умышленномъ подлогѣ, въ переиначенныхъ заимствованіяхъ изъ какихъ-то иноземныхъ писаній (или непоказныхъ, или ничего непоказывающихъ въ пользу системы, напр. Гельмонда, Адама Бременскаго).— Въ слѣдствіе того Рюрикъ съ братьями, Оскольдъ и Диръ, Олегъ (не говоря уже о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, о Го-

стомыслъ и Вадимъ)—признаны за лица баснословныя! Завладѣніе Новогородской земли Варягами, призваніе трехъ братьевъ на княженіе, сказаніе о началѣ Земли Русской, о походахъ Вѣщаго Олега, о покореніи Полоцка Владиміромъ и Его родоначаліи Полоцкихъ Князей—вымыслы! Путешествіе Св. Ольги на Сѣверъ, княженіе Владиміра и Ярослава въ Новѣгородѣ, Русская Правда и самое бытіе Новагорода до конца XI. вѣка—все это должны быть умышленныя и позднѣйшія выдумки хитрой политики Новогородцевъ! *Небывалые*-же и *нестоющіе критики* Договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже объ Церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава)— то-же Новогородскія поддѣлки XII или XIII вѣка, подобно Русской Правдѣ! А Пѣснь Игорю—это поддѣлка еще позднѣйшая, чѣмъ Лѣтопись, приписываемая Нестору: ибо вѣроятно-ли, что бы у насъ она явилась въ то время—,,когда еще въ Европѣ большею частію писали на Латинскомъ языкѣ, когда еще не раздавались народныя пѣснопѣнія, не было еще Дантовой Божественной Комедіи и Петрарковыхъ канцоновъ?"...—

Сколько знанія, соображенія, искусства и труда надо предположить въ XIII или XIV вѣкѣ на Руси, допуская вымыслъ Исторіи, какую только вѣковая жизнь народа сильнаго создавать можетъ! предполагая возможность поддѣлки памятниковъ столь похожихъ на истинные и подлинные, столь согласныхъ съ неоспоримыми останками нашей Древности и сообразныхъ съ событіями того времени у прикосновенныхъ къ намъ народовъ и ихъ писаніями!!—И изъ какихъ-бы это видовъ? Изъ корыстной-ли, общественной выгоды хотѣли дѣйствовать на современниковъ? или-же изъ самоотверженія и любви къ своему прошедшему, замышляли о потомствѣ?... И въ [illegible] лось

тогда столько знанія и умѣнья: уже-ли въ промышленникѣ Новогородскомъ? Кто-бы рѣшился на такое недобросовѣстное и непрямое употребленіе своего дарованія: уже-ли набожный инокъ Суздальскій?... Слишкомъ высокое въ первомъ отношеніи, погрѣшительное во второмъ, и несправедливое во всякомъ случаѣ понятіе о Старинѣ Русской XIII и XIV вѣка!

Средство *всеобщаго* подлога *литературнаго* для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всѣхъ отношеніяхъ,—и цѣлая система столь искуснаго вымысла стольких памятниковъ, въ XIII или XIV вѣкѣ, была-бы явленіемъ гораздо болѣе неизъяснимымъ и безпримѣрнымъ, гораздо менѣе вѣроятнымъ и возможнымъ, чѣмъ дѣйствительное явленіе оныхъ въ свое подлинное, древнее время, до нашествія Татарскаго!—

Были и у насъ въ среднія времена свои вымышленныя сказанія о Руси и не Руси, впрочемъ изъ замышленій менѣе обширныхъ и болѣе простодушныхъ; но они у насъ не признаются за вымыслы и отличаются отъ дѣйствительности, какъ отъ подлинной Татарской монеты отличается поддѣлка Болгарская. Если-же настоящія письмена на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина уже критики.

Въ позднѣйшее время являлись и у насъ литературные подлоги: но кто-же вѣритъ, на-примѣръ, въ подлинность Іоакимовой Лѣтописи, Гимновъ Бояновыхъ, писанныхъ рунами Словенскими?...

Что касается до недостатковъ, погрѣшностей и заблужденій, то они были и есть у насъ, какъ и вездѣ и всегда: „errare humanum est" говорили Латины; но по Русской пословицѣ „ошибка въ фальшь не ставится".—И если Древняя Русь въ XI и началѣ XII вѣка не была дикою

степью и пустынею, какъ земля Половецкая или Скандинавія,—если она съ принятіемъ Православія скорѣе другихъ просіяла-было и кой-въ чемъ упредила современный ей Западъ: то я не вижу еще основанія и причины почему-бы намъ отрекаться отъ того и наводить сомнѣніе на Древнюю жизнь Руси. Созданія думы и слова ея сохранили ее для памяти потомства; и никакая критика, самая мнительная и недовѣрчивая, со всею силою своей возможности и вѣроятія, не въ-силахъ поколебать ея Исторіи, опровергнуть памятниковъ ея Словесности. Вѣрно *могли* ихъ написать когда *написали*!.. Сомнѣваться-же можно во всемъ, не вѣрить можно ни чему, и всякое вѣрованіе можно называть слѣпою вѣрою, суевѣріемъ, старовѣрствомъ и предразсудкомъ. Исторія философскихъ системъ представляетъ разительные тому примѣры; но система логически-вѣрная, не есть еще истинная и естественная!.. И если несомнѣнна „польза изученія Русской Исторій въ связи со Всеобщею", то это изученіе должно-бы привести не къ отрицанію нашей Древней Исторіи, а къ открытію 1) того общаго *соотвѣтствія и подобія* историческихъ явленій, съ какими человѣческая жизнь раскрывалась на нашемъ Востокѣ и Европейскомъ Западѣ, 2) тѣхъ *особенностей*, съ какими —въ тѣхъ-же соотвѣтственныхъ и однозначительныхъ явленіяхъ своихъ —человѣческая жизнь *здѣсь* и *тамъ* выражалась своимъ собственнымъ, отличнымъ образомъ.—

(15.) По Ипатьевскому списку.-Шлецеръ справедливо, мнѣ кажется, замѣтилъ, что подъ словомъ *вся*, *веси*, такъ часто встрѣчающимся въ Лѣтописи при Кривичахъ, надо разумѣть Чудской народъ *Весь*.

(16.) При моемъ понятіи о томъ, кто были *Варяги-Руссы* и *Рюрикъ,* я почитаю достойнымъ еще новаго и подробнѣйшаго раскрытія тѣхъ *отношеній,* въ которыхъ, не-задолго до призванія на княженіе и пришествія Рюрика, находились и онъ и Ружане (съ ближайшими къ нимъ Заодерскими Словенами)—какъ между собою, такъ и къ Лотарю.

Тогда можетъ-быть объяснилось-бы виднѣе, почему Варяги-Руссы покидали край свой и почему они соединились именно съ Рюрикомъ; тогда и самое призваніе Рюрика и его пришествіе, столь кратко изложенныя у Нестора, можетъ-быть сдѣлались-бы понятнѣе и опредѣленнѣе. Ибо теперь все еще есть мѣсто тѣмъ мыслямъ, что Рюрикъ былъ не столько призваннымъ защитникомъ, сколько насильственнымъ завладѣтелемъ Новгородской земли (по Миллеру, Шлецеру, Крузе)—предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что и первое (859 г.) нападеніе Варяговъ изъ за-моря предполагается учиненнымъ дружиною Рёрика съ береговъ Шведскихъ (изъ Бирки).—Впрочемъ еслибы и оправдалось вполнѣ такое мнѣніе относительно Рюрика; все-же посольство къ Варяго-Руссамъ и призывъ на княженіе могли быть своимъ чередомъ, независимо отъ пришествія или нашествія Рюрикова, и должны быть принимаемы какъ *событіе историческое.*

(17.) Выраженіе весьма употребительное у Пѣвца Игоря, когда онъ изображаетъ любимѣйшія свои лица—Бояна, Всеслава, Игоря. „Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше . . . . великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше.“ Къ Рёрику я примѣнилъ его и потому, что Норманові называли *варграми* (Wargr) т. е. *волками,*— откуда всего вѣроятнѣе, кажется, можно произво-

дить (Прим. 33) слово *Варягъ* однозначительное съ *Норманомъ* (стр. 40). Въ таковомъ-же смыслѣ вѣроятно и Заодерскіе Лутичи (т. е. лютые) названы *Вильками* т. е. волками, и этимъ именемъ (*Вильци* или *Вильки*) величали ихъ—по Гельмольду—„ a fortitudine“. По такому (Татищевскому) объясненію этихъ словъ выходитъ, что имена *Вагровъ* и *Вильковъ* (принадлежащихъ къ *Варягамъ*-Словенамъ) однозначительны, только у первыхъ отъ Нѣмецкаго, у вторыхъ отъ Словенскаго слова.

(18.) Въ этомъ убѣждаюсь я статьею Крузе о *происхожденіи Рюрика*, помѣщенною въ Ж. М. Нар. Пр. 1836 N 1.—Тожество Рюрика съ Рёрикомъ Крузе изъясняетъ всѣхъ удачнѣе; онъ показываетъ, что въ тѣ самые годы, когда Рюрика невидно въ Россіи, Рёрикъ является завоевателемъ въ Германіи,—когда Несторъ говоритъ объ немъ, тогда молчатъ Франкскія Лѣтописи;— слѣдъ его исчезаетъ въ Германіи, когда Несторъ повѣствуетъ о его смерти въ Россіи.

Изъ сего открывается, что небогатое событіями и прерывистое сказаніе Нестора о Рюрикѣ было не безъ основанія и не заслуживаетъ за то укоризны: именно эта недостаточность его и показываетъ, что оно ограничено только *домашними* и *положительными* извѣстіями, чуждо вымысловъ и заимствованій изъ Западныхъ источниковъ и даже своенародныхъ преданій, по коимъ Несторъ могъ-бы распространить свою Повѣсть о древнемъ Князѣ,—какъ сдѣлалъ составитель такъ-называемой Іоакимовой Лѣтописи въ сказаніи о первыхъ лицахъ земли Новогородской.—

(19.) Варяги-Руссы вообще и собственно Ругіяны или Ружаны называются у и

писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Rujani, Rojani, Rani, Rimi, Runi, Rutheni, Rudeni; а островъ Ругенъ— Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видѣть какъ разнообразится одно и то-же имя у разныхъ лицъ; но еще любопытнѣе разнообразіе понятій у разныхъ лицъ объ томъ-же предметѣ.—

Татищевъ (Т. II. стр. 404, но слич. Т. I. стр. 266) едва-ли не справедливѣе всѣхъ полагалъ, что въ назначеніи Оттономъ 1-мъ Адальберта къ *Руссамъ*, надо разумѣть *Ругіянъ*.—Карамзинъ находилъ вѣроятнымъ мнѣніе *ученаго Ассемани*, что въ словахъ Регинова продолжателя „Helenae Reginae Rugorum,“ должно читать Russorum; а въ назначеніи Адальберта—вмѣсто Russorum-надо разумѣть (вопреки Шлецеру) Rugorum, - и предполагалъ, что Ламбертъ, Дитмаръ или писецъ его разумѣли Rugia, а написали Russia! (Т. I. Пр. 395).—Напротивъ Шлецеръ, доказывая, что не только Елена Царица Ругійская была наша Княгиня Ольга, но и Адальбертъ былъ первымъ у насъ Епископомъ, говоритъ такъ: „что Rugi значатъ *Руссы*-это вѣрно; ибо глупость писателей временниковъ среднихъ вѣковъ извѣстна.... Ассеманіевы бредни, который подъ Ругіянами считалъ жителей Ругена, не стоютъ опроверженія.“ (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращеніе словъ Rugi и Rugia въ слова Russi и Russia кажется „вольностью тогдашнихъ грамотѣевъ“; а *Руссія, сопредѣльная Помераніи* (по жизнеописателю Еп. Оттона, 1124) „представляется или въ искаженномъ видѣ, или словомъ схваченнымъ съ воздуха“ (въ которомъ оно часто раздавалось!)— Такова сила предубѣжденія, съ которымъ оспаривали имя *Руси* у того края, изъ коего оно къ намъ перешло и гдѣ долго еще оставалось. Представляются очевидныя свидѣтельства (Дитм., Ламб. и многіе др.): но— „хоть знаю, да не вѣрю!“ . . .

Здѣсь можно вспомнить и то, какъ розно писали имя нашего Отечества: Ruzia, Ruzzia, Rutia, Ruthenia, Reussen... Подобно сему и Пруссію называли Pruzia, Pruzzia, Prussia, Borussia, Prucia, Pruthenia, Preussen. Шлецеръ не безъ основанія очень сѣтовалъ на таковыя варіяціи.—

Что касается до Ружанъ, то Пресвитеръ *Гельмольдъ* (1170 года), въ своей *Хроникѣ Словенъ* (Кн. I.), описываетъ ихъ довольно подробно; такъ на-примѣръ:

„*Раны* или *Ругіяны*, народъ сильнѣйшій изъ Словенъ; одинъ только имѣетъ у себя Царя; противъ ихъ мнѣнія ничего не совершается въ дѣлахъ общественныхъ; столь страшны они, по близости съ ними боговъ или лучше демоновъ, коимъ служатъ они съ большимъ противъ другихъ почитаніемъ.“ (Гл. 1.)

„Ругіяны народъ жестокій, живущій въ сердцѣ моря, чрезмѣрно преданный идолопоклонству, первенствующій у всѣхъ Словенскихъ народовъ, имѣющій у себя Царя и знаменитѣйшее капище. Увлеченные жаждою обладанія, они пришли (на корабляхъ) къ Любеку, стремясь завладѣть всею областію Вагировъ и Нордальбинговъ ....“ (Гл. 37).—

(Сличи слова Фотія о Черноморскихъ Руссахъ 866 года, въ Примѣч. 9.).

(20.) Въ *Примѣчаній о происхожденіи Руссовъ* къ изданному имъ сего 1836 года переводу *Рейцова* сочиненія *Опытъ Исторіи Россійскихъ Законовъ*. Обращаю вниманіе Читателей моихъ на Примѣчанія Морошкина относительно *Руссовъ* и *Варяговъ*, гдѣ найдутъ они многое, въ подтвержденіе раскрываемаго нами Ломоносовскаго мнѣнія о тѣхъ и другихъ, къ которому онъ сдѣлалъ прямой переходъ, устремясь по слѣдамъ Каченов-

скаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Прибалтійскаго Словенизма въ Западныхъ источникахъ.— Тамъ-же читатели найдутъ Примѣчаніе и о *Русской Правдѣ,* о которой Морошкинъ представилъ нѣсколько новыхъ и основательныхъ соображеній, какъ въ утвержденіе ея древности и Словено-Русскаго происхожденія, такъ и въ подтвержденіе того, что Ярославъ 1 былъ Законодателемъ Суда Церковнаго. Но изслѣдуя сей предметъ, Морошкинъ ничего не говоритъ о Владимірѣ, который былъ еще прежде у насъ Законодателемъ *Церковнаго Суда.* При разсмотрѣніи вопроса: когда Русская Правда сдѣлалась *письменнымъ памятникомъ* нашего Законодательста,—мнѣ представляется поводъ думать, что она таковою составилась въ Кіевѣ еще *до Ярослава,*-вѣроятно при Владимірѣ: ибо—отъ него у насъ было уже *письменное* Законодательство *Церковнаго Суда и Завѣта о десятинахъ;* „Бѣ-бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмь, и о ратехъ, и *уставѣ земленѣмь.*“ (*Лавр. Сп.*)

(21.) Изъ Ипатьевскаго и Кенигсбергскаго списковъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ—объ Рюриковомъ мѣстопребываніи, а равно и о построеніи Ладоги—пропускъ.

(22.) Ошибка произошла и отъ того, что между словами „Руская земля, Новугородьци“ не было поставлено *запятой.* Я принялъ текстъ съ тѣмъ раздѣленіемъ словъ, какъ онъ изданъ Тимковскимъ, почитая оное правильнымъ.

(23.) *Родъ* значитъ не только родню, родичей въ ближайшемъ смыслѣ, но и въ смыслѣ одинородцевъ, земляковъ—съ той же родины, и даже

въ значеніи *народа*, на-примѣръ: „Роди, нарицаеміи Руси...“ Слѣдующія за сими (въ Никоновской Лѣтописи и Степенной Книгѣ) слова—„...иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ“—послужили основаніемъ *для третьей* изъ новыхъ историческихъ школъ (какъ сказалъ я въ Примѣчаніи 26).—Но эти слова, безъ сомнѣнія, взяты изъ какого нибудь Византійца, какъ видно уже по именамъ *Ексинопонтъ* и *Кумани*,—и можно думать, что они принадлежатъ писателю того времени, когда у Византійцевъ сдѣлались извѣстны *Куманы*, которыми онъ—разсказывая о нападеніи прежнихъ Руссовъ въ 866 году на Царьгородъ, мирномъ договорѣ съ ними Василія Македонянина и ихъ преложеніи на Христіанство—поясняетъ Черноморское пребываніе и варварство этихъ *Дромитовъ*—обладателей *Ахиллесова бѣга*, а по Льву Діакону—*одноземцевъ Ахиллесовыхъ*, такихъ-же голубоокихъ, красноволосыхъ и быстроногихъ. Впрочемъ весьма можетъ быть и то, что этотъ Грекъ считалъ Руссовъ и одноплеменниками *Кумановъ*—съ тою-же вѣрностью и точностью, какъ другіе Византійцы называли сихъ-же (Оскольдовыхъ) и Святославовыхъ Руссовъ Скиѳами Таврійскими, а иные Франками,—и съ довольною близостью къ Шлецерову мнѣнію о Руссахъ 866 года.— Но Шлецеровъ выводъ изъ этого одного мѣста Степенной Книги и Никоновской Лѣтописи, будто и сами Рускіе въ XV вѣкѣ считали прежнихъ Руссовъ *Куманами* или *Половцами* столь-же основателенъ, какъ и его заключеніе—изъ приводимыхъ Шведскими Историками словъ Новогородскаго Архимандрита Кипріана—будто и сами Рускіе въ началѣ XVII вѣка считали Руссовъ *Шведами* (см. Прим. 53). И Шлецеръ, опровергая (будто древне-Русское) мнѣніе, что Руссы были Куманы, сражался съ собственною мечтою!

Эти-же четыре дѣйствительно неважныя слова признаны за важное извѣстіе и системою отрицательною, для ея подкрѣпленія въ томъ, что Русь есть Азіатское племя. Но она не должна-бы по силѣ произвола основываться на этомъ извѣстіи, которое по ея-же правиламъ должно быть для нея *недостовѣрно и вообще*—какъ Лѣтопись Русская, *недостовѣрно и въ особенности*—какъ извѣстіе исполненное баснословія и вымысловъ: ибо въ томъ-же мѣстѣ *Князьями сихъ Руссовъ* называются именно Оскольдъ и Диръ—лица баснословныя и вымышленныя Новогородцами, по утвержденію сей системы! Какъ-же ей полагаться на такое мѣсто?.... Но—стало и по системѣ отрицательной можно черпать изъ источниковъ вдвойнѣ недостовѣрныхъ, особливо для оправданія своего мнѣнія,—можно и среди баснословія отыскивать истину, или то, чему надо быть истиною для своей системы!.... А между тѣмъ Южная Русь, особливо въ Козачествѣ, дѣйствительно представляетъ въ стихіяхъ жизни своей много *Азіатскаго*, *наѣздническаго*, *Черкесскаго* ([а]). Да и въ Древней Кіевской Руси Азіатская стихія жизни начинаетъ являться еще при Воинственникѣ Святославѣ, который „за Порогами Днѣпровскими сложилъ буйную голову свою—сей *первообразъ* головъ Козацкихъ“ ([б]).—Но уже-ли присутствія Азіатски-наѣзднической стихіи—въ жизни этихъ Черноморскихъ или Южныхъ Руссовъ - Словенъ—нельзя изъяснить безъ *предположенія* о ихъ племенномъ однородствѣ съ Печенѣгами, Половцами, Берендѣями, Торками и Черкесами Кавказскими?... И здѣсь также могу сказать: предположеніе лишнее и для изъясненія явленій, кромѣ того, что несправедливо само по себѣ! Безъ него можно обойтись, какъ и безъ мнѣнія Герберштейна, который не только имя Варяга ограничивалъ одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорскихъ Чер-

кесовъ (=Косоги) причислялъ къ народамъ племени Словенскаго.—

(а) Объ этомъ я своимъ мнѣніемъ еще за 10 лѣтъ сошелся съ историческимъ мнѣніемъ Каченовскаго, при первомъ изданіи *Малороссійскихъ пѣсенъ* (въ 1827 году). Предисловіе къ нимъ было сперва напечатано въ Вѣстникѣ Европы (1827. № 15), гдѣ мысли мои о присутствіи Азіатской или Кавказской стихіи въ бытѣ и составѣ Украинцевъ Издатель почтилъ своимъ подтвердительнымъ Примѣчаніемъ, ссылаясь и на мнѣніе Карамзина о Козакахъ и Черкесахъ (Т. V. стр. 393 и слѣд.). Личное посѣщеніе Кавказа въ 1832 году еще болѣе меня увѣрило въ прежнихъ моихъ мысляхъ.

(б) Повторяю сказанное мною во второмъ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсенъ*, 1834 года,—на стран. 67.

(24.) Умноженіе Руссовъ въ Кіевской Землѣ весьма могло произойти отъ новаго переселенія Руссовъ съ Поморія Балтійскаго прямо въ Кіевъ (какъ предполагаетъ Морошкинъ),—и можетъ быть верховья р. *Роси* у Днѣпра (примѣч. 27) были поселеніемъ сихъ выходцевъ.—Съ предположеніемъ сего *очень вѣроятнаго* переселенія Руссовъ на Днѣпръ, становится еще понятнѣе и умноженіе ихъ у Чернаго моря и въ службѣ Царьгородской (700 Руссовъ въ 902 г., еще до *Игоря*!)

(25.) Предполагаемая мною немирная уступка Кіева Руссамъ отъ Казаръ, кажется, дѣло весьма естественное и возможное,—хотя о томъ молчатъ Русскія Лѣтописи, кромѣ одной, на которую однако-же, какъ давно отреченную Миллеромъ, Шлецеромъ и Карамзинымъ, уже положено не ссылаться. Я разумѣю такъ-называемую Іоакимову Лѣтопись, не могущую быть авторитетомъ и по странному ея появленію въ свѣтъ—въ Исторіи Татищева, и по многимъ вымысламъ, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всемъ томъ не вся она чужда истины въ своей основѣ, и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія, кои могутъ послужить, если не основнымъ, то хоть дополнительнымъ или вспомогательнымъ запасомъ историческимъ и быть приняты въ со-

ображеніе. Таково между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Осколдъ-же шедъ облада Кіевомъ, и со„бравъ вои, *повоева первѣе Козаръ,* потомъ иде въ „ладіяхъ ко Царюграду, но буря разби на морѣ „корабли его" (Тат. I. стр. 35). Пусть это даже вымыслъ, составленный по соображенію сочинителемъ Лѣтописи: только онъ очень правдоподобенъ. Впрочемъ и съ моей стороны это только предположеніе. Между тѣмъ, не въ оправданіе себя, скажу и здѣсь, что великій *произволъ* критики Шлецеровской палъ на всѣ дѣянія Оскольда, даже во всемъ сказаніи самаго Нестора. Къ сказанному о семъ въ Примѣчаніи 8-мъ, прибавлю слѣдующія замѣчанія.

1.) Только въ Архангелогородскомъ Лѣтописцѣ сказано, что Оскольду и Диру Рюрикъ „не далъ ни града ни села": Шлецеръ слова сіи включилъ даже въ самый текстъ Несторовъ. А почему? Шлецеръ „очень радъ, что Архангелогородскій Лѣтописецъ его (прежнее) подозрѣніе обращаетъ въ достовѣрность"! Здѣсь Критикъ подумать не захотѣлъ, чтобы это могло быть собственною догадкою Лѣтописца, которая могла у него родиться, когда дѣло шло о раздачѣ Рюрикомъ городовъ мужамъ своимъ.

2.) Въ Никоновской Лѣтописи есть дополнительное извѣстіе къ походу Оскольда и Дира на Царьгородъ 866 года. „Въ лѣто 867 возвратишася Оскольдъ и Диръ отъ Царяграда вмале дружине, и бысть въ Кіевѣ плачъ велій." Это извѣстіе, здѣсь опредѣленнѣе чѣмъ гдѣ-либо сказанное, Шлецеръ почитаетъ уже собственнымъ изобрѣтеніемъ Лѣтописца, которое онъ легко могъ предположить и исчислить изъ предыдущаго, даже въ назначеніи 867 года! А почему? Шлецеръ отвергаетъ весь походъ Оскольда и Руссовъ изъ Кіева на Царьгородъ!

3.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи, и только въ ней одной, сохранились извѣстія: подъ 864 г. о убіеніи Болгарами Оскольдова сына,— подъ 867 г. о побіеніи Печенѣговъ Оскольдомъ и Диромъ. — За эти событія (равно и за войну съ Полочанами 865 г., по мнѣнію Карамзина), какъ нигдѣ болѣе неупоминаемыя, виновата, Никоновская Лѣтопись: ибо первое событіе для Шлецера „непонятно и невѣроятно"; а второе показалось ему „страшною ошибкою въ лѣтосчисленіи"— потому будто, что въ спискахъ Несторовой Лѣтописи (за исключеніемъ двухъ древнѣйшихъ т. е. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, въ которыхъ объ этомъ совсѣмъ пропущено) сказано: Печенѣги *прійдоша первое на Русь* при Игорѣ 915 года;—между тѣмъ какъ въ Никоновской Лѣтописи говорится не объ нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Оскольдовомъ ихъ побіеніи, которое могло быть и наступательное, и *не близь Кіева;* притомъ о появленіи, кажется, ихъ на Руси (хотя мимоходомъ)—Несторъ упоминаетъ прежде, послѣ Обровъ: „По сихъ же паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ; послѣ же при Ользѣ."

Я не ручаюсь за истину сихъ показаній; но не вижу причины признавать ихъ и недостовѣрными,—не могу не указать того, что *отрицаніе* ихъ основано болѣе на *произволѣ* критики, который тамъ-же является и въ обратномъ видѣ, *въ утвержденіи*—а именно:

4.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи подъ тѣми-же годами сохранились извѣстія: подъ 864 г. о возмущеніи Новогородцевъ противъ Рюрика и убіеніи Рюрикомъ храбраго Вадима и его совѣтниковъ, (о чемъ говорится еще въ Степенной Книгѣ тѣми-же словами); а подъ 867 г. о побѣгѣ отъ Рюрика въ Кіевъ многихъ Новогородскихъ мужей.—Эти три извѣстія Никоновской Лѣтописи Шлецеръ принимаетъ уже, какъ „от-

мѣнно важныя" и, подобно Миллеру, выводитъ изъ нихъ соображеніе и заключеніе о насиліи Рюрика, неудовольствіи Новогородцевъ и проч. Всѣ эти три извѣстія также пропущены въ другихъ Лѣтописяхъ нашихъ: но здѣсь, по суду Шлецерову, виноваты уже *трусливые переписчики,* которые (всѣ!) *съ умысломъ* это выпустили и скрыли!!—(Нест. Ч. 1. 358).

(26) Странная участь этихъ *Черноморскихъ Руссовъ*-Азіатцевъ въ нашихъ историческихъ системахъ. Они какъ *мечта* являются съ Юга для тѣхъ, кои ведутъ къ намъ съ Сѣвера Русь Скандинавскую, и какъ дѣйствительная *существенность* принимаются первыми отрицателями пришествія Руси съ Сѣвера. Такъ еще первоначальникъ ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси Байеръ принялъ-было *Руссовъ* или *Россовъ* 866 года за Арабовъ и разбойниковъ изъ города *Роса*, что въ Киликіи; но потомъ самъ-же отмѣнилъ это мнѣніе и увѣрился, что то были наши Кіевскіе Руссы, по общему о томъ мнѣнію. Но въ Московскомъ Университетѣ явилась новая система, по которой древніе Руссы приняты положительно за *особый Черноморскій Таврическій* народъ, принадлежавшій къ *особому Кавказскому* или Горскому племени— древнихъ Лазовъ. Система сія, мною полагаемая въ основаніе третьей новой исторической школы, была преподаваема въ 80-тыхъ годахъ ученымъ, первымъ въ Россіи Заслуженнымъ Профессоромъ *Чеботаревымъ* ([a]), который былъ основателемъ и предсѣдателемъ *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* при Московскомъ Университетѣ,— котораго Шлецеръ называлъ „своимъ руководителемъ въ Русской Исторіи".— Но Шлецеръ былъ жарчайшій поборникъ Скандинавской Руси: потому хотя и принялъ Черноморскихъ Руссовъ сво-

его руководителя, но только какъ громовой отводъ для своей Шведской Руси,— и до того лишилъ ихъ всякой определенности, что последователь Скандинавскаго-же ученія Крузе—Шлецерово мнѣніе о Черноморскихъ Россахъ назвалъ „*мечтою*, незаслуживающею даже опроверженія" (Ж. М. Н. Пр. N 6.). И въ самомъ дѣлѣ—*Черноморскіе Руссы*, по представленію ихъ Шлецерову, неболѣе какъ призракъ или мечта, отъ которой самъ онъ зачуралъ Русскую Исторію! Ибо хотя онъ и представляетъ ихъ какъ народъ „сильный, великій, завоевательный, давно уже извѣстный и приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря,"—хотя рѣшительно отрицаетъ, что они не могли быть ни *Арабами*, ни *Козарами*, ни *Куманами*; однако этотъ *особый народъ* казался ему „неизвѣстною ордою Варваровъ, которая показалась на Западѣ и исчезла;— шла съ Востока, но неизвѣстно *откуда*; названа въ Царьгородѣ Россами, но неизвѣстно *почему*; прогнана въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но *случаемъ* только, и неизвѣстно *куда*— и не появлялась *никогда* послѣ въ Исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ *Россовъ*! (Прим. 24) Самое его различеніе этихъ *Россовъ* отъ нашихъ *Руссовъ*, по буквамъ *о* и *у*, также неболѣе какъ слуховой обманъ: *Куманы* также называются *Команами*; а притомъ пресловутые *Свеоны* Бертинскихъ Лѣтописей называются въ нихъ также *Россами*, и между тѣмъ они составляютъ одно изъ трехъ Шлецеровыхъ доказательствъ мнимаго тожества нашихъ *Руссовъ* со *Шведами*! При всемъ томъ Шлецеръ увѣренъ былъ, что онъ „ясно доказалъ, будто Несторъ ошибся, различа Руссовъ отъ Шведовъ и несправедливо перемѣшавъ Византійскихъ *Россовъ* съ своими *Руссами*".—Онъ говорилъ еще, что „этимъ Черноморскимъ Руссамъ надобно быть или Скиѳами,

или Сарматами, или Словенами"—говорилъ это въ насмѣшку надъ „*любимою мечтою* Русскихъ Историковъ"—сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской Исторіи (до его времени)— „царствуетъ *неученая фантазія.*"—И такъ Шлецеру казалось странною *мечтою* мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ! Но это была мечта Ломоносовская, вѣковымъ повѣрьемъ Руси и другихъ Словенъ освященная, и какъ видно—возникшая изъ существенности: потому и обращается опять въ дѣйствительность. Шлецерово-же мнѣніе хотя было плодомъ и *ученой фантазіи* его; однако теперь называется *мечтою* отъ самыхъ послѣдователей ученія о Скандинавской Руси;—и когда онъ зарекаетъ о Черноморскихъ Россахъ не упоминать въ Русской Исторіи, то мечта его походитъ на темное предчувствіе новой школы, которая его отреченнымъ Южнымъ Руссамъ-Азіатцамъ дастъ силу положительности, а положительное ученіе его о Сѣверныхъ Руссахъ - Скандинавахъ запечатлѣетъ отрицаніемъ и признаетъ мечтою,-которая для системы его будетъ какъ электрическій ударъ, перемѣняющій магнитные полюсы въ концахъ магнитной стрѣлки мореходца.

И въ самомъ дѣлѣ незамедлила собраться *третья* новая школа, противоположная *двумъ* первымъ новымъ школамъ историческимъ (Примѣч. 3), коея общій отличительный признакъ въ томъ, что она, отрицая пришествіе къ намъ *Руси* не только изъ Скандинавіи или Финляндіи, но и вообще съ Сѣвера и отъ Балтійскаго моря,—ведетъ ее къ намъ *прямо съ Юга, съ Черноморія*, черезъ Кіевъ.

Я уже сказалъ, откуда пошла эта школа. Основаніемъ ей послужило одно мѣсто въ Степенной Книгѣ, повторяемое и Никоновскою Лѣтописью (см. Прим. 23), гдѣ говорится, что съ Оскольдомъ и Диромъ, въ ихъ нашествіи 866 года на Царьгородъ, были „Роди нарицаеміи

Руси, иже и *Кумани*, живяху въ Ексинононтѣ" и что Василій Македонянинъ сотворилъ *мирное устроеніе* съ сими Руссами и *преложилъ ихъ на Христіанство*.— Выходя отсюда, Чеботаревъ полагаетъ, что, при походѣ Оскольда съ Кіевскими Словенами и Варягами изъ Кіева, пристали къ нему и *Руссы*, жившіе при Черномъ морѣ въ Крыму, (какъ нѣкогда приставали къ Аттиллѣ, противъ общаго непріятеля),—и послѣ возвращенія *ихъ Князей* (Никон. Лѣтоп.), они присоединились къ Кіевскому Княженію, и Греки стали называть уже цѣлое Государство *Русью*, по имени ближайшей къ нимъ части онаго, а потомъ оно сдѣлалось уже общимъ и между Словенами. Этихъ Руссовъ и Кумановъ онъ признаетъ за народъ особаго племени, къ коему причисляетъ Козаровъ, Болгаровъ древнихъ и Алановъ, посредствомъ коихъ всѣ они приникнуты къ древнимъ Лазамъ или нынѣшнимъ Лезгинамъ. Въ такомъ (едва-ли не лучшемъ) видѣ своемъ явилась съ самаго начала третья школа, которую—въ общей Системѣ ученій о Руси—я поставляю въ особый *Южный разрядъ системъ*, и въ противоположность ему, двѣ первыя новыя школы я означаю именемъ *Сѣвернаго разряда*. Главнымъ провозвѣстникомъ третьей школы и сильнѣйшимъ сопротивникомъ Шлецерова ученія о Руссахъ-Шведахъ былъ Эверсъ, который признавалъ Черноморскихъ Руссовъ за *Козаровъ*,—какъ думалъ еще прежде Лекіенъ, производившій впрочемъ Руссовъ по-старинному отъ Роса и Роксоланъ.— По слѣдамъ Эверса, это ученіе о пришествіи къ намъ Руси прямо съ Черноморія поддержалъ Нейманъ, который отвергалъ Скандинавское происхожденіе Руси на *основаніи Нестора* (также какъ и Эверсъ), но принималъ Руссовъ за *давній Черноморскій* народъ—только не Азіатскаго племени, какъ думали Чеботаревъ,

Шлецеръ и Эверсъ; но однородный съ древними Скандинавами,— что близко къ Фатерову производству Руси отъ древнихъ Черноморскихъ Готовъ. Такимъ поворотнымъ предположеніемъ Нейманъ думалъ сойтись съ догматизмомъ Байеровской школы,— какъ нѣкогда обращенный Миллеръ направлялъ къ ней Ломоносовское мнѣніе о Роксоланахъ Прусскихъ, отрицая ихъ отъ *Заодерскихъ* Словенъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ попятный шагъ отъ искомой истины.— Наконецъ Каченовскій далъ этой школѣ новое, сильнѣйшее отчужденіе отъ Скандинавіи и вообще отъ Сѣвернаго происхожденія Руси,— придавъ къ тому еще отчужденіе и отъ Несторова сказанія о Древней Руси вообще и о древности нашего Новогородскаго Сѣвера въ-особенности; Черноморскихъ Руссовъ онъ опять призналъ особымъ народомъ племени Азіатскаго, какъ положено было въ началѣ сей школы *Чеботарево-Эверсовской*. Такимъ образомъ третья новая школа въ системѣ Каченовскаго получила особенный видъ, и кромѣ вышесказаннаго общаго или родоваго признака, отличилась еще особеннымъ признакомъ *отрицанія нашей древности*,—отъ принятія въ себя и чрезмѣрнаго усиленія духа критицизма Шлецеровскаго (о чемъ см. Примѣч. 3 и 14),— который сопутствуетъ ей даже и въ поворотномъ ея направленіи къ искомой истинѣ—въ обращеніи Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Словенизма на Балтійскомъ Поморіи— у Гельмольда и вообще Западныхъ писателей. Система Каченовскаго показалась еще въ Вѣстникѣ Европы (1829 г.); но рѣшительнѣе открывалась по частямъ въ отрывкахъ (о Русской Правдѣ) самаго основателя и въ сообщенныхъ отъ него статьяхъ учениковъ его С. Строева, Ключникова, Перемышлевскаго (Уч. Зап. М. У. 1834-35); относительно-же происхожденія Руси и ея рас-

пространенія изъ Кіева (Прим. 42)—сіе ученіе подробно изложилъ Бодянскій (въ *Сынѣ От.* 1835), который, принимая Черноморскихъ Руссовъ Турецкаго племени, предполагаетъ ихъ неперешедшимъ на Западъ остаткомъ *Роксоланъ*. Такимъ образомъ и положительное ученіе этой системы о Руси приводится къ давнему началу Старой Русской школы, на которое весьма согласенъ былъ и самъ провозвѣстникъ сей третьей новой школы,—къ которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова (Примѣч. 4).

Среди двухъ противоположностей, какія представляютъ собою *двѣ первыя новыя* историческія школы съ *третьею новою*,—представительница Старой Русской школы *Система Ломоносовская* занимаетъ *средину*, которая, предупредивъ собою обѣ стороны, избѣгла заблаговременно тѣхъ крайностей, въ какія потомъ вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *Балтійскаго* происхожденія Руси, ведетъ къ намъ ее *съ Сѣверо-Запада чрезъ Новгородъ*; но начало ея полагаетъ *на нашемъ Юго-Востокѣ*: мысль, до которой достигла уже школа Финляндской Руси,—мысль, отъ коей не могла отстраниться вполнѣ школа Скандинавской Руси, которая господствуетъ въ школѣ Черноморской Руси, и въ особенной системѣ *исконнаго* пребыванія Руси въ нашемъ Отечествѣ, развиваемой Венелинымъ. Эта система современна (1829 г.) системѣ Каченовскаго и можетъ быть отнесена къ тому-же Южному разряду системъ историческихъ: ибо и по системѣ Венелина также отрицается Скандинавское происхожденіе и Руси и Варяговъ вообще, признаваемыхъ также исключительно за Словенъ Прибалтійскихъ(54), и Русь представляется такъ-сказать въ Азіатскомъ свѣтѣ отъ Козаръ, Гунновъ, Аваровъ или Обровъ, принимаемыхъ систематикомъ за-одно съ *Болгарами*, кои у

него причисляются къ Руссамъ (Сарматамъ), также какъ и *Роксоланы*. Однако весь этотъ разноименный народъ (причисляемый новыми писателями то къ Турецкому, то къ Монгольскому племени) Венелинъ, подъ общимъ именемъ Руссовъ, причисляетъ къ народамъ племени *Славянскаго*; и такимъ образомъ его система представляетъ переходъ къ Старой Русской школѣ изъ Южнаго разряда новыхъ системъ, который она примыкаетъ собою къ Старой Русской школѣ съ *Юго-восточной* ея стороны. Но въ самомъ разрядѣ семъ она составляетъ собою особый отдѣлъ противоположный отрицательной системѣ Каченовскаго: ибо сія послѣдняя дѣйствуетъ отрицательно и сократительно на древнее бытіе Руси и особенно Новагорода, умаляя до возможной степени предѣлы онаго извѣстные исторически; напротивъ система Венелина стремится расширить древнее бытіе Руси за исторически-обмѣренные предѣлы онаго и во времени, и въ пространствѣ.

Что касается до второй изъ новыхъ школъ, т. е. Байеро-Шлецеровской: то внаденіе въ крайнюю односторонность ея положительнаго ученія, мы признали уже въ системѣ Сенковскаго, которая за то (съ другой, критической стороны своего состава) означилась возвращеніемъ къ давнему, теплому вѣрованію *общественнаго человѣка* въ живыя историческія преданія, въ народныя пѣснопѣнія и особенно повѣсти или сказанія (Саги), до *похоронъ* Исторіи подъ письменнымъ Лѣтописаньемъ! Но поворотъ положительнаго ученія сей школы къ Ломоносовской (съ ея *Сѣверозападной* стороны) сдѣланъ еще Карамзинымъ (стр. 12). Незабвенный Историкъ нашъ хотя и принималъ Скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ, однако чувствовалъ *Словенизмъ* ихъ, созерцая безъ систематическаго предубѣжденія древнія событія Руси. Потому хотя онъ уступилъ Систематику-Шлеце-

ру и признаѣъ основательнымъ то мнѣніе, что Варяги-Русь были родомъ изъ Шведскаго Рослагена; однако не отвергъ и пребыванія ихъ на Сѣверо-Западѣ, почиталъ вѣроятнымъ переселеніе ихъ изъ-за моря сначала въ Пруссію, гдѣ, обитавъ долго между Латышами, они могли уразумѣть языкъ Словенскій еще до пришествія къ Словенамъ Новогородскимъ и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ ихъ обычаямъ (Т. I. стр. 50).—

Таковымъ представляется мнѣ значеніе новыхъ и новѣйшихъ системъ взятыхъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимной систематической связи и историческомъ послѣдованіи.

(a) Ученый Чеботаревъ, какъ извѣстно, по повелѣнію Екатерины Великой—составлялъ *Выписки* изъ всѣхъ древнихъ Русскихъ Лѣтописей, послужившія основаніемъ для Ея *Записокъ касательно Россійской Исторіи* (изд. въ 6 ч. 1793—801 г.). Симъ дѣломъ онъ занимался вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ *Барсовымъ* ученикомъ и *наслѣдникомъ занятій и славы Ломоносова*, по выраженію незабвеннаго Муравьева.—Въ жизнеописаніи Чеботарева (см. изданныя Моск. Общ. Любит. Росс. Словесн. *Рѣчи, произнесенныя въ Торж. Собр. ИМП. М. У. Рускими Профессорами онаго*, Ч. I. 1819) говорится объ ненапечатанной *Русской Исторіи*, составленной Чеботаревымъ для слушателей его; объ ней упоминаетъ и Гречь (въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Литературы* 1822 г.). Я видѣлъ отрывокъ изъ нея у одного изъ бывшихъ въ 1785 году его слушателей—М. В. Могилянскаго,—откуда и узналъ предложенное здѣсь мнѣніе Чеботарева о Руси, кажется ему первому и принадлежащее, но доселѣ еще ему неусвоенное.—

(27.) Рѣка *Рось*, названная *Русью* въ Софійскомъ Времянникѣ и въ одной изъ Украинскихъ пѣсень, протекаетъ въ Кіевской Губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ, противъ села Прохоровки, верстахъ въ 6 ниже Канева и въ верстѣ ниже Днѣпровскаго острова Коверджина; рѣчка *Росава* впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны при селѣ Гамарнѣ.—Историческія, привольныя мѣста сіи назывались *Порусьемъ* или *Поросьемъ* (подобно Посулью, Посемью, Поволожью); а жители оныхъ мѣстъ—*Поросянами* или

Порсянами. Поросье служило вообще мѣстомъ поселенія или слободъ для разныхъ народовъ. Такъ въ 1031 году „Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхи и заяста грады Червенскіе опять, и повоеваста Ляцкую землю, и многи Ляхи приведоста и раздѣливше я, Ярославъ посади я по Рси, идѣ-же суть и до сего дне.“ Въ Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендѣи и Торки, жившіе и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Переяславской области („Торки Переяславстіи“). И въ среднемъ періодѣ на этомъ Поднѣпровьи поселялись Запорожскіе Козаки.—(О мѣстныхъ названіяхъ Торковъ и прочихъ, равно Козаръ, Печенѣговъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ).—

Кромѣ Роси, въ Днѣпръ втекаетъ еще (въ Екатеринославскихъ степяхъ) рѣчка *Русинова Балка*. На Боплановомъ чертежѣ Украины показана другая *Росава*, небольшая рѣчка, впадающая съ лѣвой стороны въ Днѣстръ при г. Ямполѣ.— Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается еще рѣчка *Руса*, по Путивльской дорогѣ, впадающая въ р. Семь съ правой стороны, верстахъ въ 25 ниже г. Рыльска (Курской губерніи).—

Можно-бы привести еще и другія мѣстности сего имени въ Россіи; но по неизвѣстности о времени и поводѣ ихъ названія (и по неприведенію еще въ извѣстность всѣхъ *мѣстныхъ* именъ рѣкъ, урочищъ—въ наименованіи коихъ Ходаковскій замѣчалъ особую систему),— онѣ не могутъ еще привести къ прямымъ заключеніямъ.

Здѣсь еще припомнимъ только, что правый рукавъ Немена издревле называется *Русомъ* или *Русою*, безъ-сомнѣнія отъ Руссовъ: но когда онъ получилъ это имя, а окрестности его названы *Порусьемъ*?

(28.) Шлецеръ говорилъ, что въ этихъ дѣлахъ Игоря кое-что прибавлено Несторомъ *изъ патріо-*

тизма; но Арабскіе писатели прибавляютъ къ побѣдамъ Руссовъ и еще кое-что (неизвѣстное нашему Лѣтописателю)—кажется не изъ патріотизма!.

(29.) Не знаю, назывались-ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунаѣ; но во время Святослава тамъ очень могло простереться имя Руси на Болгаръ..

(30.) „Се-бо токмо Словѣнескъ языкъ въ *Руси:* Поляне, Деревляне, Новогородьци"... *(Лавр. Сп.)*

(31.) Собирательное имя народа—*Русь,* какъ *Чудь, Серебь;* а единичное—*Русинъ,* какъ *Чудинъ, Болгаринъ, Сербинъ* или *Серблянинъ;* но во множественномъ не *Русины,* а *Руссы* (Кіев. Лѣт.) и *Русичи* (Пѣснь Игорю), какъ Чуди, Сербы, Болгары. Такъ говорится *Татаринъ, Татары;* а въ собирательномъ смыслѣ по-Украински говорится *Татарва..*

(32.) Такими-же корыстниками и головорѣзами представляются Варяги Норвежскіе, съ Конунгомъ своимъ Эймундомъ, и въ собственныхъ сказаніяхъ о службѣ своей на Руси у В. К. Ярослава. Эти сказанія составляютъ извѣстную *Сагу Эймундову,* дѣйствительно важную для нашей Исторіи временъ Ярослава (вопреки Шлецеру!).

(33.) Было-ли племеннымъ имя *Варяга?* не отъ Птоломеевыхъ-ли еще *Варгіоновъ* (близъ Рейна) оно распространилось?—это не рѣшено еще; а между тѣмъ уже много значеній надавали сему слову.— Древнѣйшее производство Варяговъ есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры:* такъ думали еще Стрыйковскій, Герберштейнъ и другіе иностранные Ученые, какъ и у насъ въ прошломъ

вѣкѣ (Прим. 54); а нынѣ такъ думаетъ Каченовскій съ своими послѣдователями. Вельтманъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1834 N 12) ведетъ Варяговъ отъ *Ферейнговъ*—Кельтическаго сброда на островахъ Фэрскихъ (между Шотландіей и Исландіей).

Однако-же большая часть Ученыхъ имя Варяга производятъ отъ качества или званія. Одни производятъ отъ *Vargus*—изгнанникъ, бродникъ; другіе отъ *Wargr*—волкъ (Прим. 17); иные отъ Готскихъ *федератовъ*-союзниковъ, и *ферингаровъ*-защитниковъ, стражей;—отъ *варгангъ*—чужеземецъ;—отъ *Varech*—и потому разумѣютъ моряковъ;—отъ Нѣмецкаго слова *War*—война; либо отъ Финскаго слова *варъ*—по-Русски *воръ* и разбойникъ: такъ и дѣйствительно у насъ изъясняли (см. стр. 44) имя Варяга—*ворягою*. Тредьяковскій производилъ отъ Словенскаго слова *варяю* и принималъ Варяга въ смыслѣ обывателя, старожила, „предтечи" Европейскаго; другіе производили еще отъ Лопарскаго слова *варьіотъ*—вооруженный; Бутковъ производитъ отъ Поморско-Словенскаго слова *варянгъ*—мечь, по которому Варягъ значитъ *меченосецъ*, какими и были Варяги у насъ, *Варанги* у Греческихъ Императоровъ. Есть производства Варяговъ еще въ другія званія; но довольно и этихъ, для показанія, что всѣ они хотя ни сколько не сходны между собою, но удивительно какъ идутъ къ Варягамъ.—Откуда-бы ни взялось имя Варяговъ, но ихъ первое появленіе къ нашимъ Сѣвернымъ старожиламъ, ихъ первое значеніе въ нашей Исторіи было *вражеское*; потому—исключительно для любителей словопроизводства—прибавляю новую догадку: не значитъ-ли слово *Варягъ* просто *врагъ, ворогъ*, а по Сѣверному произношенію *ворагъ*? (Такъ слово *храбрый*, на-пр. въ Пѣсни Игорю и Украинскихъ пѣсняхъ, было—*хоробрый*, а въ Великорускихъ пѣсняхъ, собранныхъ Киршею—*хораб-*

рый).—Если-бы и въ самомъ дѣлѣ явились впервые къ намъ Варяги, подъ какимъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ именъ, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значеніе *ворога* или *врага*, въ какомъ отношеніи сперва и были къ нимъ Варяги,— они могли такъ-сказать перевести на свой языкъ и *Ферeинга* и *Варгра* и *Варанга*,— какъ Неметовъ Словены перевели *Нѣмцами*, съ придачею смысла нѣмоты; (какъ и теперь наши простолюдины переводятъ экзекутора—*сѣкуторомъ*, дилижансъ-*нележанцемъ*; какъ Латинскую *жизненную воду*, Aqua vitae, Украинцы передѣлали въ *оковитую*!). Прозваніе Нормановъ *ворогами* могло обратиться въ народное названіе *Варягами*, подобно тому, какъ Куманы (отъ р. Кумы?) почему-то у насъ названы *половцами* т: е: ловцами или охотниками, а потомъ это прозваніе обратилось въ народное имя *Половчинъ, Половцы̀* (а не По̀ловцы или Поло̀вцы).—

(34.) Извѣстны сношенія Изяслава съ Папою Григоріемъ VII, по̀ смерти Θеодосія въ 1074 г. и письмо Папы къ Князю въ 1075 г. Видно, что Изяславъ обращался къ Θеодосію съ вопросомъ о *Варяжской вѣрѣ*, замысливъ уже о сихъ сношеніяхъ; потому отвѣтъ исполненъ сильныхъ и рѣзкихъ изображеній, для отвращенія Князя отъ его намѣреній и утвержденія въ Православіи, въ насажденіи коего величайшимъ у насъ вертоградаремъ былъ Преподобный Θеодосій, смѣло и сильно ревновавшій и къ укрощенію уже возникавшихъ *усобицъ* Княжескихъ.

(35.) Здѣсь въ Улановъ обращены *Аланы*, коихъ остатки понынѣ есть между Горцами Кавказскими.

Къ числу немногихъ будто - *анахронизмовъ* Несторовой Лѣтописи, коими доказыва-

ютъ, будто она не могла быть писана въ XI вѣкѣ,—принадлежитъ даже слово *Нѣмецъ*, которое признаютъ зашедшимъ къ намъ отъ Балтійскихъ Словенъ, а ихъ переселеніе въ Новгородъ предполагаютъ въ XII вѣкѣ (Прим. 14).— Но развѣ слово это могло быть узнано въ Кіевѣ не иначе, какъ только съ переселеніемъ въ Новгородъ самихъ Балтійскихъ Словенъ, и именно Вагровъ? Когда-бы ни переселились Вагры или Варги на Волховъ (хотя-бы и въ XVI в., съ Герберштейномъ), но въ исходѣ XI вѣка весьма могли знать о *Нѣмцахъ* Кіевляне и отъ другихъ Словенъ Сѣверозападныхъ, на-примѣръ отъ Поляковъ, коихъ пребываніе въ Кіевѣ до Нестора свидѣтельствуется и Западными того времени писателями, если уже не вѣрить своимъ. Притомъ, для узнанія Кіевлянами Словенскаго имени Германцевъ, достаточно было въ Кіевѣ и одного выходца изъ Поморцевъ Балтійскихъ, одного Кіевлянина, ходившаго къ Словенамъ Балтійскимъ! Но съ возобновленіемъ Несторо-Ломоносовскаго или стариннаго Русскаго мнѣнія о *Словенизмѣ Варяго-Руссовъ* IX вѣка, съ коими одинъ *родъ Русскій* составляли и *Вагры* (Голштинцы) и *Вильки* (Мекленбургцы),— подобныя возраженія возникать не могутъ, и тѣ сходства, какія есть у насъ съ Словенами Прибалтійскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этихъ сходствъ открывается просто!

(36.) *Восточнымъ Царемъ* называли на Украинѣ (въ пѣсняхъ, актахъ) Царя Московскаго; въ Великоруссіи-же Русскій Царь величается *Бѣлымъ Царемъ* (какъ и на Востокѣ) и *Православнымъ*.

(37.) Сказанное здѣсь о значеніи словъ *козакъ* и *гайдамакъ* подробнѣе изложено у меня въ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсенъ* (Ч. I. 1834 на стран. 66-70, 80 и другихъ). Приведен-

ные въ переводѣ стихи о козацкомъ [illegible] составляютъ конецъ прекрасной Украинской Думы (въ изданіи IX-й) *объ Иванѣ Коновченкѣ*, относящейся къ 1684 г. Въ одной изъ войсковыхъ козацкихъ пѣсень (N 14, на стр. 149) встрѣчается выраженіе: *конь лыцарскій.*—Принятіе и распространеніе имени *Козака* на Украинѣ въ XVI вѣкѣ поясняетъ, какимъ образомъ имя *Русина* тамъ распространялось и утвердилось въ IX вѣкѣ.—

(38.) Сей Переясловъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется обыкновенно *Русскимъ*, въ отличіе отъ Переяславля-Залѣскаго.

(39.) „Молитвы оглашеныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещенія 40-дній поста, и съ церкви исходити отъ оглашеныхъ; Словѣнину за 8 дній.“ (*Памятн. Росс. Слов.* XII в. 1821).

(40.) Названіе Сѣверныхъ обитателей нашего Отечества Руссами, отъ Иностранныхъ писателей, сколько извѣстно, начинается въ исходѣ XII вѣка. Такъ Гельмольдъ повѣствуетъ, что Южные берега Балтійскаго моря населены Словенскими народами, изъ коихъ отъ Востока первые *Руссы* (Ruzi), потомъ *Поляки*, у коихъ на Сѣверѣ Пруссы.—Такъ въ Привилегіи Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенахъ*, подъ коими Историки Ганзы и Каченовскій разумѣютъ Новогородцевъ, хотя это названіе могло быть болѣе географическое, чѣмъ племенное.

(41.) Новогородскимъ Лѣтописцемъ во второй половинѣ XII вѣка былъ *попъ*, *поставленный Нифонтомъ*. Сей Священникъ былъ Іоаннъ, онъ-же и Архіепископъ Илія—по предположенію Митрополита Евгенія (см. *Ист. Слов. Дух. Пис.* Ч. I.).

(42.) Еще Карамзинъ замѣтилъ по нашимъ Лѣтописямъ, что Русью или *Русскою Землею* въ древности у насъ называлась преимущественно Кіевская или Южная Русь. Мнѣніе о переходѣ и распространеніи на Сѣверныя области Русскаго имени съ нашего Кіевскаго Юга, положено еще Чеботаревымъ (Пр. 26); но систематически оное развилъ въ своей школѣ Каченовскій, что и составляетъ свѣтлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнѣнія, не опровергаетъ свидѣтельства и Русскихъ Лѣтописей, основывается на нихъ безъ систематическаго предубѣжденія и не подозрѣваетъ ихъ на сей разъ ни въ вымыслѣ, ни въ умыслѣ.

(43.) Взятіе Царьгорода Западными Крестоносцами и разореніе Кіева совершились въ одномъ, 1204-мъ году.

(44.) Слова сіи взяты изъ Пѣсни о полку Игоревѣ.— Изъ нея также я заимствовалъ и слѣдующія за тѣмъ (какъ мнѣ кажется Бояновы) выраженія о Всеславѣ, Полочанахъ и Немени: „Немизѣ кровавѣ брезѣ... посѣяны костьми *Рускихъ сыновъ.*“—Послѣднее выраженіе встрѣчается и у Нестора: „Сію бо (Ольгу) хвалять *Рустіе сынове* яко начальницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь.“— Такимъ образомъ *родинное* чувство у насъ выражалось понятіемъ *сыновства,* по которому Пѣвецъ Игоря и Русина называется *Русичемъ*, и Днѣпръ величаетъ *Словутичемъ* (т. е. Славичемъ, сыномъ Славы)... Изъ его-же Пѣсни я заимствовалъ также слова: *доски безъ князя* (т. е. безъ главной связи на кровлѣ). „Уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златоверсѣмъ.“ По древнему Русскому повѣрью, по-нынѣ ведущемуся, это *примѣта дурная.*

(45.) Такимъ образомъ и въ Договорѣ 1228 г. Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ— *Русскою Землею* называются волости Князей Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго; а именемъ *Русина* и *Руси* ея жители.

(46.—Къ выраженіямъ, кои на 54 стр. отмѣчены числами 52 и 53.) „Любящу *Рускій бой*"—выраженіе, находящееся въ Кіевской Лѣтописи подъ 1229 годомъ.

„Душа на Великой, а сердце на Волховѣ"— старинная Новогородская пословица, которую— равно какъ и нѣкоторыя другія народныя выраженія—я заимствовалъ изъ сочиненія Снегирева *Рускіе въ своихъ пословицахъ,* 1831-1834. Авторъ приступилъ уже къ изданію и другаго плода трудовъ своихъ надъ предметами стародавней народности нашей—изслѣдованія простонародныхъ Русскихъ праздниковъ.

Что не одинъ Новгородъ называемъ былъ *Господиномъ,* но и Псковичи этимъ именемъ величали свой городъ, о томъ см. *Ист. Кн. Пск.* Ч. I.

(47.) О Неменѣ, какъ границѣ между Россіей и Пруссіей, говоритъ Петръ Дуисбургскій (1326 г.). *Въ Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ,* написанной 1440 г. Монахомъ Симеономъ (который былъ съ Митрополитомъ Исидоромъ въ Италіи), находится слѣдующее мѣсто: „а кони Митрополичьи гнали берегомъ отъ Риги къ Любку на *Руску Землю,* и оттолѣ на *Прусскую* землю, и оттолѣ на *Поморскую* землю, и оттолѣ на Жунскую землю, и оттолѣ на Свицкую, и оттолѣ къ Любку." (см. *Др. Рус. Вивл.*)

(48.) Въ Волынской Лѣтописи, подъ 1204 г., Романъ названъ *Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси.*— Въ Червоной Руси или Галиціи

донынѣ удержалось имя *Русина* для народа, языкъ называется *Русскимъ*, и буквы для печати употребляются Словенскія.

(49.) *Украиною* Кіевская Область называется въ Кіев. Лѣт. подъ 1187 г. „О немъ-же (Владимірѣ Глѣбовичѣ) Украина много постона."

(50.) Имя *малой Руси* упоминается въ первый разъ 1335 г., въ Грамотѣ Георгія Князя Владиміра-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (*Ист. Мал. Рос.* Бантыша-Каменскаго, 1830. Ч. I.).—Къ сему-же вѣку принадлежитъ и наименованіе *Великою Русью* Сѣверной Россіи, которая *Русью* называется 1340 г., въ Грамотѣ Симеона Гордаго; Іоаннъ-же Васильевичь Грозный титуловался уже *Царемъ и Самодержцемъ всея Руси.*—Вѣроятно къ XIV в. относится и прозваніе *Бѣлой Руси* этимъ именемъ.

(51.) Раскрытіе сего *Русскаго духа* изъ Пѣсни Игорю, представлено во второй статьѣ моей объ этой Пѣсни *относительно ея духа.*

(52. Къ стр. 59.) Такъ Прокопій изъяснялъ названіе и Словенъ *Спорами* (отъ разсѣянія), которое по Шафарику есть измѣненное имя *Сорбовъ* или *Сербовъ.*—Другія подобныя сему словопроизводства Русскаго имени отъ Греческихъ, Еврейскихъ словъ, приводитъ Герберштейнъ въ началѣ своего сочиненія (Rerum Moscovit.).— Названіе Руссовъ производили также отъ *русаго* цвѣта волосъ, каковое объясненіе дѣлали и Византійцы, называвшіе Руссовъ одноземцами Ахиллеса.

(52 и 53, къ стр. 54, см. Прим. 46.)

(53. Къ стр. 61.) О Пруссѣ, какъ братѣ Кесаря Августа и родоначальникѣ Рюрика, давшемъ свое

имя Пруссіи — говорится въ *Степенной Книгѣ*, по мысли и наставленію Митрополита Макарія составленной, и въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи (Архангелогородскомъ, Алатырскомъ).—Это мнѣніе, принесенное къ намъ еще Глинскимъ (по Татищеву), у насъ сильно распространилось въ половинѣ XVI вѣка; на этомъ, какъ историческомъ тогда мнѣніи, самъ Грозный Царь утверждалъ свои исторически-справедливыя требованія въ письмѣ къ Баторію. Въ прошломъ вѣкѣ почти никто уже изъ нашихъ Писателей, кромѣ Князя Хилкова, не признавалъ этой Прусско-Литовской родословной. Ломоносовъ упоминаетъ объ ней, но не принимаетъ,—и его не поняли ни Миллеръ, ни Шлецеръ; а вслѣдъ за ними — и Погодинъ повторилъ (въ Разсужденіи о *происхожденіи Руси*, 1825 г.), будто Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи „положась на свидѣтельство Степенной Книги о Пруссѣ.“ Но Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая Словенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ Западѣ, по указаніямъ Гельмольда и другихъ Западныхъ писателей; но онъ дополнилъ это мнѣніе древне-Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тожествѣ Руси съ Роксоланами, и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII и четыредесятилѣтіе XVIII вѣка) потѣшалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сею системою прекращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ жи-

жи-

выхъ, своенародныхъ стихій историческихъ, и вкоренилась еще на исходѣ XI вѣка, въ Кіевѣ, *Повѣстію Несторовою,* при вліяніи стихіи Византійской; потомъ—въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ Византійскаго свѣта и вѣяніи Западномъ—выросла она въ родословное систематическое древо *Степенной Книги*, покрывшееся широколиственною сѣнью *Никоновской Лѣтописи*; во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась она *Хроникою* Софоновича (1672 г.) и умножилась Латино-Польскими прививками *Гизелева Синопсиса* (1674 г.), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскихъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ—съ одной стороны начался *Ядромъ Россійской Россіи*, (въ Шведскомъ заточеніи Князя Хилкова, въ Вестеросѣ, 1715 г.); съ другой, въ Александро-Невской Семинаріи, изобразился сотнями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ *Зерцалѣ Историческомъ*, 1748 г. (см. Прим. 54). Наконецъ Русская школа завершилась (1754 г.) плодомъ ученыхъ занятій Исторіей *Ломоносова* (а), его *историческою системою*,—и ею обновленная и возрожденная явилась въ свѣтъ въ началѣ историческаго вѣка Великой Екатерины, въ 1766 году, уже по смерти Ломоносова (1765 г.). Потому систему его я называю *ученою представительницею Старой Русской школы*, среди новыхъ школъ историческихъ, между которыми она—и какъ новая система, XVIII вѣка—есть *старшая Русская* школа историческая.—

Представляя по-возможности полное исчисленіе *мнѣній о Руси* нашихъ писателей, особенно старинныхъ,—и утверждая, что на Руси въ прежніе вѣка не считали Руссовъ ни Скандинавами вообще, ни Шведами въ-частности, я небезполезнымъ считаю сдѣлать здѣсь еще два слѣдующія замѣчанія противъ Шлецера.

1.) Несторъ выводитъ Варяго-Руссовъ *не изъ Скандинавіи* (какъ утверждалъ Шлецеръ вслѣдъ за Тунманомъ), но съ Поморія Балтійскаго (какъ показано въ § 5 сего изслѣдованія): этимъ разрушается *первое* изъ доказательствъ тожества Руси съ Шведами; а вмѣстѣ и важный авторитетъ, на коемъ утверждаются двѣ первыя новыя школы, отъ коего давно уже отложилась третья новая школа. 2) Доказывая тожество Руси съ Шведами, Шлецеръ говоритъ, будто и въ XVII в. *сами Руские считали рѣшеннымъ дѣломъ*, что Варяги (т. е. Руссы) *были Шведы*. Въ доказательство такого неправильнаго понятія, онъ приводитъ изъ *Скарина* извѣстіе (на которое ссылались и другіе), что во время Лжедимитріевъ, отряженный Новгородцами Архимандритъ *Кипріанъ* сильно настаивалъ, что-бы Шведскаго Королевича Карла избрать въ Князья Московскіе и употребилъ такія выраженія: „какъ примѣромъ Древности и Исторіею можно доказать, что за нѣсколько сотъ лѣтъ до покоренія Новагорода подъ власть Московскую, былъ Князь изъ Шведовъ Рюрикъ...“—Но изъ сего извѣстія о Кипріановыхъ словахъ совсѣмъ не слѣдуетъ Шлецеровскаго заключенія о мнѣніи *Рускихъ* въ XVII в. относительно Руси. Слова Кипріана относятся не къ *Руси*, а единственно къ лицу *Рюрика*, котораго и Лѣтописцы наши въ среднія времена называли только общѣе—*Княземъ Нѣмецкимъ* (см. § 4), подъ какимъ названіемъ могъ быть и Шведскій, и Датскій, и Прусскій и Норвежскій. Но въ самомъ-ли дѣлѣ они почитали его Шведомъ, или-же такая опредѣленность произошла только на сей случай—отъ Новгородцевъ и Шведовъ, рѣшеніе того не относится къ вопросу о племени Руссовъ. Въ Синопсисѣ и Зерцалѣ Историческомъ Рюрикъ также называется *Нѣмецкимъ* Княземъ; но въ Зерцалѣ онъ называется пришельцемъ изъ *Вагри*

(Прим. 54), а Руссы въ обоихъ принимаются за *Словенскій* народъ.

Вмѣсто сего указанія на слова Кипріана о Рюрикѣ, я приведу еще одно изъ мнѣній Русскихъ, принадлежащее къ первой половинѣ XVI вѣка, а именно—мнѣніе *Герасимова*. Историкъ *Павелъ Іовій*, Епископъ Новокомскій (XVI вѣка), въ Книгѣ *о посольствѣ Великаго Князя Василія Іоанновича къ Папѣ Клименту VII*, пишетъ, что нашему ученому Гонцу *Димитрію Герасимову* предлагалъ онъ вопросъ: не осталось-ли у Москвитянъ—или въ преданіяхъ отъ предковъ или въ свидѣтельствахъ письменныхъ—памяти о Готахъ, которые за 1000 лѣтъ разрушали и опустошали Имперію Цесаря и городъ Римъ?—На это Герасимовъ отвѣчалъ такъ: „и Готскаго народа и Тотилы Царя имена весьма извѣстны и знамениты; въ ополченіи томъ воевали многіе народы, а больше всѣхъ Москвитяны; войска весьма еще умножились толпами Ливонцевъ и Волжскихъ Татаръ; но всѣ они названы были Готами потому, что Готы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію, были зачинщиками того ополченія."—Откуда-бы ни взялъ Герасимовъ это свѣденіе, но изъ словъ его—о столь сильномъ участіи нашихъ предковъ въ Вендо-Готскихъ ополченіяхъ на Римъ, въ половинѣ VI-го вѣка—видно, что онъ, зная довольно о древнихъ Скандинавахъ или Готахъ, не считалъ ихъ своими предками!—

Здѣсь можемъ вспомнить вообще о сильныхъ нападеніяхъ, какія въ числѣ Вендскихъ народовъ дѣлали на Римскую Имперію *Ругіяны*, и о тѣхъ связяхъ въ какихъ издревле были *Ружаны* съ Готами Скандинавскими. Правда, что *древнихъ Ругіянъ* многіе почитали народомъ Германскаго племени (подобно Тациту, который впрочемъ къ Германцамъ относилъ и Венедовъ); однако были и такіе, которые древнихъ Ругіянъ относили къ

Словенскому (Вендскому) племени, какъ и позднѣйшихъ Варяго-Руссовъ. Кто правъ—это еще *вопросъ*, который можетъ-быть рѣшится и въ пользу втораго мнѣнія!

(а.) Въ *Моск. Телегр.* 1827, Ч. XVIII,—помѣщенъ, подъ именемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ, гдѣ означилъ онъ, что „по своей Профессіи и въ другихъ наукахъ учинилъ погодно" (въ Химіи, въ Физикѣ, въ Исторіи, въ Словесныхъ наукахъ). Такъ на пр. въ 1751 г. „онъ читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Присланли, большой Лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда, и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя ексценты или выписки и примѣчанія, числомъ 653 статьи." Въ 1752 г. „Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи, читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Ѳеофана Исповѣдника, Леона Грамматика"... Въ 1753 г. „1.) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2.) Читалъ Россійскіе Академическіе Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобъ общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ." Въ 1754 г. „Сочиненъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рурика"... и т. д.

Вотъ доказательство учености Ломоносова,—не выставленной имъ на-показъ, какъ *товаръ-лицемъ*,—вопреки Шлецеру, который, въ пылу своего неудовольствія за непризнаніе Байеровской системы, отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ Историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ *патріотизма*! (прим. 28.).— Если Ломоносовъ и не нагромадилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлецеръ подъ Сводомъ Нестора,—то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе* и не *Сводъ Лѣтописей*, но основанную на нихъ *Исторію Русскую*; притомъ-же онъ писалъ за полвѣка до Шлецерова Свода Нестора, когда не было еще для Русской Исторіи вѣка Екатерины Великой. Говорятъ, критика работаетъ для Историка: но много-ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые Критики—Татищевъ, Байеръ и Миллеръ?... И для учености бываетъ разный талантъ: для иной—*свѣтлый лучь мысли* изъ тмы свѣденій, хотя-бы онъ казался и *фантастическимъ*, какъ Сѣверное Сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой—*громада свѣденій*, подъ которою *умъ заходитъ за разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли!—

(54.) Выше упомянуто (Примѣч. 6 и 33), что подъ именемъ Варяговъ еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые Ученые разумѣли Заодерскихъ Словенъ *Вагровъ* или *Вагировъ*.—Это мнѣніе у насъ было въ ходу въ вѣкѣ Елисаветы. Такъ извѣстный со-

трудникъ Байера Александро-Невскій монахъ Никодимъ Селлій (изъ Датскихъ реформатовъ, ум. 1746 г.) написалъ Латинскими стихами *Продромъ*, сохранившійся въ Русскомъ стихотворномъ-же переводѣ, подъ именемъ *Зерцала Историческаго Россійскихъ Государей* (a), который 1748 года сдѣланъ извѣстными въ нашей Исторіи лицами *Амвросіемъ* Зертисъ-Каменскимъ и *Гавріиломъ* Кременецкимъ, и поднесенъ Государынѣ Елисаветѣ отъ имени Александро-Невской Семинаріи. Въ немъ читаете:

„Въ лѣта древношедшіе сыны три Княжіе,
Рюрикъ, Труворъ и Синей, вси братья родные,
Изъ Вагріи въ Русскую вышли Землю званны,
И получили страны жребіемъ метанны.“—

Близкое къ сему мнѣніе (въ *Моск. Наблюдатель* 1836 г.) изъявилъ Венелинъ, въ статьѣ своей, называемой *Скандинавоманія*. Онъ за Варяговъ принимаетъ *Померанцевъ*, полагая, что Несторъ и его современная Русь Варягами называли только Померанскихъ Словенъ.— „Несторъ (по словамъ Венелина) дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на Померанію, говоря: *по тому же морю къ Западу*.“—Но Несторъ говоритъ также: „по сему же морю сѣдятъ Варязи сѣмо ко *Въстоку*.“—О мѣстопребываніи Варяговъ-Руссовъ по Нестору, см. §. 5. моего Изслѣдованія.—

(a.) Къ Зерцалу Историческому (напеч. 1773 г. въ *Древн. Рос. Вивл.* Ч. 1, а во 2 изд. въ Ч. XVI—безъ родословныхъ) Амвросій и Гавріилъ приложили отъ себя *три родословныя табели*, для того, что „Генеалогія по сущей правдѣ есть главнѣйшій фундаментъ Россійской Исторіи.“ Я имѣю (отъ Г. Романовича) старинный списокъ въ листъ сего Зерцала, при коемъ родословныя табели на 43 листахъ представлены съ отличнымъ тщаніемъ, во множествѣ *кружковъ*, гдѣ въ полномъ цвѣту является Кіевскій Синопсисъ. Въ одномъ изъ нихъ славный Ружанинъ *Одонацеръ* (Одоацеръ, Одоакръ), побѣдитель Стараго Рима, величается *Славенорусскимъ Княземъ*, какъ и въ Синопсисѣ, и называется *Одонарецъ*: не есть-ли это настоящее имя сего Витязя, которое измѣнили перестановкою буквъ (какъ у Арабовъ Александръ измѣнился въ Эскандеръ), и не было-ли оно сначала *Оттонарецъ*?... Такъ въ именахъ Борисеенъ Моровей, Клодовей, Боцарисъ—узнаны Словенскія имена: *Берестинъ*—Шафарикомъ, *Мировой, Кладивой, Бочарь*—Венелинымъ; такъ въ имени Болгарскаго Царя,

Арабами называемомъ Блатаваръ или Влатавацъ, узнано Словенское слово *Владавецъ*; такъ Плиніево имя Сѣвернаго океана Mari Maruza видимо—говорятъ—есть *Море Мороза*. Вспомнимъ, что и по новой Латыни Декартъ называется *Картезіусомъ*!—Къ моей догадкѣ (въ Опытѣ Гипотезы), что *Нарецъ*, *Нарцы* значатъ нарицателей или именователей (отъ слова—*реку*: *нарцы*—назови, *рци*—словно) и обличаютъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ человѣка, какъ и въ именахъ *Словенинъ*, *Словенецъ*, *Словакъ*,—прибавлю здѣсь, что оно измѣнилось потомъ въ *Норецъ*, *Норикъ*, и даже въ *Нарочникъ* или *Наручникъ*, т. е. Наречникъ, Нареченикъ—каковымъ именемъ назывались нѣкоторые Заодерскіе Руссы или *Рудены* (по Силезскимъ Грамотамъ XIII вѣка): здѣсь буква *е* перешла въ *о* и *у*, какъ и въ словѣ *рокъ* (выговариваемомъ въ разныхъ мѣстахъ *рикъ*, *рукъ*,—происшедшемъ отъ *реку*, рекъ,—какъ и Латинское fatum отъ fari).

(55.) *Огнищанъ*, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ, многіе почитаютъ за одно съ первостатейными Гражданами, или вообще за обывателей, хозяевъ дома съ *огнищемъ*, focus.—Но Митрополитъ Евгеній даетъ болѣе прямое указаніе на значеніе сего слова: „*Огнищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангельской и Вятской Губерніямъ называется лѣсъ, выжженный для посѣва хлѣба или льна; а земледѣльцы такимъ образомъ засѣвающіе, прозываются *огнищанами*.“—(см. *Ист. Княж. Псков.* 1831 Ч. I. стр. 42).

(56.) Родоначальника Руссовъ Миркондъ называетъ Іафетовымъ сыномъ *Руссомъ*. Племя Руси могло назваться такъ и по имени *Русса* (какъ-бы онъ ни приходился Іафету), подобно тому какъ племя *Евера* назвалось *Евреями*; но еще вѣроятнѣе, что племенное имя Руссовъ обращено на Востокѣ въ личное имя Русса,—какъ дѣлали то и послѣ Сѣверные Словены, олицетворяя народы подъ именемъ *Русса*, *Славена*, *Вандала*; какъ Черкесы и Азіатцы другихъ племенъ создаютъ себѣ праотцевъ-героевъ, величая ихъ своимъ племеннымъ именемъ, и по значенію его придавая имъ различныя дѣянія. Это общенародное дѣло человѣческой юности; и встарину часто такимъ

образомъ имена лицъ распространяли на народъ, а имена народныя сокращали въ личныя. И это имѣетъ свой *смыслъ*,—который прежде являлся въ простыхъ наименованіяхъ, въ баснословныхъ выраженіяхъ народовъ лицами; а потомъ послужилъ источникомъ философско-историческихъ системъ, глубокихъ и высокихъ взглядовъ на личность и возрасты народовъ, на идею цѣлаго человѣчества, какъ *величайшаго человѣка*, на его возрасты, и т. п.

(57.) Двѣ первыя тетради Шафарикова сочиненія уже вышли въ свѣтъ, и переводъ оныхъ, дѣлаемый Бодянскимъ на Русскій языкъ съ Чешскаго, издается въ Москвѣ Погодинымъ.

(58.) Въ моемъ систематическомъ очеркѣ человѣческаго рода (1831 г.) Финны отнесены къ колѣну *Іафетскому* или Кавказо-Европейскому, также какъ и Руссы, и Словены, и Нѣмцы.

Такъ называемый *Гиперборейскій* или *Сѣверный* видъ, не есть особый, коренной и самообразный видъ (species). Это, такъ сказать, оконечныя на Сѣверѣ вѣтви *Кавказскаго* (бѣлаго), *Монгольскаго* (желтаго) и *Американскаго* (краснаго) *видовъ* человѣческаго рода.—Такимъ-же образомъ и *Океанцы* не суть особый *видъ*, но только смѣшеніе на Югѣ оконечностей *Кавказскаго, Монгольскаго, Негрскаго* и даже *Американскаго* видовъ, которые въ Океаніи пріобрѣтаютъ общее подобіе.—Такъ Малайцы полуострова Гангскаго и островов Архипелага Индійскаго составляютъ оконечное племя Кавказскаго вида, которымъ сей видъ сливается съ прочими видами на Югѣ. Такъ и Турецкое племя принадлежитъ не къ Монгольскому, а составляетъ только переходъ къ нему отъ Кавказскаго вида и оканчивается на Сѣверѣ Якутами,—какъ Тунгузское племя отъ Монгольскаго вида переходитъ Бурятами. Въ Гиперборейцовъ и Океанцевъ соединены разные народы не по давнему и коренному сродству (affinitas); но только по ихъ подобію (analogia), происшедшему отъ мѣстности, позднѣйшаго смѣшенія и проч.—

(Сіе распредѣленіе мое вкратцѣ помѣщено въ Телескопѣ 1831 года; но подробно изложено было въ сочиненіи моемъ *Сокращенная Система Животнаго Царства*, 1831. Ловецкій, во 2-мъ изданіи своей Зоологіи (приводя мою Систему животныхъ) упоминаетъ объ этомъ сочиненіи, котораго дѣйствительно было въ печати уже 124 страницы; но я не выдалъ его въ свѣтъ, а теперь и совсѣмъ его нѣтъ на свѣтѣ.)

(59.) *Полониными горами*, въ Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ, названы Тирольскія Альпы; вообще-же *Полонинами* у Руссовъ Карпатскихъ называются снѣжныя горы.

(60.) Тацитовъ „*Nemus castum* in insula Oceani" многіе полагаютъ на островѣ Ругенѣ. Я перевожу его стариннымъ Русскимъ выраженіемъ *заповѣдный лугъ;* ибо у Южныхъ Словенъ лугъ значитъ тоже что у Латинъ *lucus, nemus*. Такъ и теперь по-Украински *лугомъ* называется собственно побережный лугъ, заросшій лѣсомъ или дубровою; а поемный или заливной лугъ называется болоньемъ и лукòю.—Потому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, на-примѣръ: „Ой не шуми луже, дубровою дуже!" или „Ой не шуми луже, ты зеленый гаю!" слышите—*луговый гомонъ* (шумъ, гамъ;). Потому въ нихъ для *луга* постоянный эпитетъ—*темный,* усвояемый часто и *лѣсу;* между тѣмъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ *луга* называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми,* ибо Великороссіяне подъ лугомъ разумѣютъ собственно безлѣсный лугъ.—

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Большую часть Примѣчаній я предложилъ какъ дополненіе и поясненіе моего *Изслѣдованія* о Руссахъ и Варягахъ; но въ иныхъ я представилъ дополненіе къ *Послѣсловію* объ ученыхъ мнѣніяхъ, состоявшихся на сей предметъ со времени исторической критики онаго. Эти мнѣнія приняты въ разсмотрѣніе двояко: и какъ *особый* предметъ Исторической Науки, и какъ об-

щій историческій вспомогательный запасъ для открытія *искомой истины*—происхожденія Руси. Въ обоихъ случаяхъ надо было все многоразличіе ученыхъ мнѣній, гипотезъ и системъ разсмотрѣть и сравнить совмѣстно, и привести ихъ въ общее единство, въ одну *систему системъ историческихъ*, — какъ поступаетъ на-примѣръ съ философскими и другими системами ихъ *Исторія*, какъ съ Царствами Природы поступаетъ Систематика Исторіи Естественной.

Въ Послѣсловіи я представилъ общее теоретическое сравненіе сихъ мнѣній, относительно ихъ главнаго начала и существеннаго направленія: при всемъ настоящемъ ихъ разногласіи, я попытался найти въ ихъ многообразіи одну, для нихъ самихъ незамѣтную *общую мысль*, посредствомъ которой они, вращаясь нынѣ около той-же искомой истины, могли-бы войти въ одинъ правильный кругъ ея, принять новое, постоянное и дружное теченіе, къ просвѣтлѣнію и себя, и общей имъ искомой истины. Эту *связь* ихъ, по внутреннему *единству* общей мысли, я представилъ въ видѣ *гипотезы гипотезъ*—по свойству самаго предмета; но при этомъ я обнаружилъ и необходимость *новаго* тѣснѣйшаго соединенія многоразличныхъ частныхъ направленій въ одно направленіе общей *составной силы*, для раскрытія искомой истины,—тѣмъ болѣе, что системы всѣхъ школъ, съ 1829-го по сей годъ, съ возрастающею настоятельностью требовали переизслѣдованія, обновленія нашей Древней Исторіи.

Въ Примѣчаніяхъ я уже въ частности представилъ вкратцѣ *Исторію* сихъ мнѣній и *систематическое* распредѣленіе ихъ въ разряды и школы, съ показаніемъ ихъ признаковъ, по существенному значенію каждаго въ ихъ общей, взаимной связи и особенномъ отличіи. —

Изъ историческаго хода мнѣній и предложеннаго

систематическаго ихъ опредѣленія, видно кажется, что оба *новые* разряда ихъ, уже въ самомъ началѣ своемъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ, были *половинчатые* и *односторонніе*; каждый изъ нихъ, развивая свою особую сторону или свою удѣльную часть искомой истины, являлся разными *гипотезами* и *системами*, которыя потомъ выходили изъ предѣловъ своей удѣльной истины: доходя до крайности и истощая въ ней собственное начало своей школы, онѣ впадали въ направленіе другой,—или-же для своего пополненія обращались опять къ началамъ *Словено-Русской школы* и въ нихъ сводили концы свои, сходились *воедино*. Такимъ образомъ прежнія начала или основанія историческаго догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять удѣломъ искомой истины.

При этомъ открывается и то, что Словено-Русская школа (Прим. 53), обновленная въ *системѣ Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное мѣсто *посреди* новыхъ системъ, и будучи *плодомъ* предшедшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною* и *обостороннею*. Это есть такъ-сказать цѣльный компасъ, съ постояннымъ *наклоненіемъ* Сѣвернаго конца и съ правильно-повременнымъ *склоненіемъ* обоихъ къ Западу и Востоку: Сѣвернаго—отъ Одера къ Ильменю, Южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на Сѣверъ отъ Новагорода, другая совершенно наклонилась на Югъ отъ Кіева.

Потому Ломоносовская система способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, преобразить оныя въ новый видъ, и сама отъ нихъ развиться въ историческую систему—*болѣе другихъ полную и совершенную*; между тѣмъ какъ другія, новыя системы по необходимости должны отрицать от-

крытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ—однѣ при изъясненіи Сѣверныхъ, другія при изъясненіи Южныхъ событій Древней Руси.

Таковой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы Ломоносовское мнѣніе о Древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой *зародышъ*, для развитія коего тогда недоставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ происхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлецера и Эверса. Въ ученомъ мнѣніи Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Словенизмъ Руси, при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ не такъ-бы конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума мы судимъ не по свершенію, и не по своевременнымъ недостаткамъ; но по тому чувству истины, съ какимъ онъ прикасался къ ней, — но по той мысли, съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя-бы принимался за него и между прочимъ. И я несогласенъ съ Историкомъ Русскаго Народа, когда говоритъ онъ, что Исторія не была *удѣломъ* Ломоносова, хвалитъ только его краснорѣчивое Предисловіе объ Исторіи, и напоминаетъ какой-то поговоръ, будто онъ „писалъ по приказанію". — Вслѣдствіе ощутительной потребности тогда въ Россійской Исторіи, незабвенный Шуваловъ Исторію Петра Великаго поручилъ написать славнѣйшему въ то время Европейскому Полигистору Вольтеру; а къ сочиненію Исторіи Россіи — Русскій Меценатъ *ободрялъ* (а) своего Русскаго Академика, своего ближняго сподвижника въ Просвѣщенія Россіи — (какъ въ вѣкъ Александра, новый представитель Словесности на-

(а) См. письмо Ломоносова къ Шувалову, 4 Генваря, 1753.

шей былъ ободряемъ отъ Него въ великомъ подвигѣ сочиненія *Исторіи Россійскаго Государства).*

Профессоръ Химіи на катедрѣ и въ лабораторіи Академической, Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ *Физиковъ* своего вѣка, первымъ *Словесникомъ* въ своемъ Отечествѣ — какъ Пѣснотворецъ и Витія, и какъ законодатель Русскаго слова: и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: ,,на смерть взираю равнодушно; я жалѣю только о томъ что неуспѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы Наукъ и для чести Академіи".

,,Профессоръ Химіи (говоритъ Шлецеръ) сжалился надъ Русской Исторіей и написалъ— довольно сносное Руководство . . . былъ и въ исторіи оракуломъ для своихъ соотечественниковъ." Но и въ нынѣшнее время, вѣщаніе сего Холмогорскаго *оракула* и *учителя* нашего: *о разноплеменности Варяговъ, о Словенизмѣ Варяговъ-Руссовъ, ихъ пришествіи къ намъ съ Балтійскаго моря и древнѣйшемъ туда переходѣ съ нашего Русскаго Юга* — я не усомнился предпочесть другимъ новымъ системамъ,—именно какъ начало и основаніе болѣе другихъ вѣрной и полной *Системы о Древнѣйшей Руси,* способное къ дальнѣйшему усовершенію чрезъ раскрытіе собственныхъ началъ.

Къ этому предпочтенію привело меня *во-первыхъ* — чтеніе Нестора и соображеніе съ нимъ другихъ старинныхъ писаній Русскихъ, на чемъ и основалъ я свое положительное мнѣніе о Руссахъ и Варягахъ прочихъ въ нашемъ Отечествѣ; *во-вторыхъ*—разсмотрѣніе и сличеніе новыхъ системъ и гипотезъ о происхожденіи Руси, въ ихъ постепенномъ ходѣ, взаимной связи и ихъ общемъ отношеніи къ искомой истинѣ. Положи-

тельное мнѣніе мое я надѣюсь съ своей стороны оправдать приложеніями онаго въ изслѣдованіяхъ о Древней Русской Словесности, а въ случаѣ нужды подкрѣпить и дальнѣйшими онаго изъясненіями. Можетъ-быть оно оправдается и со стороны моихъ Читателей сочувствіемъ и согласіемъ хотя нѣкоторыхъ: надежда, свойственная всякому писателю! —Что-же касается до моего *опыта гипотезы*, то это добровольная дань моя новѣйшимъ системамъ — *мира-дѣля* и *общенія-ради*, — и ея дальнѣйшее бытіе зависитъ уже совершенно сколько отъ ихъ собственной судьбы, столько и отъ ихъ произвола. Съ ихъ стороны, надѣюсь, ни одна не обвинитъ меня по крайней мѣрѣ въ невниманіи къ ней; ибо я старался выразумѣть существенное отличіе каждой—чья-бы ни была она, опредѣлить ея отличіе и значеніе въ кругу всѣхъ системъ, и расположить ихъ систематически. Я сказалъ объ нихъ свое — не-знаю, во всемъ-ли справедливое, но всегда настоящее и открытое мнѣніе. Если иныя мнѣнія и пропущены, то это такія, которыхъ еще не успѣлъ я разсмотрѣть, (не получивъ еще очень многихъ книгъ по части Русской Исторіи), или такія, въ которыхъ не замѣтилъ никакой существенной особенности; за то инымъ я возвратилъ право на старшинство и вызвалъ ихъ изъ забвенія. На труды писателей нашихъ я смотрѣлъ здѣсь по ихъ отношенію только къ мнѣнію о происхожденіи Руси, безъ отношенія къ ихъ участію въ успѣхахъ Отечественной Исторіи вообще: ибо эти два отношенія могутъ и не быть вмѣстѣ. Потому-то, на-примѣръ, говоря такъ мало на сей разъ о Карамзинѣ, я всего чаще говорилъ о Шлецерѣ и большею частію вопреки его мнѣнію, отдалъ первенство мнѣнію Ломоносова.

Ломоносовъ, хотя десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій— *Россійскою Исторіей*—

имѣлъ ограниченное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской Исторіи вообще; однако-же она есть первое у насъ явленіе, первое начало Исторіи Русской: это былъ *новый годъ* ея, ровно черезъ 9 вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ *первый Лѣтописецъ* ведетъ начало *Русской Земли*, въ который началась историческая жизнь Руси, блеснула первая заря ея Православія! Однако онъ былъ отличнымъ *Систематикомъ* въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Словенизмъ Руси, онъ—въ лицѣ Миллера, но не изъ частной *личности* къ нему—на 60 лѣтъ разрядилъ у насъ первую тучу Байеровской школы (съ 1749 по 1809), обративъ ее на свое поле Русской Исторіи, которое—съ перворостками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Тредьяковскаго, обращеннаго Миллера, Князя Щербатова—было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено Сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлецеровской.

Но Карамзинъ, посвятившій 23 года и *лучшее время* своей жизни исключительно Русской Исторіи, оказалъ для нея наибольшую услугу своею богатою сокровищницею и славной Русской былины и краснаго слова Русскаго; однако почти мимоходомъ высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, чуждое систематическаго ограниченія и рѣшительности, какъ и все его твореніе (гдѣ Лѣтопись является въ сопровожденіи критики, но безъ систематическаго, насильственнаго направленія къ извѣстной цѣли, по предварительной собственной мысли Писателя). Онъ „искалъ выраженія въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей . . . не боялся съ важностью говорить о томъ, что уважалось нашими предками;

хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ".— Напротивъ Шлецеръ, въ продолженіе 40 лѣтъ непокидавшій Русской Лѣтописи, среди гигантскихъ работъ своего ученаго критицизма,— оказавшій важную услугу первымъ листамъ нашей Лѣтописи, привязавъ къ нимъ Атлантовскую ношу учености,-былъ самый упорный и односторонній Систематикъ своего мнѣнія о Руси. Какъ Критикъ-Систематикъ, Шлецеръ *пронесся морокомъ* въ нашей Исторіи, смутивъ навремя ясность и просторъ ея небосклона, но просушивъ и скрѣпивъ ея землю,—которую Карамзинъ покрылъ *зеленымъ шелковымъ покровомъ* своего творенія—этою свѣтлою, цвѣтущею весною *новаго лѣта* Исторіи Русской! Въ 1816 году, ровно черезъ полвѣка послѣ *новаго года* Русской Исторіи, настала эта весна ея: и Карамзинъ въ своей *Исторіи Россійскаго Государства* былъ вмѣстѣ „первый нашъ Историкъ и послѣдній Лѣтописецъ", по выраженію Пушкина. Съ кончиною Исторіографа (въ 1826 г.) кончилось первое полугодіе новаго лѣта Русской Исторіи; и 1829 годъ былъ уже годомъ ея перехода за черту средолѣтія.

Появленіе 1-го тома *Исторіи Русскаго Народа*—какъ явленіе Фаэтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ— было главнымъ показателемъ поступленія Русской Исторіи въ поворотный кругъ *систематизма,* въ первую — общую или созерцательную степень онаго. Полевой требовалъ „Исторіи, созидаемой Философіей, по общей идеѣ человѣчества,—очищенной отъ всѣхъ частныхъ направленій,—отвлеченной отъ своего вѣка, своего народа, самаго себя". Такое требованіе было довершеніемъ наконецъ и въ Исторіи Русской той *идеальности,* которая первоначально—какъ *Геній чистой Красоты,* съ своей высоты поднебесной—слетѣла къ намъ Поэзіей *Пѣвца во станѣ*

Русскихъ воиновъ, возвѣстилась его *Лирою*, и развиваясь въ 4-мъ отдѣлѣ новаго періода нашей Словесности, подъ конецъ онаго обратилась въ *философское направленіе*. Это направленіе въ Исторіи, въ томъ-же году, явилось и въ другомъ видѣ: *идеальнымъ построеніемъ* Древнѣйшей Русской Исторіи, по законамъ логической возможности—въ системѣ Венелина; а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнительный произволъ критицизма Шлецеровскаго достигъ до *всеобщности* и *скептическаго отрицанія* нашей Древней Исторіи—въ системѣ Каченовскаго, на основаніи той-же логической возможности и вѣроятія,—хотя въ обоихъ случаяхъ съ одною цѣлію: достичь *достовѣрности* и *дѣйствительности исторической*. Два явленія эти произошли въ Южномъ, какъ новѣйшемъ разрядѣ системъ; но мы видѣли, что и другихъ школъ системы, въ продолженіе послѣдняго, *систематическаго* десятилѣтія, возникли съ разновиднымъ устремленіемъ ко *всеобщности* и *всеобъемлемости*, къ *переизслѣдованію* и *пересозданію* исторической дѣйствительности (б).

Но изданный въ 1829-же году XII-й томъ Исторіи Карамзина какъ-бы напомнилъ собою еще прежде назнаменованное ею направленіе для нашей Исторіи. Въ томъ-же году и Поэзія наша—историческою *Поэмою* Пушкина *Полтавою*, и историческимъ *Романомъ* Загоскина—возвѣстила вступленіе Словесности нашей въ новый кругъ *самобытности* и *своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего *вполнѣ-историческаго вѣка*. Вскорѣ за тѣмъ (1830-32) воздвигся *Сводъ Законовъ*, съ погоднымъ

(б.) Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться о томъ, что *довершеніе* предыдущаго періода бываетъ обыкновенно въ то время, когда возникаетъ *начало* послѣдующаго: и такимъ образомъ бываетъ современно нѣсколько направленій, и часто старшенствуетъ еще прежнее направленіе въ періодѣ новонаставшемъ.

Полнымъ Собраніемъ оныхъ, какъ первый историко-систематическій памятникъ нынѣшняго Царствованія, какъ образцовое начало той полной и положительной Системы, которая довлѣетъ нашей Исторіи! (в).—

Строительный систематизмъ Философіи, съ высоты своего теоретическаго умоначертанія, склоняется къ направленію историческому, положительному; а непрестанно усиливающаяся собственно-историческая изыскательность доказываетъ на-дѣлѣ существованіе того направленія, той желанной дѣятельности, о которой замышляютъ системы въ строгихъ своихъ требованіяхъ.— Въ какой мѣрѣ уже сошлись и еще сойдутся эти два направленія: то можно яснѣе видѣть и точнѣе опредѣлить спустя еще одно десятилѣтіе сего втораго полугодія въ *новомъ лѣтѣ* Русской Исторіи. Можемъ сказать только, что необходимо должно быть сліяніе оныхъ въ одно живое и полное *изслѣдованіе* всѣхъ подробностей и частностей нашей прежней жизни, имѣющее въ виду будущее ихъ соединеніе въ одно стройное цѣлое.— Идеальность философскаго созерцанія обратила насъ къ *самопознанію*; а для него и чрезъ него мы обратились къ *своенародности* и *исторической дѣйствительности;* сама Философія стала искать самопознанія въ Исторіи—какъ въ опытѣ Прошедшаго, въ вѣковѣчной памяти Человѣчества,—въ этой „священной книгѣ народовъ,—въ зерцалѣ ихъ бытія и дѣятельности“,— по выраженію Карамзина. И для Исторіи Русской теперь та рабочая, лѣтняя пора, когда *высшая критика* ея— не отвлекаясь отъ всѣхъ частныхъ направленій, не

(в.) Нѣсколько мыслей моихъ о народности и положительности въ Поэзіи нашей высказалъ я въ изданіи *Малоросс. пѣсень*, 1827, и въ изслѣдованіи о *Пѣсни Игорю;* а объ современномъ направленіи къ самобытности и своенародности—въ *Рѣчи о Русскомъ Просвѣщеніи*, говоренной въ Московскомъ Университетѣ, 1832 г.

увлекаясь какъ-нибудь однимъ изъ нихъ— должна собрать ихъ всѣ и обратить въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многосторонних явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ,— для будущей величавой полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *Исторіи Русской*... „Изъ великаго ихъ множества (говоритъ Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во мракѣ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣнясь къ Лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины.“—

Въ заключеніе сего общаго Примѣчанія, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрѣніе мнѣній о Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскомъ языкѣ и распространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

I.—Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляетъ *Старая* или *собственно-Русская, Несторо-Ломоносовская школа*, основавшаяся на преданіяхъ отечественныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.

1.) Отъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый—Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы (Прим. 53), ознаменованный господствомъ простаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понятій. - Въ седми-вѣковомъ развитіи сего періода можно различить слѣдующія степени:

а.) *Лѣтосказательную* или Древне-Русскую—отъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка,—продолжавшуюся около пяти столѣтій.

6.) *Родословную* или Московскую—отъ Макарьевской *Степенной Книги*, съ половины XVI вѣка,—господствовавшую въ Великой Россіи два столѣтія.

в.) *Синоптическую* или Кіевскую,—Монастырско-Академическую,-начатую *Хроникою* Софоновича, 1672 г, и ознаменованную господствомъ Гизелевскаго *Синопсиса*, напечатаннаго 1674 г.—Вліяніе Синопсиса въ Великой Россіи усилилось съ 1714 г., и въ С. Петербургѣ слилось въ одно *родословное* направленіе *Зерцала Историческаго*, 1748 г.—Ломоносовъ, своимъ *Краткимъ Лѣтописцемъ Россійскимъ*, 1760 г., заключилъ первый періодъ Словено-Русской школы, и *первое лѣто* Исторіи Русской.

2.) *Россійскою Исторіей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., Ломоносовъ положилъ у насъ основаніе *второму* или *Академическому періоду* Словено-Русской школы, ограничивъ ея прежній догматизмъ новымъ ученымъ критицизмомъ, еще до него начатымъ у насъ 30-лѣтними трудами Татищева, съ 1719 г, и трудами Байера, вызваннаго въ Академію Наукъ 1726 г.—Словено-Русская школа, послѣ сего обновленія, господствовала у насъ еще до 1788 г., —хотя безъ дальнѣйшаго возвышенія, но за то съ богатою прибылью отъ обнародованія ея памятниковъ историческихъ: потому она и во *второмъ* или *Критическомъ* періодѣ нашей Исторіи есть *старшая историческая школа*.—Ея возобновленіе въ новѣйшемъ или Систематическомъ періодѣ начинается 1836 г., розысканіемъ Морошкина (Прим. 20) и предлагаемымъ нынѣ моимъ сочиненіемъ.

II.—Вторую область мнѣній о Руси составляютъ *новыя мнѣнія*, зачавшіяся во *второмъ*—*Новомъ* или *Академическомъ* періодѣ, подъ перевѣсомъ критическаго, болѣе или менѣе произвольнаго изслѣдованія и толкованія историческихъ свидѣтельствъ, при *отрицаніи* Словенизма Руси и разномысліи о ея племени и происхожденіи.

1.) Первый, *Сѣверный разрядъ* новыхъ мнѣній, принимающій *Русь не-Словенскую Забалтійскую*, явился 1735 г., съ одной стороны—Академическими Разсужденіями Байера, съ другой—критическими Примѣчаніями Татищева (составлящими первый томъ его своднаго Лѣтосказанія, названнаго Россійской Исторіей).—Разсужденіе перваго по-Русски явилось 1767 г., въ переводѣ

Кондратовича—(прибавьте къ Прим. 3.); критическія изслѣдованія втораго вышли въ свѣтъ 1768 г.— Сѣверный разрядъ мнѣній о Руси развился въ двѣ школы:

а.) Болтинъ съ 1788 года, своими критическими Замѣчаніями на Леклерка, Щербатова, и друг., образовалъ у насъ *первую новую* школу, изъ Татищевскаго мнѣнія о происхожденіи Руси *отъ Финновъ.* Въ 1836 году эта *Татищево-Болтинская* школа отозвалась въ мнѣніи Буткова, съ увеличеніемъ до объема Старой Руской школы (см. Прим. 5.).

б.) Шлецеръ (1802 г.), своими критическими Изслѣдованіями Нестора, по-Русски явившимися 1809 г. въ переводѣ Языкова,— образовалъ у насъ *вторую новую* школу, изъ системы Байера и Тунмана, принимающую происхожденіе Руси *отъ Скандинавовъ.*— Господство ея началось у насъ особенно въ 1816 г., съ Исторіи Карамзина, но съ направленіемъ къ *Словенизму Руси.* Собственное-же начало сей *Байеро-Шлецеровской* школы обьособилъ Погодинъ 1825, обьобщилъ Полевой (1829), и наконецъ у Сенковскаго (1834) оно преувеличено и обращено къ давнему вѣрованію въ преданія и сказанія народныя (по преимущественно Скандинавскія),—

Въ Примѣчаніи 3-мъ сказано, какъ это ученіе было не по мысли Соотечественникамъ нашимъ въ вѣкъ Елисаветы; здѣсь прибавлю, что и производство Руси отъ Финновъ было также не по-мысли Рускимъ. Великая Екатерина, созидая одинъ изъ блистательнѣйшихъ вѣковъ нашей *Исторіи-Жизни*, открыла новый свѣтъ и для *Русской Исторіи-Науки*, принимала участіе въ ея ходѣ не только царственное, но и ученое—какъ Собиратель" *Записокъ касательно Россійской Исторіи*, кои сначала напечатаны были въ *Собесѣдникѣ*, 178[illegible] г.

Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г. № 1, [illegible] снимки съ собственноручныхъ замѣчаній [illegible] на Исторію Стриттера, гдѣ между прочимъ [illegible] рится: „Соблазнительно покажется всей Р[illegible] пріимете толкованіе Стриттера о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ—[illegible] и соблазнъ не малое доказательство. [illegible] разныя.— Сравните Россійскаго [illegible] съ Финскимъ: похожи-ли другъ на друга? [illegible]?

Хотя Россіяне со Славяны разнаго происхожденія конечно, но отвращеніе не находится между ими.— Стриттеръ откуда уроженецъ?"... и т. д.-По собственному мнѣнію Государыни, *Руссы* были особый древнѣйшій народъ, населявшій Великую Россію еще до пришествія Словенъ, кои около 480 г. овладѣли ими, передали имъ свой языкъ и смѣшались съ ними въ одинъ народъ *Словено-Русскій*; по кончинѣ Гостомысла въ 860 г., сіи Словены-Русь соединились съ Варягами-Русью, пришедшими съ сыномъ Короля Финляндскаго, Рюрикомъ и его братьями.—Замѣчу здѣсь и то, что „Собиратель Записокъ" первый обратилъ вниманіе на сравненіе Россійской Исторіи съ Исторіями современниковъ Князей Русскихъ каждаго вѣка, дабы „усмотрѣть умоначертаніе всякаго вѣка." Ломоносовъ указалъ сходство и различіе исторической жизни Россіи только съ жизнію Стараго Рима.—

2.) Второй, *Южный разрядъ* мнѣній о Руси начался въ 80-тые годы, въ Московскомъ Университетѣ, лекціями и записками Чеботарева.

а.) Эверсовыми критическими Изслѣдованіями, сей разрядъ образовался *въ третью новую* школу, разнообразнѣйшую въ своемъ понятіи о племени, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси*. — Начало у насъ сей *Чеботарево-Эверсовской школы* (при господствѣ *второй*) можно положить съ 1825—26 г., съ Погодинскихъ переводовъ Эверса и Неймана. Усиленіе и видоизмѣненіе оной было въ 1834-35 г., въ системѣ Каченовскаго, начавшейся 1829 г.

б.) Въ 1829-же году сей разрядъ умножился *системою Венелина*, принимающею *исконное* или незапамятное пребываніе въ нашемъ Отечествѣ *Руссовъ*, одноплеменныхъ *Словенамъ*: это переходъ сего разряда къ Словено-Русской школѣ, съ Юговосточной ея стороны.

И такъ, отъ *перваго появленія*, Сѣверному разряду нынѣ уже минуло 100, а Южному 50 лѣтъ.—

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОГРѢШНОСТИ.

На страницѣ:	Строкѣ:	Вмѣсто:	Читайте:
27.	6.	*Неметьскую*	*Нѣметьскою*
43.	20.	комцѣ	концѣ
45.	11.	Югри	Югра
69.	13.	*Нарци*	*Нарцы*
75.	15.	Одоакръ	Одонарецъ
77.	3 снизу	открыта	раскрыта
85.	31.	въ два послѣдніа	съ послѣдняго
96.	22-	не признаются	и признаются
117.	13.	Торковъ	по имени Торковъ
128.	1 снизу	*Вагри*	*Вагріи*
130.	14.	эксцентьı	эксцепты
139.	3 снизу	отдалъ	и отдалъ

Нѣкоторыя ортографическія неисправности въ сей книгѣ Читатели усмотрятъ сами; относительно-же другихъ погрѣшностей скажу словами Суздальскаго инока Лаврентія:

„Чтите, исправливая Бога-дѣля, а не клените!“

